

Салма Калък

Любовъ против
(не) любви

16+

Магический XVI век

Салма Кальк

Любовь против нелюбви

«Автор»

2021

Кальк С.

Любовь против нелюбви / С. Кальк — «Автор»,
2021 — (Магический XVI век)

Катерина Петровна прожила долгую и насыщенную жизнь – училась, работала учителем и завучем в школе, воспитывала детей, а потом и внуков. И оказалась совсем не готова к тому, что после смерти её душа вновь воплотится в тело молоденькой Кэт - невестки жестокого лорда Грегори из далёкого северного края. Муж – молодой и бесхребетный, его братья – хищники, свекровь – недобрая и коварная, свёкор – исчадие ада. Как они вообще здесь живут? Но женщины, подобные Катерине Петровне, не сдаются.

Содержание

Пролог. Волшебное кольцо	5
1. Зима	6
2. Весна	9
3. Лето	13
4. Осень	17
5. Снова зима	21
Часть первая. Училка против лорда	23
1. Уговор	23
2. Катерина Петровна и её дети	25
3. Найти замену	27
4. Невозможно терпеть	29
5. Пробуждение	31
6. Странная реальность	33
7. Плохие новости	36
8. Соперники	39
9. Богатая одежда	41
10. Семья	44
11. Радужные нитки	47
12. О быте и о лечении	50
13. Информация для размышления	53
14. Шагнуть во тьму	55
15. Телфорд-Касл	58
16. Грейс	61
17. Семейный ужин	63
18. Ночью все кошки серы	66
19. Осмотр территории	68
20. Рональд	71
21. Семейная сцена	74
22. Джон	77
23. Леди Маргарет	80
24. Что (и кого) можно встретить в коридорах замка	83
25. Сокровища Кэт	86
26. Инструкции и применение	89
27. Утренние развлечения	92
28. Роберт	96
29. Три недели	100
30. Перебежчик	104
31. Прошлое и будущее	107
Часть вторая. Порядок против хаоса	110
1. В путь	110
2. Слушать и слышать	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Салма Кальк

Любовь против нелюбви

Пролог. Волшебное кольцо

Отдавай, мой гость, мне моё кольцо,

А не хочешь если – совсем возьми.

(Мельница)

Н

ужно ли спасать девушку, если встретили её зимой в лесу в затруднительном положении?
Даже если и так, кольца у неё следует брать с большой осторожностью.

Не верите? А вот послушайте.

1. Зима

Жил-был на северо-востоке Полуночных островов один богатый и знатный человек, и было у него три сына. Старший, Джон, почитался родичами и соседями за умного – вперёд старших не лез, порученное исполнял, советы слушал, непотребств не творил. Средний, Эд, тоже был ничего себе так. А вот младший, Уилл, подкачал – родился дурак дураком. Не из тех, что ложку в ухо несут, но – с кем вечно что-то случается.

Пока был мал, и беды его тоже были небольшие. То в овраг упадёт, то из болота его вытащат едва живого, то запнётся на ровном месте да ведро с помоями на себя перевернёт. А как подрос, то и беды разом с ним подросли.

Как-то раз отправился он с друзьями на лодке в море порыбачить – так с ясного неба упал на них сильнейший ветер, лодку перевернул, самих чуть не потопил, чудом до берега добрались. Потом было дело – едва бревном не задавило, и вообще работа по хозяйству у Уилла из рук валилась. От всякой бодливой коровы Уиллу тоже доставалось, он уж и скотный двор обходил стороной, а какой же из него хозяин, если к своей скотине носа не показывает?

Шло время. Женится Джон – на знатной девице с хорошим приданым. Женится и Эд – на девушке из соседнего поместья, взял за ней хороший кусок земли, прямо рядом с Телфорд-Каслом. А за Уилла никто идти не хотел. Прямо, конечно, не отказывали, ибо отец его, старый лорд, был нравом крут и отказа бы не стерпел, но меж собой говорили – что лучше уж отправить дочку или племянницу подальше, чем отдавать за такого неудалого да неумелого.

Как-то раз, зимой, в йольские дни, собрались в Телфорд-Касле родичи. Кузены и племянники, чьи-то сёстры, чьи-то братья. Днём носились по замёрзшим полям, гоняли лис да зайцев в ближнем лесу, а вечером садились у камина и рассказывали сказки. Или вот ещё гадали. На достаток в будущем году, на женитьбу-замужество, на любовь.

Уиллу, как водится, не выпало в том гадании ничего особенно хорошего. То монетку мелкую вытащит из мешка с зерном, то колечко бронзовое с синей стекляшкой, да ещё и волос какой-то зацепился за то колечко, он сразу и не разобрал. Налетели девицы – кузины да племянницы, выхватили из рук обалдевшего парня то кольцо, да как начнут хохотать! Волос, видите ли, был рыжий да длинный, а у кого в доме или в округе такие волосы? Ни у кого! А только лишь в хвосте у Огневласой, кобылы невиданной красоты, недавно купленной старым лордом. Вот и посмеялись – кому, мол, и кобыла – невеста! Раз с девками-то не заладилось!

Плюнул Уилл да и ушёл спать. А поутру встал с рассветом и подался в лес – любил он это дело, по лесу бродить. Он понимал лес, знал, как там следует ходить, чтобы не тревожить почём зря никого из тех, кто там водится, и лес платил ему добром. Уилл всегда мог легко найти и полянку с ягодой, и пенёк с грибами, и охотился он прилично – но брал себе всегда ровно столько, сколько нужно, не более. Чтобы самим достало поесть, да и хватит. Отец так и говорил – в замке да во дворе с тебя толку нет, так пойдя хотя бы дичи к ужину принеси.

Уилл приносил, ему нетрудно. Так и сейчас – взял арбалет, взял рогатину да пошёл.

Долго ли, коротко шёл – и услышал странный звук, будто кто плачет тоненько. Ну вот ещё, что за дело такое, кому в лесу плакать в эту пору? Холодно и снежно. Даже и мысли не возникло не ходить и не смотреть – а ведь вокруг зимних праздников кого только ни встретишь, только накануне вечером у камина страшилки рассказывали!

Пошёл он на звук, да и вышел туда, где крестьяне из ближней деревни капканы на лис ставили. Но увидел не лисицу в том капкане, а девицу! Вот прямо девицу, да незнакомую – у них в округе таких отродясь не водилось. Девица тихо плакала, потому что ногу её крепко держало железное кольцо. Хорошо хоть, не сломала себе ничего, думал Уилл, пока разжимал капкан да вызволял пленницу.

Дева была рыжей. Нет, не просто рыжей, а огненно-рыжей. И одета не по-здешнему – в ярко крашенное синее сукно и подбитый мехом плащ. На землях Уиллова отца одевались темнее и скромнее, а девы и вовсе не отваживались надеть яркое – чтобы не цеплять взгляды лорда, его сыновей да его людей.

Дева была явно из хорошего рода – кожа нежная, пальчики тонкие, руки не знали никакой тяжёлой работы, прямо как придворные дамы королевы! Уилл в жизни не видел ни одной придворной дамы, да и ни одной королевы тоже, потому что родного замка не покидал, но – рассказы-то слышал, и не раз!

И вот теперь Уилл держал на руках тяжело дышащую деву и совершенно не знал, что с ней делать.

Что-то хрустнуло в тишине, будто упало в снег и в сухие ветки. Он глянул себе под ноги – точно, ямка в снегу, как уронил что-то. А что он мог уронить? Ничего такого у него не было. Пришлось бросать на землю свой толстый суконный плащ, аккуратно складывать на него бесчувственную деву и смотреть, что там упало.

Шарил он руками, шарил, раскапывал снег, и вдруг что-то блеснуло в скупых лучах зимнего солнца. Смотрит Уилл, а это кольцо. Взял он осторожно, двумя пальцами, повертел – необычное кольцо, не иначе волшебное. Потому что само по себе оно серебряное, или очень на него похожее, а камень в нём странный. С виду – просто камень, каких на морском берегу, что звёзд на небе в ясную ночь. Но стоило попасть на него солнечному лучу – и заиграл тот камень всеми цветами радуги. Синим, зелёным, жёлтым, лиловым. А вокруг камня – зубцы ажурные короной.

Только вспыхнул на солнце камень – как очнулась дева. Застонала, зашевелилась.

– Твоё, что ли? – спросил Уилл.

– Отдай, – простонала она. – Не тебе им владеть.

– Я ж могу не владеть, я могу просто придержать, – заметил Уилл.

Кольцо было как раз под тонкий девичий пальчик – ему только на мизинец, да и то на самый конец.

– Отдай, что хочешь исполню, – проговорила дева, и видно было, что нелегко ей дались те слова.

Неужто повезло? – думал Уилл. Неужели встретил не просто деву, каких и в замке, и в деревнях вокруг хватает, а волшебницу или вовсе не человека, а кого-то из Старших?

Вгляделся внимательно – дева да и дева, но кто ж её знает-то, на самом деле?

– Три желания? – спросил несмело.

– Пусть три, только отдай, – выдохнула она.

Дышала тяжело, бледная была – прямо как тот снег, что вокруг под солнцем серебрится.

– Будь по-твоему, – кивнул Уилл. – Только про желания-то не забывай!

И вложил кольцо ей в руку. Сжала она пальцы и так лежала, дышала тяжело. А потом словно кто понемногу стал её раскрашивать – порозовели щёки, покраснели губы, выровнялось дыхание. И раскрылись глаза – невероятно синие. Глянул Уилл в те глаза... и пропал.

Так и закоченел бы в лесу, наверное, но дева заметила и рассмеялась.

– Чего уставился? Помогай подняться, раз уж нашёл меня здесь да желания исполнить просишь!

Уилл протянул ей руку, помог встать на ноги. И вправду чудо – дева будто и не лежала тут, на его плаще, едва дыша, ещё совсем недавно! Но она смотрела на него и улыбалась.

– Как зовут тебя? – спросила она.

– Уилл... Уилл Телфорд из Телфорд-Касла, – выдохнул парень.

На щеках девы играли от улыбки ямочки, пышные длинные волосы так и горели огнём на солнце, вокруг серебрился снег... потянулся к ней Уилл и поцеловал.

То есть – только коснулся. Ибо со смехом отпрянула она и говорит:

– Осторожнее, Уилл Телфорд из Телфорд-Касла. Увлечёшься да забудешь дорогу домой, так и останешься тут вокруг дерева ходить, зачем оно тебе надо?

– Не надо, меня дома ждут. А тебя как звать?

– Мэгвин, – снова улыбнулась она.

Прямо как солнца в зимний день добавила. И снег обычно так не сверкает, и под ногами так остро не хрустит, и сосульки на ветках так тоненько не звенят. Глядеть на неё – и не наглядеться, слушать – не наслушаться.

– Ступай, Уилл Телфорд, – повторила она.

– А желания? – встрепенулся он.

– Будут тебе желания, – кивнула дева Мэгвин.

– Я ж тебе их не сказал, – изумился он.

– Ну так скажи, – она всё ещё улыбалась. – Вдруг не угадаю?

– Мне того, жениться надо, – сказал он.

А потом подумал: что он несёт, дурак такой! Зачем ему жениться на ком-то там, если вот оно стоит, его счастье, смотрит и улыбается? А говорит – будто колокольчики поют, такие, звонкие и нежные, небесные, таким только в небесах и звенеть, нигде больше.

– Женишься, – кивнула она. – Да так, что все ахнут. И жить будешь хорошо.

– Благодарю тебя, – он вспомнил, что бывает в мире вежливость, поклонился и поцеловал тонкие пальцы, на одном из которых уже синело знакомое кольцо.

– И я благодарю тебя, – кивнула дева Мэгвин. – Ступай же, стемнеет скоро!

И вправду, день-то к закату клонится, ничего себе он задержался-то! Дни сейчас недолгие, нужно успевать, пока ворота не заперли!

Уилл повернулся, двинул туда, где начиналась тропинка, выводящая из леса, и вдруг раз! – лес-то и кончился. Смотрит он – стоит на опушке, впереди виднеются стены и башни Телфорд-Касла. Оглянулся на тропу – а нет той тропы, как вовсе не было. Ни единого его следа, а у него сапоги хорошие, железом окованные, в снег просто так не наступишь. Не умеет он так ходить, чтобы в снегу следов не оставлять.

Перекрестился да побрёл себе к замку, а то темнело уже. Там его сегодня и не ждали – на рассвете ушёл, на закате не явился, наверное, заночевал, с ним такое случалось. Но пустили – ибо ещё не вовсе стемнело, да и перекрестился Уилл, как надо, а никакая нечисть того не сможет, это всякий знает.

* * *

А дева Мэгвин проводила взглядом местного недотёпу и улыбнулась. Впрочем, если будет у него немного удачи, то не такой он и недотёпа! С собой хорош, сложен ладно, кудри пшеничные, глаза голубые. Загляденье! Это он подле старших братьев теряется, а так-то и сам ничего!

Вздохнула, посетовала про себя – что пришлось дать обещание. Но как тут было иначе? Никак. Очень уж не ко времени попала она в тот капкан, совсем не смотрела под ноги.

Дело было в том, что у Мэгвин вчера случился первый выход в люди. Первый раз выбраться в человеческий мир, пройти по снегу, подставить лицо лучам солнца. Посмотреть, как здесь всё устроено. Хоть и предупреждали её, чтоб осторожничала, она же не слушала, думала, что нет умнее и хитрее, чем она... вот и вляпалась.

Что ж, теперь придётся выполнить всё, что обещала, потому что не выполнить нельзя. И впредь быть осторожнее, смотреть и под ноги, и под снег, и вообще оглядываться – что вокруг-то происходит.

Мэгвин оглянулась, никого не увидела, облегчённо вздохнула. Перекинулась в рыжую лису и побежала себе.

2. Весна

Уилл лежал в болоте, смотрел в небо и ждал конца.

Он уже не чувствовал боли, и тела своего тоже не чувствовал. Но в полусне-полудрёме отчего-то мог думать. О том, что зря послушался отца и отправился с ним и старшими братьями усмирять северную границу. Будто своих неприятностей мало и будто не нужно никому держать Телфорд-Касл – потому что, скорее всего, победители дойдут туда, и тогда от их рода не останется никого, совсем никого.

Дома оставалась жена Мэри, и четверо их детей, и жена брата Джона, тоже с детьми, у Эда жены уже не было, но были сыновья. Эх, их столько лет не трогали, и может быть, не стали бы? Если бы они сами не связались в древнюю свару?

Уилл видел, как погиб отец, и смерть Эда тоже видел. О Джоне он ничего не знал, но брат был тяжело ранен ещё вчера, сегодня с трудом сел в седло.

Знал – они разбиты, будто и не было у них отличной конницы, и лучших на северном побережье лучников! Но у них не было магов, ни одного. А северянам служили целых три. И похоже, только один из них был человеком, а двое других – и вовсе из Старшего народа. Маги швырялись молниями, поджигали всё, что могло гореть, разверзали землю под ногами коней, а под конец и вовсе превратили небольшую поляну в болото с кочками. И кажется, даже с жабами, которые вылезли на кочки на закате и принялись квакать.

Вот так и кончилась жизнь – в болоте, среди жаб, думал Уилл. А ведь всё было неплохо, а после той зимы, когда он нашёл нездешнюю деву и кольцо, – весьма неплохо.

Она сказала тогда – женишься, да так, что все ахнут. Так и вышло. Проезжал мимо герцог Сомервил со своими людьми и домочадцами, и была при нём племянница – дочка сестры, по имени Мэри. Лицом милая, нравом кроткая, чем-то она тронула сердце Уилла – нет, не поразила громом, но – тихой лаской и мягким обращением. Было видно, что он ей тоже глянулся, и никто не думал, что герцог отдаст родственницу за недотёпу Уилла – но тот отдал. И приданое за ней дал неплохое.

Отец, лорд Телфорд, изумлялся – но Уилла с той поры стал похваливать. И охотник-то он, и стрелок, и жену нашёл – не чета другим, и дети у него красивые, сильные, здоровые. У Джона был один сын, и тот хворый, и три девчонки. У Эда – два сына и дочь, но такие, обычные. А Уилловы дети уродились красавцами, в деда – что дочки Энни и Джейн, что сыновья Джон и Грегори. Кудри пшеничные, глаза голубые, ясные, сложены – загляденье, и здоровы – тьфу три раза через левое плечо.

Впрочем, если северные маги дойдут до Телфорд-Касла – то там не выживет никто. Ни взрослые, ни дети. Ну да, на стенах есть пушки, но хватит ли обученных пушкарей? Выстоят ли те стены против магического огня с небес? А если подожгут ворота? Да что там, где он – и где те ворота, и стены, и все те, кто внутри?

Глаза уже не открывались, и мысль от дерзких налётчиков перескочила на то, давнее, запретное. О чём сам себе думать заповедал. О рыжих кудрях, синих глазах, искорках на снегу. О голосе, что как ласковый ручеёк. О смехе, звонком, как капель, как небесные колокольчики, что поют там, далеко, лишь для избранных праведников.

О нет, это было не сравнить с мыслями Уилла о жене – это просто другое. Как есть рождественская песнь – светлая и радостная, а есть – мелодия скрипок, что поют в Бельтайн у костра, которая тоже хватает за душу, но – не так, или не тем местом, или не за ту душу, хотя что это он, душа-то единая, бессмертная, слабая...

Уилл почти никогда не вспоминал о той зимней встрече. Изредка. И всегда – с благодарностью. Потому что понимал – непростая то была дева, раз удачу к нему привлекла, да и

что простой в капкане делать, простые дома сидят, а в лес по тропинкам не ходят, и в глушь звериную, где духа человеческого днём с огнём не сыскать, не забредают. И свезло ему по крупному, раз он её повстречал, потому что мог ведь всю жизнь прожить и недотёпой остаться.

Где-то она сейчас? Жива ли? Здорова ли? Не попала ли ещё кому-нибудь в капкан, да такому, что не пожалел бы? Хоть разок бы увидеть её напоследок – хоть знать, что не пригрезилась ему та встреча!

Уилл открыл глаза – и не видел уже неба. Не то стемнело, не то смерть к нему подкралась – неслышно и неотвратимо. Но не шли на ум слова молитвы, а вот звон тех небесных колокольчиков – слышался. Далеко-далеко, а потом – будто ближе, и ещё ближе, и совсем рядом...

– Звал? – спросил подле Уилла звонкий девичий голос, знакомый до боли – и неизвестный вовсе.

Силился он открыть глаза – но не мог уже. Хотел вдохнуть да ответить – но не было в нём столько сил.

– Ну что, болезный, досталось тебе? Пойдём, полечу, – сказала, невидимая, точно ангел вздохнул рядом да крылом своим его осенил.

А потом то крыло объяло Уилла со всех сторон – и больше он не помнил ничего.

* * *

Мэгвин услышала зов.

Не соплеменника, не родича – но кого-то другого. Непонятного.

И зов был такой силы, что противиться ему она не смогла. Пришлось идти и смотреть.

Лисьи лапки привели в болото, которое ещё недавно болотом не было – Мэгвин чувствовала это очень хорошо. А над тем болотом витал запах смерти.

Мёртвые люди, мёртвые кони. Заколоты, застрелены, зарублены. Утонули.

Опять кто-то решил проучить людей? За что? Мэгвин кое-что знала о людской магии, она была другой. Люди слышали только часть магических сил, и то обычно человеку была подвластна малая толика этой части. Мало кто из людей мог призвать и силу всех стихий, и жизнь, и смерть, и божественную правду. Сородичи Мэгвин просто видели мир, как он есть, со всеми силами в нём, и умели где взять, а где договориться. И сделал болотом несчастную полянку именно такой сородич – Мэгвин узнала характерные сплетения сил.

Но кто её звал? Здесь как будто нет уже никого живого! Или... есть?

Она осторожно сделала несколько шагов... и увидела. Конечно, она узнала его мгновенно. Того, кто спас тебе жизнь, будешь помнить всегда, даже если это просто человек. И сейчас он уже наполовину утонул в болотной жиже, смешавшейся с кровью, и дышал хрипло, и глаза его смотрели – и не видели.

Мэгвин выудила из воды его руку и надела ему своё кольцо. И вспомнила его имя – Уилл Телфорд из Телфорд-Касла, так он назвался.

Действие кольца началось – раненый задышал ровнее. Можно было попробовать вытащить его из воды и унести к себе – там лечить сподручнее.

Мужчина был тяжёл. Он и в юные годы не отличался лёгкостью в кости, а теперь и вовсе был могуч, а его крупное тело – неповоротливо. Но Мэгвин справилась. Сама она пользовалась силами мира играючи, такова была её природа – для таких, как она, всё это было что солнечный луч или ветерок в поле. Поэтому тело послушно приподнялось над водой, а там уже можно сколдовать ему лететь к ней в норку.

Да, Мэгвин жила в норе – и было это нечто среднее между лисьей норой и человеческим жилищем, как и сама она с точки зрения людей не была ни человеком, ни зверем. Ну да, она и не зверь, и не человек, она просто из Старшего народа. Раньше здесь только такие и водились, это теперь одни люди везде.

Та нора была... недалеко. По её меркам, не по людским. И если она не удалялась от той норки слишком, то могла попасть в неё достаточно быстро – обычная магия дома. Да и кольцо ей в помощь.

В норе она уложила раненого на единственное ложе, застеленное белоснежным льняным полотном, и принялась за дело. Остановить кровь, срастить кости, промыть и зашить раны – большие и малые. Мэгвин не знала, сколько времени прошло, длился ещё день побоища, или взошла новая заря. Очень уж мало оставалось в нём жизни в момент их встречи, пришлось делиться, ни до чего другого дела не было.

Грязная и рваная одежда сгорела в огне – ладно, сапоги можно оставить, и пояс, и сумку поясную. Оружия при нём не было – только ножны на поясе, да ещё одни в сапоге, и все пустые. Наверное, всё осталось где-то там, в болоте или в телах врагов. Ничего, наживёт новое. Если проснётся.

Простынь тоже пришлось отправить в огонь и постелить свежую. И накрыть его ещё одной. И пусть спит.

Мэгвин сама не заметила, как уснула. Свернулась в клубок подле него, накрыла нос хвостом – и провалилась в сон.

Ей тоже нужно спать и восстанавливать силы.

* * *

Уилл проснулся и никак не мог понять, где он есть. Что за каменный свод над ним, откуда пробивается слабый свет, почему он лежит здесь и как сюда попал. Была битва, его ранили, потом снова ранили, потом убили коня, и он упал в болото... а потом?

Он попытался пошевелиться – но сил не было, он был слаб, как котёнок или щенок, и едва мог пошевелить пальцами. И ни одного звука тоже издать не смог – разевал рот, как рыба, да и всё.

Сбоку лежало что-то тёплое. И дышало, и щекотилось шерстью. Зашевелилось, и словно хвост мазнул по его руке. Собака? Кот? Откуда?

И будто кто-то сказал: «Спи». И дохнул ему в лицо чем-то сонным. Что тут оставалось? Только спать.

Снова он проснулся в полной темноте. Никакого свода, никакого света, и под боком никого. Но можно было немного пошевелиться – на один бок повернуться, на другой, руки-ноги потянуть, пальцами пошевелить. Сил всё ещё было немного, но – больше, чем в прошлый раз. Если он и был вообще, этот прошлый раз, а не приснился ему. Да и сейчас, правду сказать, он не мог точно сказать – спит или бодрствует.

Пошевелился снова – и что-то задел, в темноте не было видно, что именно. Грохот подсказал, что, наверное, это не сон, это самая что ни на есть реальность – будто кубок на пол упал, да ещё и вода какая-то разлилась.

Лёгкие шаги, прикосновение пальцев ко лбу. И снова не то шёпот, не то мысль – «Спи. Рано. Всё потом».

Третье пробуждение случилось оттого, что в сон его кто-то проник и сказал: «Пора, теперь можно». Раз пора, так пора, и Уилл открыл глаза.

Она сидела рядом и осматривала его – как лекарь или даже как целитель. Легко касалась рук, ног, корпуса. Увидела, что он проснулся.

– С возвращением, Уилл Телфорд из Телфорд-Касла, – улыбнулась она.

– Здравствуй, Мэгвин, – даже в мыслях он никогда не произносил её имени, а тут всё равно что само на язык пришло. – Где это я? Что со мной? И где остальные?

– Об остальных ничего не скажу. Я нашла лишь тебя, и постаралась вылечить. Я думаю, ты уже сможешь встать на ноги – сейчас. И одежду для тебя я тоже нашла.

Он глянул – одежда была незнакомая, только сапоги да пояс – его. Сорочка из тонкого полотна с незнакомой вышивкой, да такие яркие цвета, что он и не встречал никогда. Дублет – шерстяной, по всему видно – тёплый, и лёгкий, и тоже с незнакомой вышивкой – листики там какие-то и цветочки. Штаны и чулки – такие же зелёные, как дублет, и такие же незнакомые. Надел – и всё оказалось впору.

А на своей правой руке он увидел знакомое кольцо.

Мэгвин принесла умыться. Уиллу удалось встать, сначала в глазах потемнело, но после он отдышался и смог не только стоять на ногах, но и сделать несколько шагов по освещённому магическими шарами покою.

Ложе, лавка, сундуки – как в обычном доме. Небольшой стол, на нём – хлеб, сыр на чистой тряпице, какая-то зелень. И кувшин с водой. И ни одного окна.

– Ты здесь живёшь? – спросил он.

– Да. Когда бываю в ваших краях, – улыбнулась она. – И пригласила бы тебя задержаться подольше, но тебе стоит поспешить. Пока от твоей прежней жизни ещё что-то осталось.

– Замок? Мэри? Дети? – схватился он за голову. – Ты знаешь, что с ними?

– Знаю, что времени нет. Ты исцелился не до конца, но чтобы добраться домой и победить, тебя достанет.

Мэгвин тряхнула рыжими кудрями, достала из сумки на поясе камешек на цепочке. Вроде и обычный, а вроде – и нет.

– Если ты вернёшь мне моё кольцо, я дам тебе это. Кольцо не даст тебе защиты от оружия, а камень – даст, хоть и небольшую. Но тебе хватит. И ещё я сейчас проведу тебя своей тропой – зажмуришься покрепче, и ничего тебе не будет. Ну и... мы вернёмся немного назад.

– Назад?

– Да. Ты пролежал у меня три дня. Если ты просто сейчас отправишься домой, то... будет немного поздно. И вот ещё... возьми. Там, куда ты идёшь, безоружному делать нечего.

Клинок лежал на лавке. Он не был ничем украшен, но Уилл с одного беглого взгляда понял, что очень, очень непросто. Будто светящийся металл, тонкий, едва заметный узор по лезвию, изящная рукоять... ох, не люди его отковали!

Он без колебаний снял кольцо и протянул ей. Она надела его себе на палец, а ему на шею – тот камень на серебряной цепочке.

– Благодарю тебя, Мэгвин, – Уиллу было трудно, голова кружилась, но он опустил на одно колено и коснулся губами подола её синего платья, там, где змеилась изящная незнакомая вышивка. – Никто не смог бы сделать для меня больше, чем ты.

– Так и ты, помнится, не сомневался, когда спасал меня, – улыбнулась она. – Поднимайся и держись крепче.

Она взяла его за руки, и мир вокруг завертелся и размазался.

Уилл пришёл в себя в воротах Телфорд-Касла – от самих ворот уже ничего не осталось, таран валялся сбоку, защитники крепости встали на месте тех ворот и оцетинились длинными копьями. Впереди что-то копошилось в колеблющемся сером мареве, но как только Уилл взялся свободной рукой за дарённый камень – марево тут же исчезло, и остались люди, просто люди, которых можно и нужно победить.

Он понадеялся, что на башне ещё остались лучники, и что они поддержат, взмахнул рукой и заорал:

– Вперёд! – и сам первым двинулся навстречу нападающим.

3. Лето

Нынче ночью костры горели везде – и во дворе Телфорд-Касла, и в окрестных деревнях, и на опушке леса, и на берегу моря. Лита, вершина лета. Солнышко стоит высоко, небо ясное, день длинен, ночь коротка. А наутро с рассветом покатится лето к осени.

Уилл стоял на крыльце замка и щурился на закатное небо. Сегодня празднуют все – и лорд, и его семья, и его люди в замке, и окрестные крестьяне. Все хотят хорошей погоды, доброго урожая, мира в окрестностях. Старый король не воюет, но его люди держат границы в кулаке. И Уилл Телфорд – один из таких людей короля, северная граница как раз на нём. После случившегося десять лет назад разгрома северных соседей Уилл был в небывалой милости у короны. Ещё бы, едва ли не лично превратил поражение в победу, сам собрал последнюю оставшуюся в живых горсточку защитников и собственной рукой уничтожил всех магов вражеского войска.

Уилл никогда не рассказывал, как именно он это сделал. Какое чудо принесло его к воротам замка в последний оставшийся для того момент. Что за клинок пел в его руке – к слову, до сих пор он тот клинок никому не позволял даже подержать, сам ухаживал за ним, холил и лелеял. После победы он тихо возблагодарил господ за своё чудесное спасение – потому что не так уж и важно, кем была Мэгвин, но она спасла его, а всё благое, что есть в мире, – оно от господ и господним замыслом предусмотрено, а кто думает иначе, тот дурак и еретик.

За десять истекших лет Уилл стал единовластным лордом Телфордом. Братья мертвы. Сын старшего, Джона, хворый и немощный, ушёл в обитель святого Хью, что неподалёку от Прайорсли. Сыновья второго, Эда, сгинули в приграничных стычках – пять и три года назад. Племянниц Уилл выдал замуж – и постарался ни одну не обидеть приданым, не к лицу ему такое, родная же кровь.

Его собственные дочери тоже разлетелись замуж – и старшая, Энни, и младшая, Джейн. Сыновья были при нём – но присматривали себе невест.

Супруга Мэри умерла три года назад, и с тех пор Уилл был один. Никакие служанки не грели его постель, и никакую молодую жену он в дом не привёл. Конечно, Мэри на том свете, наверное, не обиделась бы, дому и хозяйству нужен пригляд и женская рука, но никто из встреченных в последнее время дам и девиц никуда Уиллу не запал – ни в сердце, ни в душу, ни хотя бы в мысли. Потому что все они были какие-то... обычные.

Так и сказал недавно заехавшему в гости кузену Джорджу, которого, как приветственный бочонок показал дно, потянуло на откровенность. У того-то всё просто – дома жена, а в каждом подвластном поселении – по любовнице, и дети от всех, но тут он задумался недавно – а как же он всех этих детей обеспечит? Его кровь, нужно что-то дать! Понятно, что законные дети превыше всего, но ведь и прочих тоже бросать не годится, раз признал?

Уилл мог кузену разве что посочувствовать – у него-то никаких бастардов не было. Не то чтобы он вот прямо был верным мужем, нет, всякое случалось, особенно по молодости... а потом он вдруг понял, что его не привлекает никто.

Ну да, молодые, ну да, свежие. Но взгляды пустыньские, в них мало что есть, кроме желания – или нежелания – услужить могущественному лорду. Зачем это ему? Да и у знатных девиц во взгляде и в голове не сильно-то и больше – тоже хотят стать здешней леди и не подозревают, что это – никаких вам придворных развлечений, балов там или ещё каких праздников, песен менестрелей и стихов поклонников – ничего этого здесь нет. И наряды красивые показывать некому. Его Мэри и то не сразу поняла – но она была юна и влюблена, и он, наверное, тоже, вот и сладилось у них. Но после она сама отлично видела, что новая крыша важнее жемчуга на платье, а новый дублет сошьём, когда старый уже починить не выйдет, и новое платье – так

же. Когда зимой ехали ко двору – там да, нужно было блеснуть чешуёй и яркими перьями, но это – не каждый год, и после сбора урожая, так что – иногда можно.

У последней девы, которую её родители сватали в леди Телфорд, в глазах так и крутилось: жених в годах, крепок и богат, и за юную её красоту отвалит, не торгуясь – и жемчуга, и тканей заморских, и камней дорогих. Нет, не отвалит. Тут о прошлом лете новым замком обзавелись, в дне пути к востоку, там ремонт. Овец нужно ещё прикупить, и племенного бычка. И пару пушек – на всякий случай. Тут не до жемчугов, тут граница.

Так он, помнится, кузену и сказал. Тот посмеялся – ну, мол, хочешь заживо хоронить себя – хорони, дело твоё.

«Отчего же хоронить, – думал Уилл, – рано ещё». И двинулся со двора наружу, к пылавшим на морском берегу кострам. Костры-то как раз горели в приграничье регулярно – старые обычаи чтили. Это вам не на балу попрыгать, это про важное.

Там пели и плясали, и рвали душу дудки, и харди-гарди кто-то приволок, и что-то ещё. Он подхватил за руку какую-то девчонку, за другую – ещё одну, и они полетели в бесконечной цепочке, которая свивалась, развивалась, запутывалась и распутывалась вновь. Так от веку танцевали в самую короткую ночь, меж костров, на берегу, там, где и не суша, и не вода, а вовсе ничья земля.

Музыка сменилась, партнёры тоже, в руку Уилла легла рука, он глянул... и встретился с шальным взглядом синих глаз. Точнее, в свете костра не было видно, какие они, эти глаза. Просто он точно знал – синие-синие, как летнее небо.

И знакомое кольцо тоже ощущалось ладонью, хоть и держал его в руках всего ничего, а вот – запомнилось.

Они летели в кругу, а потом круг разорвался. Где-то на пары, где-то нет. Но Уилл точно не собирался выпускать ту руку, которая ему досталась, потому что если это не судьба, то тогда что?

И она схватилась за него, будто так и надо – да, я здесь, я с тобой, я тоже ждала этой встречи, я рада, я сейчас не отпущу тебя никуда и ни к кому.

– Ну здравствуй, Уилл Телфорд из Телфорд-Касла, – улыбнулась она прежде, чем поцеловала его.

– И ты здравствуй, Мэгвин, – это он жил и матерел, а она – не менялась нисколько.

Такая же тонкая, лёгкая, нежная – как в первую их зимнюю встречу. И глаза сияли так же, нет, всё же что-то добавилось в них – не безмятежный свет юности, но зрелость и мудрость. И всё это сейчас было – для него.

Они не пошли далеко, а просто пробежали по полосе прибоя, выбрались на опушку леса, сели под куст. Уилл снял плащ и бросил на землю, как когда-то зимой, и подхватил её, и посадил на тот плащ. Только сейчас оба они были живы-здоровы, и сильны, и радостны – не только радостью праздника, но ещё и оттого, что встретили сегодня друг друга.

И были их руки горячи, а уста – сладки, касания – ласковы, а слова – полны того, что и не выскажешь-то просто так, а только если вдруг сошлись звёзды и притянули друг к другу.

И ещё они сегодня никуда не торопились.

Не нужно было успевать до заката, не звал осаждённый замок. Можно было оставаться в плену рук, нежных и сильных разом, и звать, и отзываться самому, и радоваться, и наслаждаться.

– Мэгвин, ты выйдешь за меня замуж? – спросил Уилл на рассвете.

Синие глаза удивлённо распахнулись.

– Замуж? Ты готов взять замуж такую, как я?

– Я готов взять замуж именно тебя и никого другого. Назвать своей супругой и госпожой, любить и уважать.

– Но... я не смогу пойти с тобой в церковь. Наверное. То, во что веришь ты, не может быть рядом с такой, как я.

– Но ведь ты существуешь, – покачал он головой. – Ты тоже сотворена, как и все мы. И ты тоже достойна любви и уважения.

– Сотворена, да не тем, – горько усмехнулась она. – Не будет тебе покоя, если ты решишься на такой шаг.

– Так разве я ищу покоя? Нет, госпожа моя Мэгвин, только счастья. И если ты дашь мне немного этого счастья, то жизнь моя будет радостна. В свою очередь, я готов любить тебя и заботиться о тебе – если ты позволишь мне это.

– Не пожалеешь ли ты о своих словах спустя время?

– Нет, Мэгвин, не пожалею. Я видел от тебя столько добра, что просто не смогу забыть его – никогда. И я буду счастливейшим из смертных, если ты подаришь мне частичку своей жизни.

– Будь по-твоему, Уилл Телфорд из Телфорд-Касла. Я согласна.

* * *

Мэгвин не ожидала, что он предложит ей не расставаться. Думала – не решится, всё же таки союз с нелюдью не шутка. Конечно, за те годы, что они не виделись, он стал могущественным и властным, такому не возразишь – наверное. Но... стать хозяйкой замка, даже невенчанной, – как это вообще? Сможет ли она? Она привыкла быть хозяйкой лишь самой себе, и никак иначе, и даже те звери, за которыми она приглядывала в лесу, – это были не её звери, а свои собственные.

Она боялась, и оттого придумывала разные условия. Отпустить её в лес по первому слову. Не заставлять идти в церковь – войти-то она войдёт, но ей будет больно и страшно, потому что его бог не любит таких, как она. Что, её боги? Что подумают? Да ничего, им нет дела до того, как живёт каждое творение. Непоправимого не совершает, и этого достаточно.

А дети? Вдруг дети? Судьба полукровок всегда непроста, нужно ли испытывать кого-то такой судьбой? Ладно девочки, а вдруг мальчик? Как переживут те сыновья, которые уже есть?

Но он стоял на своём нерушимой возвышающейся над морем скалой. Решим. Придумаем. Да если кто-нибудь осмелится бросить на тебя косой взгляд, уж не говоря о недобром слове, – тотчас пожалеет.

И она согласилась. Она пообещала быть с ним, пока смерть не разлучит их, – и оба отчётливо понимали, что это будет его смерть. Разве что она сделает всё возможное, чтобы та смерть наступила как можно позже. Как? Есть способы. И просто любовники таких, как она, живут дольше и болеют меньше. И лечить она умеет – кому знать, как не ему. Поэтому...

Мэгвин слышала о таких союзах. Её соплеменники, бывало, сходились с людьми, и даже дети рождались в таких союзах, но – кому-то везло, кому-то нет. Кто-то жил в любви и согласии долгие годы, а кого-то гнали из людских поселений с проклятьями. Человеческое проклятье не имеет силы над такими, как она, но это всегда неприятно. И ладно она сама, но – вдруг и вправду дети?

Жизнь длинна, жизнь такова, как она есть, и если уж начистоту, то Уилл Телфорд из Телфорд-Касла был единственным из людей, кому бы она сказала «да». Потому что очень уж сильные узы их связали – он спас её, она спасла его. Другие просто были бы квиты, но – не они. Отчего так? Почему его образ запал ей в душу, хоть и не думала она о нём ежечасно, но – просто был там, навечно отпечатался? И даже когда его не станет, она будет помнить о нём. Не зря в ту ночь, когда стираются границы между мирами людей и нелюдей, они встретились в третий раз. И в этот раз не нужно было никого спасать. И никто никуда не торопился.

Может быть, это и есть любовь? Соплеменники Мэгвин говорили, что любовь – это людская выдумка. Да, есть влечение, его силу никто не возьмётся отрицать, если он вообще в уме,

но – любовь? Это сказки для глупцов. Какая ещё любовь? Встретились и разбежались. А если родились дети – о них нужно позаботиться, да и всё, потому что дети вырастут и прославят имена родителей, ведь дети всегда идут дальше и могут больше. А просто так, ради чего-то, что и объяснить толком никто не сумел?

О нет, Мэгвин не считала себя самой умной, удачливой или той, ради кого законы мироздания перестанут работать. Она просто увлеклась вот этим человеческим мужчиной и приняла его условия. А вдруг это будет хорошо? Если она хотя бы не попробует, то потом будет жалеть все отпущенные ей долгие годы.

Поэтому нужно дать волю – движениям души. Если это душа, конечно. И движениям тела – заодно.

4. Осень

И вновь горели костры, и пахло сухими хорошими дровами, и ещё – яблоками. Яблочный дух царил везде, казалось, что не только замок пропах собранным урожаем, но и все внутренние дворы тоже. Сидр из яблок, варенье из яблок, пастила из яблок, сушёные яблоки. Пирог с яблоками.

Небывалые урожаи яблок начались последние лет двадцать – или тридцать, Уилл уже и не помнил. В общем, с тех пор, как Мэгвин стала хозяйкой Телфорд-Касла. Под её руками росло всё, не только яблоки. Крупные и сочные овощи, пряные травы, фрукты и ягоды, невиданные цветы. Что-то водилось здесь от века, что-то появилось только с её приходом. Она смотрела, шурилась и говорила – а теперь сделаем так. И делала.

Кто её знает, откуда она брала диковинные семена и всё прочее, что нужно, уж точно не Уилл. Когда-то она поставила условием их союза – отпускать её, когда скажет, и не искать, пока сама не вернётся. Пришлось так и делать – и всё это оборачивалось в итоге только на пользу.

Он сам не был домоседом, да и владения его стали весьма велики – за неделю не объедешь. Когда Мэгвин сопровождала его, а когда и нет, свои дела были. И в замке, и за его пределами.

Помимо самых больших урожаев, в Телфорд-Касле выделялись самые тонкие ткани – и на свои нужды, и на продажу. Портные и вышивальщицы творили из этого необычайную одежду – лёгкую, тёплую, красивую. Ярмарка в городке Прайорсли стала крупнейшей на северной границе, туда приезжали торговать и с юга, и с востока, и северяне заглядывали. И нелюди тоже – правда, узнать их можно было, только если глядишь наметанным глазом. Но если в твоём доме живёт такое вот древнее существо, прекрасное и невероятное, то привыкнешь и начнёшь отличать её подобных. Сам не поймёшь, как, но – не перепутаешь.

А ремёсла у них были – не чета людским, поэтому если вдруг они желали что-то продать на ярмарке – ни разу не было, чтобы обратно увезли. Находились покупатели на самые дорогие и изысканные клинки, фруктовое вино, богатую одежду, диковинные серебряные украшения.

А раз всё это происходило на землях Уилла – то и все торговые пошлины за ту ярмарку доставались ему. Телфорд-Касл и сопредельные земли богатели год от года.

У них с Мэгвин родились три дочери. Гвенлиан, Бранвен и Мередит. Уж раз дочери, то Мэгвин называла их, как ей заблагорассудится. Впрочем, все три девочки были, как подобает, окрещены, и христианские имена у них тоже были – на всякий случай. Мэгвин улыбалась и говорила – когда я захожу в чей-то дом, то я непременно приветствую хозяина на понятном ему языке. Так и дети, заходя в божий дом, должны знать, как правильно приветствовать его хозяина. Им жить в этих землях, значит, пусть учатся.

Мэгвин не знала нормальной письменности, зато бойко писала затейливыми закорючками, девочки выучились так же. Впрочем, обычные книги они тоже умели читать. И если Мэгвин обращалась в лису – Уилл не сразу это понял, а когда понял, это уже ничего не изменило – то в дочерях у неё оказались, кроме лисы, волчица и полярная сова. И все трое в своём человеческом обличье были рыжими и пронзительно синеглазыми.

В девицах не засиделась ни одна – женихи умчали со двора, родители оглянуться не успели.

Старших детей Уилла от Мэри уже не было в живых – ни одного. Но были внуки, и старшего, Джона, Уилл приобщал к управлению большим хозяйством – чтобы когда-нибудь тот смог взвалить его на плечи и пойти дальше без потерь. Юноша прилежно учился: владения Телфордов были очень уж лакомым куском. Тому, кто будет здешним лордом, достанется и хорошая невеста – за такого хоть герцогскую дочку отдадут, и королевская милость.

Правда, случалось и воевать. Но Уилл по-прежнему был силён и крепок, и меч в его руке устрашал врагов так же, как и десятилетия назад.

... Яблочный дух плыл в осеннем воздухе, таком прозрачном, как бывает только в эту пору. Мэгвин неслышно подошла и встала рядом.

Она не изменилась нисколько – тот же стройный стан, те же рыжие кудри, только синие глаза смотрели уверенно и по-хозяйски. Она привыкла властвовать здесь, и, казалось, тоже сроднилась с этими стенами и этой землёй. Говорила – никогда бы не подумала.

И они по-прежнему любили друг друга, как в первый день. Как в заснеженном лесу, как в её подземной норе, как у летних костров. И это было настоящее чудо, господне чудо. Кто бы там что ни говорил.

Говорили, конечно, всякое, но – у Уилла хватало силы и власти окоротить любой грязный и длинный язык. И теперь уже если что и думали, то сказать – не осмеливались.

И неважно, сколько там ещё осталось той жизни, она была – невероятная. Как ни у кого. И всё это – благодаря ей, Мэгвин.

* * *

Заниматься делами человеческого замка оказалось очень даже интересно. Почти так же интересно, как воспитывать дочерей.

Дочери Мэгвин родились необыкновенно похожими на неё – все три. Рыжие, синеглазые, бойкие. Мэгвин опасалась, что половина человеческой крови не позволит им оборачиваться – но нет, опасения оказались напрасными. Гвенлиан была лисицей, Бранвен – полярной совой, а Мередит – волчицей. Мэгвин ходила с ними по лесу, по полям, по берегу моря – и рассказывала про окружающий их мир. Рассказывала то, что никогда бы не смог поведать девочкам отец – потому что сам не знал и не умел.

Он тоже опасался, что полукровок не примут ни родные отца, ни народ матери, но вышло наоборот. Мэгвин разрешила крестить всех трёх – и дальше уже они воспитывались и как люди, и как дети Старшего Народа. Имён у них было по два, но в Телфорд-Касле разом во дворе играли по три Мэри, четыре Джейн и две Энни, поэтому девочки очень гордились своей нечеловечьей сущностью.

Гвенлиан пела, как соловей. Бранвен ездила верхом, как будто родилась в седле, и отменно стреляла из лука. Мередит с полувзгляда читала все следы в лесу.

Уилл смотрел на девочек, и сердце его радовалось, как и у Мэгвин.

Жаль было отдавать их замуж, но ведь как это заведено от века – пусть идут дальше, пусть обустроят собственные владения и воспитывают своих детей.

Но у мужа были ещё и старшие дети. Увы, человеческий век недолог, и он пережил всех своих детей от первой жены. Внуки от старшего сына воспитывались вместе с Мередит в Телфорд-Касле, и Уилл учил их вести хозяйство.

Хозяйство пришлось осваивать и Мэгвин – никогда до того не жила она в таком месте, которое не создала и не обустроила сама. Груда камней – так ей сначала представлялся замок Уилла. Груда безмолвных камней, которые сложили в эту форму люди, не имеющие ни капли магических способностей, даже таких небольших, которые были доступны людям. Груда холодная и неустроенная.

Для начала Мэгвин ходила и разговаривала с камнями. А ещё – с балками, с плитами пола на первом этаже, с перекрытиями, с каминными трубами. Не сразу, но ей начали отзываться, и в замке стало теплее. Тепла она решила добиться в первую очередь – потому что очень не хотела зимовать в холоде. Ей не было дела до того, что там, снаружи, – в её жилище должно быть тепло.

Тепло и светло. Сородичи Мэгвин покупали необыкновенно прозрачное стекло где-то далеко на юге, всего делов-то было – обратиться и договориться. Мэгвин договорилась. Сначала застеклили окна в хозяйских покоях – на пробу. Потом – в мастерских, там нужен хороший свет. Потом в большом зале, где принимали гостей. А потом везде. Гости изумлялись и спрашивали, где такое взять, но Уилл только разводил руками – подарок, мол, от новых родителей.

Дальше – больше. Не только тепло, но и чистота. Пауки были отправлены жить на чердак. Мэгвин всё понимала – им тоже нужно где-то плести свои паутины, отчего бы не там? Мыши пошли в лес, потому что там есть еда, на которую не рассчитывает пара сотен человек, мужчин, женщин и детей. Мэгвин подумала – и завела котов, чтобы не заглядывать в лисьем обличье в каждую нору и в каждый прогрызенный угол. А прогрызенные углы она распорядилась заделать – как только находила. Коты косились на её птиц – она любила птиц, и возле любого её жилища они всегда роились, и приносили ей новости, и узнавали что-то по её просьбе. Но запрет был строг: ни-ни. Мышей и крыс – ловите, пожалуйста, а птиц – не трогать.

Коты и к ней относились настороженно – как же, запах зверя. Собаки и кони по первости тоже всё равно что с ума сходили, но потом привыкали. Точнее, она сама постепенно приучала их к себе, накладывала чары.

Обитатели замка тоже сначала смотрели не хуже тех котов – кого это привёл себе господин. Но слово того господина не обсуждалось никак, поэтому посудачили и успокоились. А когда в замке стало теплее и светлее, и вовсе зауважали. Мало ли, с кем живут северные лорды? Кто-то со вдовой мельника, кто-то с беглой графиней, а Уилл Телфорд привёл себе дочь Старшего Народа. Не худший выбор, на самом-то деле.

Кроме благоустройства, пришлось заняться и пропитанием. Благословлять по весне посевы – Мэгвин очень удивлялась, что Уилл этого не умеет, как же, он ведь хозяин, должен уметь. Высадить овощи и фрукты, которых здесь раньше не водилось, а ещё – травы, приятные и полезные в готовке пищи. И цветы, Мэгвин любила, когда много цветов.

А больше всего она любила яблоки. Свежие яблоки, сушёные яблоки, выпечку с яблоками. Яблоневый сад при ней начал приносить небывалые урожаи, ветки гнулись под тяжестью плодов, собирать выходили и взрослые, и дети. И потом все вместе прибирали урожай на зиму, а после уже можно было напечь пирогов и зажечь на дворе и вдоль морского берега костры. Поблагодарить за щедрое лето и попросить мягкой снежной зимы.

Мэгвин научила Уилла, что говорить. И он говорил, и слова его имели действие – зимы стояли мягкие, лето радовало теплом, дождь приходил, когда было нужно, и уходил, когда воды оказывалось достаточно. И это было правильно, что бы там ни шипели иногда вслед, – а сам-то что? Берите и делайте, мир – он един для всех, и законы его – тоже, и силы этого мира очень отзывчивы. Попросишь правильно – и тебе не откажут.

О да, она не ходила в церковь. Уилл выдумал, как это обойти – попросил своего священника благословить их союз на берегу моря. Увы, Мэгвин была некрещёной, поэтому никакого благословения не вышло. Уилл печалился – как же, говорил он, наши души встретятся потом, за гранью? Мэгвин ничего не знала о грани, и о душах, впрочем, тоже. Вздохнула и сказала – значит, нужно успевать сейчас.

И они успевали – воспитывать детей и внуков, увеличивать владения, растить урожаи. За истекшие годы воевать случалось не так уж и часто, потому что меч в руке Уилла был верен и неодолим. Мало кому хотелось испробовать этот меч на собственной шкуре. Поэтому приходили только глупые или не слышавшие о нём, и – уходили бесславно.

Так и сейчас – прогнали захватчиков, собрали урожай, наварили повидла и напекли пирогов с яблоками. Во дворе пылали костры, и можно было спускаться с башни и приветствовать своих людей, а ещё – благодарить за урожай и за хорошее, щедрое лето. И пусть следующее будет не хуже.

Смогла бы Мэгвин сделать что-то подобное, если бы не Уилл? Вряд ли. Потому что именно он был путеводным маяком её жизни, он – и никто другой, и ничто другое.

5. Снова зима

Уилл отпустил внука и откинулся на подушки. О чём ещё обязательно сказать до начала праздников? И кому? Внуку Джону? Его сыновьям – Дику, или Эду, или Грегори? Управляющему?

Почему-то мыслей в голове было много, а сил, чтобы донести их до всех, – мало. Только одной Мэгвин не нужно говорить ничего – она понимает его без слов. Просто приходит, садится рядом, берёт его за руку – и боль уходит, и можно подремать.

Уилл понимал, что, наверное, зажился на свете – сто лет справили ещё три года назад. Но он не просил для себя этих лет и честно благодарил за всё, что было ему дано, а дано было – с необыкновенной щедростью. Три, четыре обычных жизни прожил он – и спасибо за это господу, и всем тем, кто под рукой его смотрит за этим миром, смотрит – и отзывается на просьбы, и принимает благодарности, и карает за неповиновение.

Жизнь до первой встречи с Мэгвин – непутёвым сыном лорда Телфорда, который случайно спас в лесу рыжую красавицу.

Жизнь до второй встречи с Мэгвин – до войны, в которой должны были погибнуть все Телфорды, а приграничье – достаться северным соседям. Жизнь подающим надежды сыном.

Жизнь до третьей встречи с Мэгвин – властителем Телфорд-Касла.

И жизнь с Мэгвин.

Интересно, если бы он сразу же, в самый первый раз, привёл её домой – как было бы? Приняли бы её родичи? И вообще пошла бы она с ним или же нет? Кто он тогда был – лопухий неудачник, и даже собственный отец уже не ждал от него ничего хорошего, а вон оно как вышло-то! Расскажи сейчас кто старому лорду, что Уилл прожил столько лет и сделал столько дел – не поверил бы, посмеялся. Впрочем, очень возможно, что он-то как раз всё видит и знает – там, где он сейчас есть. И радуется за сына и за всех своих потомков.

«Если уцелеешь в тридцать, сгинешь в сорок три» – так однажды сказала ему гадалка, когда он был пятнадцатилетним мальчишкой. Очевидно, гадалка ничего не знала о Мэгвин. Потому что в тридцать именно она помогла ему уцелеть, и в сорок три – тоже. И сейчас на его пальце было надето её кольцо, то самое. Уилл не снимал то кольцо весь последний год – с тех самых пор, как внутри, в теле что-то разладилось, и боль стала его постоянным спутником. Кольцо снимало боль и немного возвращало силы, кольцо – и прохладные руки Мэгвин.

Вот и сейчас она пришла, и села подле него, и с улыбкой рассказывала – что сделано и к самой длинной ночи года, и к рождеству. Всё так, нужно радоваться и новому огню в очаге, и смене года, и зимним чудесам, дающим всем живым надежду на спасение, мир и любовь.

Уилл прямо слышал, как затаился мир в ожидании йольской ночи – завершены все дела, каждый запоздалый путник нашёл себе дом с горячим очагом и толстыми стенами, потому что снаружи начинался снегопад. И он тоже спустится сегодня, чуть попозже, в большой зал, такой красивый стараниями Мэгвин и правнучек, и сядет во главе стола, а позже – разожжёт новый огонь в большом камине. Потому что мир стоит, жизнь идёт, и так было всегда, и обязательно будет дальше, даже уже и без него.

Мэгвин уже надела нарядное платье, и драгоценный венец на голову, и красиво убрала свои рыжие косы, ни на волосок не утратившие своей красоты и блеска. И пришла помочь ему одеться к празднику.

Когда каждое движение – боль, стараешься двигаться поменьше. Но сегодня – особый случай, все домочадцы и верные люди должны видеть своего лорда. Потому что лорд – это сила, это защита, и кто ещё встанет между всеми возможными бедами и этими людьми, как не он? Поэтому – позволить Мэгвин снять боль, и вперёд.

Как всегда – вперёд и вперёд, без страха и сомнения. И с ней вместе.

* * *

Мэгвин оглядывалась на проведённые в Телфорд-Касле годы и понимала, что поступила правильно. Когда согласилась разделить жизнь с Уиллом. Когда спасла его от смерти. Или... когда отправилась в своё первое самостоятельное путешествие? Которое как раз подарило ей эту судьбоносную, как оказалось, встречу?

Да, она могла бы прожить жизнь среди своих. Эта жизнь была бы спокойнее – но и более пресной. У неё были бы другие заботы, другие мужчины и другие дети. Но... было бы то, что люди называют любовью, или же нет?

Сейчас Мэгвин могла точно сказать – она знает, что такое любовь. Она испытала, она ощутила, она попробовала. И ни с чем уже не перепутает.

Жизнь с родичами она ещё может попробовать – если захочет. А такой вот жизни уже больше не будет.

Уилл угасал. Она знала о том лучше, чем кто-либо, потому что именно её стараниями в последние месяцы и поддерживалась его жизнь. Её целительскими силами, её кровью, её волшебным камнем, что переливался в кольцо, надетом сейчас на палец Уилла.

В этом кольце сохранялась частичка её самой. У всех, в ком течёт кровь Старшего Народа, есть что-то подобное – у кого-то это шкура, у кого-то волосы, у кого-то цепочка, у кого-то пояс, у кого-то ещё какая часть тела ли, снаряжения или ещё чего. Так было заведено от века – ты уязвим, и ты сам выбираешь, в чём будет эта твоя уязвимость. Легенды, правда, гла-сили, что против судьбы не пойдёшь, и шкуру могут спрятать, и волосы отрезать, и даже если ты спрячешь ключи к себе далеко-далеко не рядом с тобой, то непременно сыщется безумный герой, который найдёт и воспользуется.

Поэтому Мэгвин без страха сама надевала кольцо – Уиллу или детям, когда те болели или были ранены. Лучше так, чем чтоб кто-то ещё, или вовсе не пользоваться силой, если можешь помочь. Они смертны, им нужно не так много, как ей подобным, но ей и навредить сложнее.

Но сейчас она отчётливо видела – кольцо уже не помогало Уиллу. Значит, конец близок, что ни делай. Можно только больше быть с ним, сидеть, разговаривать, вспоминать. Вспоминать молодых себя, детей, внуков, встречи, разлуки, праздники. Всё то, из чего складывалась жизнь.

Заглядывали правнуки, налетали, обнимали и убегали обратно. Внуки стучались – советовались. Соседи приезжали, заходили степенно, беседовали о делах. Дворня шепталась – надо же, наш лорд-то, глядите-ка, и до весны дотянет, и ещё майское дерево нам благословит, и костры летние зажжёт.

Правда, Мэгвин видела, что не будет у них ни ещё одной весны, ни лета. Что ж, спасибо за то, что было. А что там будет – да кто ж знает-то все замыслы высших сил? Уж точно не она.

Она знала – о любви. Знала что-то такое, что не могла выразить словами, но в чём была уверена. И эта уверенность давала ей силы пойти дальше, и за неё она была Уиллу невыразимо благодарна.

...Капкан на заснеженной поляне.

...Болото, где властвовала смерть.

...Костры Вершины лета.

...Яблочный дух Телфорд-Касла.

...Метель в самую длинную ночь.

Глаза Мэгвин закрылись, и пришёл сон. А во сне они вновь были вместе, и кто знает, может быть, есть такое место во множестве миров, где они когда-нибудь встретятся?

Она поищет. И непременно постарается найти – и побывать там. Когда-нибудь.

Часть первая. Училка против лорда

1. Уговор

– Кэт! Да Кэт же! Очнись! Пожалуйста, очнись! Господи, верни её мне, пожалуйста, я обещаю, что буду защищать её и оберегать, как положено!

Высокий тощий парень в чёрном шерстяном дублете и штанах, высоких сапогах, с кинжалом на поясе и светлыми всклокоченными волосами тряс лежащую возле кромки моря девушку. Тонкая сорочка облепила худенькое тело, длинные рыжие волосы девушки слиплись – она была совершенно мокрая. Глаза её не открывались, и она не дышала. Совсем не дышала.

– Робби, перестань. Она мертва, тут ничего не поделаешь. Надо звать священника.

Второй молодой человек был сыт и ухожен, его одежда украшена вышивкой, сапоги – тиснёным узором. Тёмные волосы подхвачены надо лбом в небольшой хвост, тёмная же борода – аккуратно подстрижена. Голубые глаза смотрели на происходящее скорее с любопытством, чем с сочувствием.

– Рон, ты не понимаешь. Мне не сносить головы, отец убьёт меня, если и эта моя жена не выживет.

– Подумаешь, с кем не бывает, – голубоглазый Рон не выказывал ни капли сочувствия к утопшей. – У кого-то в родах, у кого-то от потницы, а у тебя – вот так. Плохо, конечно, что утонула, узнать бы, как это случилось. Но мы всегда можем сказать, что оступилась.

– Куда там оступилась, из окна замка, что ли? Или с моста? Или вовсе со здешней скалы? Откуда нам знать, как её сюда принесло? Её с утра никто не видел!

– Да неважно. Ты её нашёл, тебе и поверят. Ты ж сможешь убедить вашего святого отца, что тебе нужно верить! Ну, или пусть твой отец это сделает.

– Моему отцу проще убить, чем убедить, будто не знаешь, – проворчал Робби.

– Знаю, – усмехнулся Рон. – Зато у вас нет врагов, и не будет, пока он жив. Так что – долгих лет лорду Телфорду!

Робби только вздохнул.

– Знаешь, я придумал, что мы сделаем. Давай отнесём её к старухе Мэг.

– Рехнулся? – расхохотался Рон. – Только ещё не хватало! Чем она тебе поможет?

– Она маг, она может всё!

– Эта твоя вроде тоже была маг, – Рон кивнул на утопленницу. – И толку с неё было?

– Она молоденькая, и маг слабенький. А Мэг старая, и уже сколько лет маг! Ясное дело, она больше знает и умеет! Она что-нибудь подскажет. Пошли!

– А ты подумал, что ты дашь Мэг за услугу? – сощурился Рон.

– Чёрт! Ты прав, просто так она и пальцем не пошевелит, особенно для кого-то из нашей семьи. Но я знаю, что ей дать. Давай так: тащи Кэт в сторону хижины Мэг, а я вас догоню.

– Какую глупость ты ещё намерен совершить? – нахмурился Рон.

– Отстань, сам знаю, что делаю, – отмахнулся долговязый Робби и бросился бежать к замку, стоявшему неподалёку на холме.

Рон похмыкал, но решил досмотреть спектакль до конца.

Он подхватил на руки лёгкое тело – как и не человеческая плоть, право слово, может быть, слухи верны, и покойная баронесса Прайорсли впрямь родила дочь от кого-то из Старшего Народа? И магия у неё была оттуда? Впрочем, сейчас уже это совершенно неважно.

Робби догнал Рона уже в лесу – колдунья Мэг, как то колдунье от веку и положено, жила в чаше. Впрочем, тропа к её дому была хорошая, нахоженная – по всему видно, обращались к ней нередко.

Робби заколотил в дверь небольшой каменной хижины. Рон подумал, что не прочь перекреститься – уж насколько ему довелось побывать в разных переделках, а в дом колдуньи он ломился впервые. Да ещё и с бездыханным телом на руках.

– Кого бог принёс? – услышали они из-за двери, и дверь распахнулась, и колдунья Мэг предстала перед ними.

Седая, морщинистая, сухая, как то старухе и положено.

– Ох ты, вот к чему вороньё-то снилось, сам сынок Телфорда пожаловал, надо же, – сощурилась вредная бабка. – Чего надо? Опять жену уморил?

– Это не я, госпожа Мэг, она сама. Сорвалась. Определённо сорвалась. Со скалы. Пошла на море посмотреть, да она каждый божий день так делала, – зачастил Робби.

– Мне-то не ври, – всё ещё щурилась колдунья. – Чего надо?

– Помоги. Ты можешь, я знаю. Говорят, ты умеешь вдохнуть жизнь и вернуть отлетевшую душу. Может, она, душа то есть, ещё того, недалеко отлетела? Может, её можно как-то обратно приманить? – и в глазах, и в голосе Робби была такая мольба, какой Рон у него отродясь не слышал.

– Надо же, о чём заговорил! А раньше подумать?

– Да не думал я, что она сегодня на обрыв потащится и свалится!

Старуха помолчала, посмотрела на Робби, на Рона, на тело.

– Что дашь за работу?

– Вот что, – Робби разжал ладонь, на ней лежало кольцо.

С виду – просто серебряное кольцо с серым камнем, а вокруг камня – пять зубцов коронной, Рон попытался приглядеться, что там, на тех зубцах, но ничего не смог понять.

А старуха как увидела то кольцо, так в глазах у неё что-то прямо вспыхнуло.

– Отдашь, значит. А сам-то выживешь потом? Твой отец хватится – никому мало не покажется.

– А кто меня видел-то? Отец с утра дальние поля объезжает, матушка приболела и не выходит из комнат, братья с отцом, Летти в гостях.

– А кузен твой? – кивнула старуха на Рона.

– А он никому ничего не скажет. Правда, Рон? Его ж самого по головке не погладят, если что, – усмехнулся Робби. – Потому что был со мной и во всём участвовал.

Довольно мерзко усмехнулся, правду сказать.

– Давай сюда, – старуха протянула руку.

– Сначала – работа, – отрезал Робби.

– Ну и проваливайте тогда. Тебе нужнее. Мне всё равно, где дальше небо коптить, это тебе потом с родителем объясняться.

Старуха повернулась и уже хотела захлопнуть дверь прямо перед их носами, но Робби опомнился.

– Госпожа Мэг!

– Что ещё?

– Забирайте.

Он вложил кольцо ей в ладонь и смиренно склонил голову.

– Заносите, – колдунья широко распахнула дверь своей хижины.

2. Катерина Петровна и её дети

Катерина Петровна умерла в своей квартире. Головная боль беспокоила её уже три дня, обычные лекарства не помогали, и даже укол, который поставил врач со «скорой», не возымел никакого действия. Голова болела всё сильнее, а потом всё равно что разбилась в осколки.

Катерина Петровна ждала, что будет тоннель, о котором ей говорили в мистических программах по телевизору, или ещё какая штука, но она почему-то оставалась в своей спальне. О таком, вообще-то, тоже говорили – на одну коллегу однажды напали утром по дороге на работу, первый урок-то в восемь, и зимой – ещё темно. И вот эта коллега, Сталина Николаевна, как раз и рассказывала, что будто бы некоторое время смотрела на всё сверху – на свой дом, на себя, лежащую на снегу, а смогла посмотреть на мир своими глазами уже некоторое время спустя, когда вернулась домой.

Вот теперь и Катерина Петровна почему-то смотрела на всё сверху. На своё лежащее тело, на сына Володю, с семьёй которого она жила последний год – после первого инсульта, на его жену Анну, на плачущих внуков, на суету и беготню, на все необходимые в таком случае процедуры. Более того, когда тело увезли, она осталась.

Впрочем, некоторые знатоки посмертных ритуалов говорили, что три дня душа находится с родными и в любимых местах, и даже зеркала в доме занавешивают, чтобы бестелесная сущность не испугалась, увидев, что не отражается. Анна зеркала завесила – слава богу, додумалась, и эксперимент Катерине Петровне не удался. А она бы попробовала.

Три дня она перемещалась по комнатам своей большой четырёхкомнатной квартиры и наблюдала всю орграбому по своим похоронам. Сказать правду, ей не очень-то нравилось то, что она видела.

Одежду взяли не ту. Сколько раз она показывала – вот этот костюм, серый, рабочую белую блузку и туфли – к нему! Какая голубая блузка с рюшами? В горошек? Ума Анна лишилась последнего, что ли? Ни вкуса, ни понимания! С Володи какой спрос, он мужчина, а вот Анна могла бы и подумать!

Зачем заказывать какое-то там кафе? Русским языком было сказано – пойти в школу и договориться! За помещение не возьмут ничего, заплатит только заведующей столовой – за продукты и работу. Готовят там нормально, да и большая часть людей на похоронах и поминках – это как раз коллеги из школы.

В школе Катерина Петровна проработала всю жизнь. Сначала сопливой молодой специалисткой после истфака университета, потом известным в городе предметником, а последние двадцать пять лет – завучем. Только бы попробовали там отказать в помощи, она бы и отсюда достала что Лилию Ивановну, севшую на её место в последний год, что Нину Фёдоровну, директора, что Марью Васильевну, организатора. Но Володя слушает Анну, а та, конечно же, лучше всех всё знает. Сама денег не зарабатывает, вот и думает, что есть лишние! Хорошо, зарабатывает, но на двадцать тысяч в наше время не проживёшь, тем более с детьми.

И квартиру Катерина Петровна на Володю не переписывала только потому, что случись что – Анна же всё заграбастает, а он по миру пойдёт! Но теперь уже как будет, конечно.

Сильнее всего в нынешнем положении Катерину Петровну злила именно невозможность общения с детьми. Она сама привыкла и их приучила, чтобы всё было по порядку – утром отзвонились, сообщили, кто где, вечером – то же самое. Знали, что она спать не ляжет, пока не услышит от каждого, что все дома и благополучны. И старшая, Наталья, и младшие – Володя и Валера. Всё же, дети у неё неплохие. Конечно, бывают ещё лучше, вон Татьяне Петровне сын дом двухэтажный построил, но – уж теперь как есть. К сожалению, с ними больше не поговоришь и не откроешь глаза на то, какая вообще жизнь. Потому что супружников себе дети

выбрали – оторвать и выбросить, если откровенно. Что у Натальи муж – хам и эгоист, они даже детей не родили, всё хотели для себя жить. Что у Володи жена – только и знает побрякушки да тряпки новые клянчить. Что у Валеры, младшего, тоже не подарок – вроде работает, и сына родила, но Валера-то пьёт! А от хорошей жены пить не будет, это Катерине Петровне папа, царствие ему небесное, давно уже объяснил, ещё когда она была молодая и пыталась приходиться к родителям и на мужа жаловаться.

Муж Василий был умный, и пока не спился совсем – так даже и красивый. И воспитанный, не буянил, драться не лез. Но приходил пьяный на работу, а работал он инженером на производстве, там такое терпеть не стали. Вещи из дома ташил и продавал, или вовсе менял на бутылку. Поэтому Катерина Петровна его и выгнала. Дважды выгнала, потому что был момент – он зашился и обратно пришёл, просил прощения, говорил, что любит. Ну как, всё-таки муж, другого нет, и родители тоже говорили – как ты будешь одна, а так всё же – замужем, вот и приняла обратно. Ну и верила, конечно, что всё будет иначе, не без этого. Так верила, что ещё двоих детей родила – раньше-то у них только Наталья была.

Правда, оказалось, что горбатого могила исправит, и алкоголика – тоже. Василия хватило на три года, Валерке как раз полгода сравнялось, когда он снова сорвался. И Катерина снова его выгнала, теперь уже насовсем. Отец смотрел строго, вздыхал и повторял – как же ты теперь, с тремя-то детьми, но она поднимала голову и отвечала – справлюсь. Работа прокормит. Школа – она вечная, никуда не денется.

Работа плюс дача худо-бедно кормили и в перестройку, и в девяностые, и потом ещё тоже. Дети выросли и выучились. Наталья попробовала учительского хлеба, но кишка оказалась тонка. Выдержала в школе только пять лет и ушла на вольные хлеба – репетитором, а потом и вовсе выучилась делать массаж и теперь спины всяким мужикам разминает. Женщинам, правда, тоже, а в последний год и ей, Катерине Петровне то есть, приезжала и делала массаж – невролог назначил. Хорошо делала, честно говоря. Замужем за таким же свободным художником – он картинки какие-то рисует и где-то в интернете продаёт. Если правду говорит.

Володя окончил нархоз, устроился в строительную фирму, потом стал ведущим менеджером, после – заместителем директора, а десять лет назад открыл свою компанию. Валера дольше всех искал себя – поступил в медицинский, не смог там учиться, потом на психологический факультет в университет, тоже окончил не сразу. Психологом в школу, как предлагала Катерина Петровна, пойти не захотел наотрез, хотя что тут такого – был бы сыт и присмотрен. Устроился в какую-то фирму, там познакомился с Софьей, на которой женился, но потом фирма обанкротилась и сотрудников сократили. Софья куда-то приткнулась, потому как бухгалтер, а Валера всё рассылал резюме и ходил по собеседованиям. И пил.

Уж сколько Катерина Петровна ему говорила! Напоминала о судьбе его отца – Василий умер от цирроза печени двадцать лет назад. Водила к Василию на могилку – ведь всего пятьдесят пять было, мог бы ещё жить да жить, а так даже внуков не увидел! Стыдила. Но Валере всё было как об стенку горох. И Софья тоже – могла бы помогать и вдохновлять, а ведь только выражалась неприлично, когда Катерина Петровна начинала с ней говорить.

Ну ничего, вот теперь-то она попляшет – без денег, которые Катерина Петровна давала Валере каждый месяц. Всё же не бедствовала – и пенсия не самая плохая, и накопления кое-какие были, и внучка Витальку хотелось побаловать. Эх, кто ж теперь-то внуков радовать будет?..

В общем, одна печаль.

3. Найти замену

Колдунья Мэг надела на палец отданное ей кольцо и сосредоточилась.

Её имя было Мэгвин, но в Телфорд-Касле о том предпочли забыть. Как и о многом другом. Что ж, память людская коротка, будто она не знала этого раньше!

Было время – она многое делала для процветания телфордовских земель и окрестностей. Только теперь люди предпочитали этого не знать и шарахаться от неё, как от зачумлённой – впрочем, только до тех пор, пока вдруг не возникала в ней нужда. А такое нет-нет, да и случалось.

Мэгвин умела лечить. Не как человеческие знахари, а – по-настоящему. Если человека можно было поднять на ноги – поднимала.

Ещё она понимала в судьбе и удаче – и могла ту судьбу подправить и удачу приманить. Но удача не здоровье, стоишь на ногах – справляйся сам. И Мэгвин соглашалась помочь только тем, кто говорил вежливо и вёл себя уважительно. Те же, кто приходил и с порога начинал требовать, не имея никакого понятия о должном поведении, получали от ворот поворот.

Один лишь человек мог требовать с неё что угодно безнаказанно, он и требовал. Но там особый случай, и... кажется, этот случай закончился.

Когда-то Грегори Телфорд воспользовался моментом и снял с руки своего умершего прадеда Уильяма волшебное кольцо, принадлежавшее Мэгвин. Увы, она обязана была слушаться владельца кольца – таковы правила. Но, кажется, его глупый старший сын помог ей, сам того не желая. Потому что она выполнит то, за что получила плату... и только её здесь и видели.

Но для этого нужно найти душу, бесприютную душу. Да такую, что добровольно согласится последовать за Мэгвин и исполнить всё то, что выпадет этому телу. А выпадет много и несладко, значит – душа должна быть стойкой к невзгодам и гибкой к разным обстоятельствам. Силой здесь не справишься, потому что в одиночку женщина против Телфордов не выстоит – какой бы могучей она ни была. Значит – нужна особая душа.

И ещё важно – покойница Кэт обладала небольшими магическими способностями. Есть шанс, что тело сохранит этот дар небес, и придётся научить душу-поселенку им пользоваться. Потому что...

Говоря честно, Мэгвин очень жалела и землю здешнюю, и людей на этой земле. Она слишком хорошо помнила и обильные урожаи, и большие стада, и весёлые праздники. А сейчас – шесть лет подряд неурожай, весной потница, зимой ещё какая зараза, люди мрут, словно мухи. Бросают дома, уходят в города и в замки, но нынешний лорд Телфорд не расположен кормить лишние рты. Поэтому...

Из троих сыновей лорда разумным выглядит только средний, Джон. Он не в отца, и не в мать, а в деда, тоже Джона, по которому и был назван. Жаль, покойница не его жена, но – жена Джона сидит в замке, который её мужу выделил отец, и носа оттуда не жает, и правильно. Потому что... лучше ей там и оставаться, в общем. А Джон понимает и в полевых работах, и в том, что нечего людей в замок на зиму набивать, как сельдей в бочки, лучше помочь с дровами, с горячей похлёбкой для стариков, женщин и детей, и с какой-никакой службой для взрослых мужчин. А зима ныне суровая, давно такой не было. Много лет лорд здешних земель не зажигал ни поленья в печи в йольскую ночь, ни весенние костры, ни огонь для летней пляски. И за урожай осенью не благодарил. Какой земле понравится?

Мэгвин не надеялась, что воскресшая Кэт образумит самого лорда Телфорда. Но она может прояснить рассудок его старшему сыну Роберту, своему супругу. Тот, конечно, дитя, даром что двадцать пять сравнялось, и дитя балованное – только бы носиться по полям, пить в тавернах, драться, да, тьфу, девок портить. Матушка, леди Маргарет, всё считает его несмыш-

лённышем, а на самом-то деле уже здоровый лоб, которому своим домом жить, детей растить да людей в походы водить. Трижды был женат, ни одна жена не глянулась леди Маргарет. Первая, Мэри, простудилась две зимы тому, слегла да не встала. Вторая, Лиз, упала с лестницы в замке, выкинула ребёнка и тоже не поднялась. Третью, Кэт, он взял по осени, и вот, пожалуйста – не то нога подвернулась на обрыве, не то кто столкнул, не то сама взяла грех на душу.

Эта Кэт была Мэгвин не чужой, а вовсе дальней родней, если считать, что Старший Народ – друг другу родня, впрочем, от людей так оно и виделось. Оттуда и магия в этом щедедушном теле, и волосы как пламя костра, и глаза бедовые, тёмно-зелёные. Да только вот постоять за себя девочка не умела вовсе, на неё кто глядел сурово – она уже или плакать принималась, или вовсе убежала и пряталась. И способностями своими толком не владела – видимо, не учили её, ни мать, рано умершая, ни кто другой. Эх, нужно будет оставить кого-нибудь, чтоб приглядывал – после. Потому что сама Мэгвин задерживаться в этих краях не собиралась.

Она зажгла все нужные травы, и нарисовала все нужные фигуры, и призвала силу. Сила понадобится – едва ли не вся, что у неё есть, такого рода задачи тяжелы и даются не каждому.

Зажмурилась и ступила на неверную тропу, приведшую её в совсем другой мир.

И этот мир не был магическим! То есть, в нём жили люди, имеющие способности, они творили и звали, но – им никто не откликался. Мэгвин было недосуг понимать, почему так, сил у неё было не слишком много, а ещё предстояло вернуться. Но сначала – найти.

Местные свободные души встречались не так уж и редко, но – они или целеустремлённо направлялись, куда им положено, или не подходили совершенно. Если девочка снова захочет умереть через неделю в Телфорд-Касле – то зачем тогда это всё?

Впрочем, вот, кажется, что-то подходящее. Мэгвин сосредоточилась... и оказалась в непонятном жилище, несколько комнат в высокой башне. Прозрачные стёкла – как на далёком юге, тёплый ковёр на полу, портьеры, тонкой работы посуда в шкафу. По стенам висели какие-то бумаги с печатями – наверное, о чьих-то заслугах. Мэгвин взгляделась в незнакомые буквы и попыталась понять – было у неё такое свойство – «почётному гражданину города Корякиной Екатерине Петровне», «заслуженному учителю Российской Федерации», «за многолетний самоотверженный труд»... Ничего не поняла.

Тепло, очень тепло. Никакой печи, никакого живого огня – а тепло. Наверное, небедное жилище, раз так хорошо обогревается неведомой магией – на улице-то лютый мороз, на родине Мэгвин такого отродясь не бывало. Портрет пожилой женщины, перевязанный чёрной лентой, привлекал внимание. Почему-то коротко стриженная, седовласая, важная – она смотрела пристально и сурово. Если речь о ней – то такая справится. Но захочет ли она пойти с Мэгвин? Почему-то она осталась здесь, в своём доме, и не отправилась, куда там людям после смерти нужно идти? Что её здесь держит?

Нужно понять – и приложить все усилия.

4. Невозможно терпеть

Катерина Петровна мрачно взирала из-под потолка квартиры на вернувшихся домой детей. Она видела, что Валера опять лыка не вяжет – когда только успел набраться, с утра, что ли, начал. Володя раздражён и на всех срывается. Наталья молчит и поджимает губы, шепчется со своим Сергеем. Это они с похорон и поминок пришли, соколики. Хорошо хоть детей отправили по сватам – правильно, нечего им делать на кладбище в такой холод, утром все минус тридцать, вот досталось-то умереть зимой!

Валеру уложили спать в гостиной, Софья пошлёпала босыми ногами ставить чайник, Наталья с мужем попрощались и ушли домой. Володе Анна начала что-то говорить, или не говорить, а просто просить – мол, завтра, дети, школа, деньги какие-то, что-то ещё – вот дурная баба, неужели не понимает, что человек мать похоронил! Ругнулся Володя нехорошо, ушёл и хлопнул дверью.

Ну вот, здравствуйте! И Наталья хороша, сколько раз ей было говорено – она старшая, она должна отвечать за младших, когда матери нет! А она хвостом махнула и была такова! Это всё её муж, у Катерины Петровны была хорошая воспитанная дочь, жила бы с семьёй – ни за что бы сейчас не ушла! Эх, нет бы сесть всем вместе, друженько, вспомнить хорошее! Как же они теперь сами-то? Не справятся ведь!

Остались только Софья с Анной, они сели на кухне, собрали что-то на стол, вроде – за помин души, и принялись мыть всем кости.

Наталья, оказывается, самая из них всех мудрая – потому что жила, ни перед кем не отчитывалась, никому не помогала, помощи не просила и с матерью, то есть с Катериной Петровной, общалась по минимуму. Сейчас продадут с Серёгой квартиру, уедут в Питер, как собирались давно, да на открытый скандал идти не хотели, и будут молодцы.

Валера – маменькин сынок, который сам не может ни одного вопроса в жизни решить. Ни гвоздь забить, ни полочку повесить, ни трубу в раковине прочистить, только на диване лежать да в телевизор пялиться и горазд. И Софья, оказывается, давно уже собиралась разводиться, а теперь, говорит, самое время. Зарабатывает она сейчас хорошо, им с Виталиком – это внучок младший – хватит, а Валера пусть идёт на все четыре стороны, всё равно ни копейки не даёт ни на хозяйство, ни на ребёнка, а Катерина-то Петровна вроде как ему регулярно отстёгивала.

И Анна тоже не отставала – оказывается, она уже два года какие-то книжки на своей бестолковой работе строчит и в интернете публикует, да не просто так, а деньги зарабатывает! И столько зарабатывает, что платить ипотеку сможет, а на первый взнос ей пусть Володя даст, потому что дети у них общие. А то совсем распустился – водит свою любовницу, офис-менеджера Кристинку, по ресторанам, их там видят общие знакомые и ей, Анне, потом фотографии шлют и в глаза ими тычут. А чем она, Анна, виновата, что он не умеет по-людски, а только строить всех по линейке, как покойная Катерина Петровна? И как только она, Анна, вообще выдержала этот год, когда после инсульта у свекрови они с детьми перебрались в эту квартиру! Нет, всё понятно, за пожилым нездоровым человеком нужен уход, и она, Анна, была готова ездить сюда каждый день и делать всё, что требуется, – работа позволяла. Но Володя, видите ли, приказал собираться и переезжать. Правильно, Володя хотел быть хорошим сыном, а про любовницу все врут, потому что это не может быть правдой!

В самом деле, думала Катерина Петровна, какая любовница! Володя – хороший муж, за что только Анне достался, и замечательный отец для Павлика и Леночки. И нечего тут!

Катерина Петровна услышала, как открылась входная дверь, кто-то вошёл, из прихожей раздался детский голосок. Посмотреть пошли все – и обе невестки, и она.

Володя помогал снять пуховик какой-то тощей скуластой девице, одетой в вытертые джинсы и майку в облипку, куда только такой огромный вырез, зимой-то! За неё хватался мальчик лет трёх – маленький совсем.

– Это Кристина и Артём, они теперь будут жить здесь, – сообщил Володя.

А дальше начался кошмар. Анна орала, что ноги этой девицы и её ребёнка здесь не будет. Володя орал, что она здесь никто, а Кристина – его почти жена, и Артём – его сын. И что Анна пусть проваливает, но детей он у неё заберёт. Софья пыталась их разнимать, и словами, и потом – руками. А когда из гостиной, шатаясь, вывалился Валера, и матом потребовал, чтобы все замолчали, у Катерины Петровны лопнуло терпение. Бессовестные! Да как они вообще могут – вот так! Как смеют! Разве она их так воспитывала? Это невозможно, так не должно быть, у них приличная семья! Это нужно прекратить! Ей нужно обратно, ей срочно нужно обратно!

Холодный голос раздался у неё в голове внезапно, она испугалась и даже перестала слышать ссору детей.

– Это правда, ты хочешь воплотиться и жить дальше?

– Да, да, хочу! Обязательно! Непременно! Сию минуту!

– Изволь, – в голосе послышалось удовлетворение.

Как будто она могла ответить иначе! Видят же, что тут происходит!

Катерина Петровна увидела ярчайшую вспышку – в ней померк электрический свет квартирной люстры, яркой, два месяца как купленной, и она перестала различать фигуры – Володи, Валеры, Софьи, Анны... Её куда-то тащило через холод и темноту, вокруг свистел ветер, она не могла сопротивляться и не могла остановиться и вернуться.

А потом то, что от неё осталось, с необыкновенной силой впечаталось... куда-то. Катерина Петровна вдруг ощутила боль, о существовании которой уже успела позабыть, и тут все остатки сознания покинули её.

5. Пробуждение

Катерина Петровна пришла в себя от холода.

Да что ж такое-то, думала она, где она есть! Неужели всё-таки на кладбище? Только там сейчас и мороз, а дома тепло, окна меняли прошлой зимой, она как раз перед Новым годом получила губернаторскую премию.

Она открыла глаза... и тут же закрыла их обратно. Потому что это не было похоже ни на дом, ни на кладбище и ни на что вообще.

Помещение, сложенное не пойми из чего – не блоки, не дерево, не фанера какая-нибудь. Что ли камень? И, видимо, щели никто не законопатил толком, потому что дует от стен – мама не горюй. Лентяи несчастные!

Свет проникал из окна, затушеванного тоже абы как – полиэтиленом, что ли? Вроде и свет какой-то, но окно не прозрачное совсем. Или просто не мыли давно, заросли в грязи по уши?

А потом она повернулась на бок и попыталась встать с жёсткой кровати, но что-то показалось неправильным, и она глянула на себя... и задохнулась от ужаса, потому что это была совсем не она. Не Катерина Петровна Корякина, семидесяти пяти лет, в девичестве Василькова, мать троих детей и бабушка троих внуков, заслуженный учитель, почётный гражданин города и лауреат множества премий – от губернатора и до министерства, а...

На убогой постели лежала худенькая девчушка, иначе не скажешь. Ножки тоненькие, ручки тоненькие, кожа прозрачная, все вены наружу. Катерина Петровна поднесла ладони к лицу – пальцы длинные, тонкие, у неё отродясь таких не было, ногти овальные, красивой формы, только острижены неаккуратно.

А на голове – волосы. Не привычная с юности короткая стрижка, потому что – зачем ещё возиться с этой ерундой – мыть, ухаживать, красить, – а вот прямо волосы. Длинные, волнистые, спутанные – и невероятно рыжие. Катерина Петровна и не думала, что такие вообще бывают, не на картинках, а в жизни.

Сон ей снится, что ли? Но вроде ведь она умерла, спать не спала и снов никаких не видела. А это что такое? Забавный такой сон. Отродясь ей не снилось, что она снова молодая, да ещё и что волосы отросли. Бабушка Прасковья всегда говорила, что видеть во сне, что у тебя выросли волосы, да ещё рыжие – это к неожиданным приключениям и увлечениям, потере чести и совести, и стыда заодно. Большая была любительница толковать чужие сны, соседки к ней за этим делом каждый божий день ходили.

Попробовала подняться, но голову повело – вот прямо как в жизни и вело, закружилась, и в глазах потемнело, пришлось лечь обратно, остороженько, чтобы ничего не повредить. Кровать громко заскрипела, где-то вне видимости раздалось какое-то шевеление – и напугало Катерину Петровну до чёртиков. Кто тут вообще есть?

Шаги и незнакомый голос, что-то шепчущий. Глаза всё равно что сами закрылись, и сознание кануло в темноту.

Следующее пробуждение было похоже на первое. Опять тот же потолок, то же мутное окошко.

– Полежи, не вскакивай. Когда ещё потом доведётся, – услышала она женский голос.

Обернулась на звук – и увидела. Возле постели сидела женщина – седая и сморщенная. Одета как-то странно – чепец на седых волосах, блузка белая под горло, с какой-то вышивкой, жилетик со шнуровкой на груди да юбка, то и другое – тёмное какое-то, серо-коричневое, грубое, шерстяное. А глаза – синие-синие, Катерина и не видела никогда, что такие бывают. Наталья одно время баловалась – покупала себе цветные линзы, вот разве что это и есть линзы? Или во сне глаза могут быть вообще какие угодно?

– Кто... вы? – прохрипела Катерина.

– Мэгвин. Но я вижу, что ты не в порядке, так что – спи пока. Позже поговорим.

Странная женщина коснулась кончиками пальцев лба Катерины, и у той глаза всё равно что сами закрылись.

И это уже был нормальный сон, совершенно без каких-либо сновидений.

6. Странная реальность

В своё третье пробуждение Катерина Петровна убедилась, что проклятый сон никуда не делся. Не помогло ничего из того, что должно было – ни сказанное «куда ночь, туда и сон», ни неумело сотворённое крестное знамение (никогда не была крещена, и даже на старости лет не сподобилась, но слышала, что в особых случаях всё равно помогает), ни тихонечко сказанные нехорошие слова.

По-прежнему вокруг возвышались непонятные каменные стены, свет проникал через грязное окно, а у неё было худое лёгкое тело и очень длинные рыжие волосы. Одето это тело было в ночную рубашку – самую простую, без рисунка, до пят, у горла и на манжетах – верёвочки завязаны. Она посмотрела – ну да, из ниток плетёные верёвочки, даже не шнурки и не ленты атласные. Странно всё же.

Катерина Петровна ощупала лицо – ну вроде человечесьё, и на том спасибо. Два глаза, нос, рот. Уши проколоты – дома она этим баловством не увлекалась и детям не позволяла. Наталья уже сама проколола, когда в последнем классе школы училась, а Валере Катерина Петровна не позволила – что за бред, только ещё не хватало! Хорошо хоть Володя этими глупостями не страдал, в неё уродился.

Она села на постели. Льняные простыни, шерстяное одеяло. Тёплое одеяло, хорошее, без него она бы уже от холода концы отдала.

Никакой печи в комнате не было. У окна грубо сколоченный стол, на нём – деревянное блюдо с яблоками. Яблоки лежали одно к одному – красные, красивые – Катерине Петровне так и захотелось взять то, что поближе, и откусить, но – вдруг немые? И ходить по непонятно чем накрытому полу босиком тоже не хотелось – холодно.

Скрипнула дверь, открылась, запустила с улицы клуб морозного воздуха и ту старуху, которая в прошлое пробуждение Катерины сказала, что зовут её странным именем Мэгвин. А поскольку таких имён не бывает, то...

– О, поднялась. Вот и хорошо, – кивнула старуха, да как-то по-доброму.

Вроде и не улыбалась, и никаких слов особых не говорила – но Катерина поняла, что та ей не враг.

– Что происходит? – спросила Катерина. – Где я? Что это?

Она оглядела странное жилище.

– И где мой дом и мои дети?

– Твой дом и твои дети остались там, где и должны быть, – старуха взяла ковшик, набрала воды в деревянной бочке, поставила на стол.

Поискала в углу и нашла какие-то кожаные тапки с мехом внутри, дала Катерине. Надевай, мол. Той не нужно было повторять дважды, она надела.

Дальше происходило умывание – самым примитивным образом. Из угла Мэгвин достала деревянное ведро, и над тем ведром полила Катерине на руки. Вода, на удивление, была не ледяная, как следовало ожидать, а вполне комфортной температуры.

– А зубы чистить? – нахмурилась Катерина.

Дома у неё давно уже были протезы – не самые расфуфыренные, но качественные, хорошие. Здесь же вроде во рту нашлись нормальные зубы.

– А зубы чистить дома будешь, как вернёшься, – усмехнулась хозяйка. – Я так обхожусь, но я – не ты.

Зубов во рту у старухи сколько-то было – но и дыры зияли тоже.

Далее нужно было решить ещё с одной первейшей надобностью, но тут оказалось – как на даче в старые времена, пока Володя тёплый туалет к дому не пристроил. То же самое отхожее

ведро – на все случаи жизни. Его содержимое хозяйка просто выплеснула за порог. Тьфу, как там ходить-то потом!

Мэгвин дала Катерине плащ – толстый, как хорошее зимнее пальто, и с меховым воротником, и капюшон тоже был.

– Надень пока, потом принесут твою одежду.

– Какую мою одежду и откуда принесут? Ту блузку дурацкую с рюшами, в которой меня Анна в гроб положить додумалась?

– Не знаю ничего ни о рюшах, ни об Анне – кто это? Дочка твоя? Одежду носила покойница Кэт, чьё место ты сейчас заняла. Одежда хорошая, тёплая и по здешним меркам богатая.

Старуха так глянула на Катерину, что та безропотно забралась обратно на кровать. А сама тем временем достала глиняную чашку, налила в неё воды, травы какой-то насыпала, протянула госте.

– Пей, это хорошо восстанавливает силы.

И снова вода была не горячая, но – комфортной температуры, хоть и взяла её Мэгвин из той же бочки, что стояла в углу у холодной стены. На вкус питьё оказалось горьковатым, но терпимым.

Мэгвин же тем временем доставала из сундука хлеб, сыр и что-то ещё. И резала яблоки – суровым ножом, что висел в кожаных ножнах у неё на поясе. Выложила всё это на тарелку и поставила рядом с Катериной на кровать.

– Ешь. И спрашивай, разрешаю. Обещаю ответить честно.

Хлеб был какой-то сероватый, на вкус – будто не из пшеничной муки, а какой-то ещё. С отрубями? Со злаками? Сыр – овечий, вкусный. Мясо – вяленое, нарезанное тонкими полосками. Яблоки – сочные и сладкие, какой-то неведомый Катерине сорт, таких вкусных яблок она отродясь не ела – ни в молодости, пока ещё был Советский Союз, ни в зрелости, когда фрукты стали привозить со всего мира даже в их глубинку.

Стоило только начать – и Катерина поняла, что изрядно проголодалась. Правильно, сколько она уже не ела-то? Надо поесть. И нечего болтать, пока ест, потом поговорят. Тем более что хозяйка тоже ела. Отрезала своим огромным ножом маленькие кусочки и отправляла в рот, а оставшиеся зубы у неё были небольшими и аккуратными. Вилки у неё нет, что ли, зачем руками-то хватать?

Управившись с трапезой, Мэгвин смахнула крошки в тряпицу и за порог, и какие-то птицы с жёлтыми и красными грудками тут же прилетели и стали клевать те крошки. Мэгвин улыбнулась, что-то сказала – Катерина не разобрала, – взяла оставшийся кусочек хлеба и раскрошила им с улыбкой, произнося нараспев какие-то непонятные слова.

А потом закрыла дверь и уселась напротив Катерины.

– Ну что, спрашивай теперь.

Катерина уже собралась, даже рот раскрыла, но в дверь домика застучали – да как сильно и громко, очевидно – мужская рука.

– Кого там ещё принесло, – пробормотала Мэгвин и пошла открывать.

– Мэг, открой! Это я! Открой, я знаю, что ты там! Следы на снегу вижу! И птицы твои тут! – раздался снаружи молодой мужской голос.

Она открыла дверь – но не нараспашку, а только выглянула.

– Ну?

– Как оно, Мэг? Удалось?

– Я ещё вчера сказала, что удалось. Слаба она, встать пока не может. Одежду принёс?

– Вот, возьми, – в руки Мэгвин перекинул увесистый тюк.

– И славно. Она головой сильно ударилась, когда упала, и ничего не помнит. Ни как её зовут, ни тебя. Она тебя сейчас и не узнает. Проснётся – я ей всё расскажу. Завтра приходи.

– Ладно, как скажешь, всё равно кроме тебя никто её на ноги не поставит, – согласился невидимый мужчина.

Мэгвин закрыла дверь и положила на лавку тот самый тюк.

– Кто это был? – нахмурилась Катерина.

– Твой муж, Робби Телфорд.

7. Плохие новости

– Какой ещё муж? – похолодела Катерина.

Сон становился страшноватым. Вдруг узнать, что у тебя есть какой-то неведомый муж – только ещё не хватало!

– Даже и не самый плохой, по местным-то меркам, – усмешка Мэгвин вышла странной. – Старший сын и наследник лорда Телфорда, властителя здешних земель. Когда-нибудь унаследует немалые владения – если доживёт.

– Да какие ещё владения! – рассердилась Катерина. – Изволь уже объяснить русским языком – что происходит! Где я, почему я так странно выгляжу, и где мои дети, и что с ними!

– Русским – это как? – вновь усмехнулась хозяйка.

Катерина только собралась ответить, но вдруг поняла, что говорит с ней совсем не на русском языке! Другие слова, другое построение фраз... да что это такое-то!

– Рассказывай всё, поняла? Немедленно! – приказала Катерина, как приказывала детям перестать ссориться, а ученикам в школе – прекратить баловаться на уроке.

– Ты находишься не в своём мире, не в своём теле и будешь жить ещё одну жизнь – здесь, – сообщила Мэгвин.

– Что? – глупости какие-то.

Катерина ожидала услышать что угодно, только не это. Она спит, она под наркозом, она... Да кто его знает вообще, что там случается-то, после смерти! Никто ж не вернулся и не рассказал! Но неужели и правда есть бессмертная душа, как говорят верующие? Но они не говорили ни про какой другой мир, они говорили про классику – вечные муки, вечное блаженство, чистилище. Или это у неё, Катерины Корякиной, такое чистилище? Это Валера вечно какие-то сказки сначала в книгах домой таскал, а потом с компьютера читать приохотился. Катерина-то компьютер освоила, куда ж без него, и даже читать с экрана привыкла, но – книги и статьи по работе, и ещё – любимую классику и детективы. А Валера читал фэнтези и брался пересказывать, пока Катерина не обрывала его и не запрещала молоть всякую ерунду – про людей, попавших в другие миры, мужчин и женщин, которые принимались перекраивать эти миры по своему усмотрению.

Это что же выходит, нужно было не запрещать, а наоборот – слушать? Или даже... самой читать, так?

Катерина смотрела перед собой, не видела ни стены, ни Мэгвин, и едва ли не плакала. Она – она! – которая – не плакала – никогда. Её слёз не видели ни дети, ни коллеги, ни начальство, ни ученики. Она всегда была сильной, её ещё в детстве папа научил. Папа был фронтовик, он всегда повторял – Катя, иди вперёд. Что бы ни случилось, иди вперёд. Не останавливайся. Смотри в лицо своему страху. Смотри в лицо своей беде. И тогда победишь.

Она продышалась и снова взглянула на Мэгвин.

– А дети? Мои дети?

– Твои дети выросли, их судьба больше от тебя никак не зависит. Думай о том, что ты сделала для них всё, что могла, и дальше они справятся сами. Если это те дети, которых я видела в том доме, где встретила тебя.

– Да, это они, – угрюмо кивнула Катерина, ей было стыдно, что Мэгвин застала безобразный скандал. – Но ведь я хотела жить там! С ними! Я так и подумала, что мне предложили встать на ноги и пойти, и призвать их к порядку!

– Ничего, они не маленькие, справятся. Сколько лет старшему?

– Старшая – дочь, Наталья, её там не было, ей сорок семь. Володе сорок. Валерику тридцать восемь.

– Да у таких внуки уже, а ты всё их от юбки своей отпустить никак не можешь, – усмехнулась Мэгвин. – Вот они у тебя и бузят.

– У самой-то есть дети? – хмуро спросила Катерина.

– Три дочери, взрослые, внуки уже родились.

– И у меня внуки – от сыновей. У дочери нет никого.

– Значит, судьба. Я, конечно, схитрила, когда спрашивала – хочешь ли ты жить дальше.

А ты не догадалась спросить меня – тогда мне пришлось бы рассказать тебе всё. Но ты не спросила, я не рассказала, и теперь мы там, где есть, и где тебе предстоит прожить ещё одну жизнь. А уж какой она будет – это зависит от тебя.

Вот ведь! Говорили ей – читай всегда все маленькие буквы в конце документа, спрашивай обо всём! И ведь она всегда была дотошной, все знали – не слезет, пока своего не добьётся! И вот – прочитала. Спросила. И даже винить-то некого, кроме себя!

– И что теперь? – вздохнула Катерина.

– Теперь – я постараюсь продержаться тебя здесь, сколько смогу. Я сказала Робби, что ты ничего не помнишь и никого не узнаёшь. Это поможет тебе на первых порах – пока не разберёшься, кто есть кто.

– Да не поверит же никто! Если я тут... если она... в общем, я ж семьи-то не знаю! Кто была эта несчастная? Ну, девочка, которая умерла?

– Кэтрин Телфорд, Кэт. Тебя как звали дома?

– Катерина, – надо же, почти так же. – Катерина Петровна Корякина.

– Значит, и привыкать не придётся, – кивнула Мэгвин, поднялась, налила в чашку воды, насыпала травы, принесла. – Пей, это восстанавливает силы.

– Но ведь вода холодная, как ты её греешь? – Катерина не понимала.

– И ты можешь, только пока не знаешь. Магия. Ты – маг.

– Что? – да сколько же можно-то!

Катерина бы проще приняла происшедшее, если бы оно было, ну, более обычным. Ну, муж, ну, дети, ну, свёкры или кто там. Работа, дом. Какая, скажите, может быть магия?

– В вашем мире нет магии, – терпеливо объясняла Мэгвин. – А здесь есть.

– Ты маг? – нахмурилась Катерина.

– Я из Старшего Народа, у нас магия в крови. А у людей – нет. Но у тебя в родне был кое-кто из наших, поэтому – ты можешь больше, чем обычный человек. И ты можешь больше, чем любой из Телфордов, запомни это. Ты – маг, они – нет.

– Они? – нахмурилась Катерина.

– Они, – кивнула Мэгвин. – Твой муж Роберт. Его братья Джон и Джеймс. Твой свёкор Грегори и твоя свекровь Маргарет. Твоя золовка Летиция. И все прочие, кто обитает в Телфорд-Касле. Они – не маги. Если ты не позволишь – никто из них не сможет ничего тебе сделать. Но придётся поучиться, конечно. Быстро и плодотворно.

Учиться Катерина умела и любила, что уж там, всю жизнь училась, в школе иначе нельзя. Закостенеют мозги, покажется, что раз в жизни приготовил весь цикл уроков по предмету – и готово, и вот тут-то тебя и прихлопнут те, кто шевелится быстрее и знает больше. Заберут лучшие классы и самую приличную нагрузку, а тебе оставят по одному классу из каждой параллели и окон в расписание натыкают. И классным руководством сверху придавят. Поэтому иди и учись.

– Я буду учиться, – кивнула Катерина.

– Конечно, будешь, – усмехнулась Мэгвин, – что тебе остаётся-то. А я, коль уж взяла за тебя ответственность, помогу тебе во всём – чем смогу.

В дверь снова заколотили, ещё сильнее, чем раньше.

– Быстро ложись, – зашипела Мэгвин. – Лорд Грегори явился, собственной бородатой персоной. Нечего ему знать, что ты уже на ногах.

Она коснулась лба Катерины пальцами – и та более не слышала и не видела ничего.

8. Соперники

Мэгвин погрузила гостью в сон и пошла открывать дверь.

Возвращённое кольцо за эти дни неплохо подправило её тело, но признаться в этом сейчас – значит испортить всю сладость мести. Нет, Грегори должен увидеть то, что видел последние лет двадцать – седую сморщенную старуху. Об остальном ему расскажет Кэт... потом.

Да, на пороге стоял лорд Грегори Телфорд – высокий, черноволосый, мощный, с буйной всклокоченной бородой. Ему всегда приходилось нагибаться, чтобы войти в эту её хижину, и Мэгвин втайне считала, что это правильно, пусть так и будет.

Так и сейчас – пригнулся, вошёл. Она закрыла дверь – нечего мороз внутрь пускать.

– Где девка? – спросил он, сощурившись.

Как всегда, ни слов приветствия, ничего. Как в лесу рос, честное слово!

– Вон лежит, – кивнула Мэгвин на спящую Кэт.

– Что с ней случилось? Что скрывает мой сын?

– А это ты сам его спроси, – пожала она плечами. – Глядишь, и расскажет. Как так вышло, что едва не остался без жены – в третий раз.

– Чего это ты носом ведёшь? На что намекаешь? – нахмурился Грегори. – И дай пройти, сам хочу посмотреть – жива она или нет! А то знаю я ваши нечеловечьи штучки!

– Что же, ты полагаешь, что я способна оживить мёртвого? Мне весьма лестно, что ты так думаешь, но – нет. Я не ваш господь всемогущий.

– Ты нелюдь, – сказал он уже спокойнее.

– Но этот факт никогда не останавливал тебя, если от меня что-то было нужно, – зло сощурилась Мэгвин. – Посмотрел? Убедился? Видишь – дышит. Днём просыпалась, никого не узнала и не вспомнила. Ударилась головой о камень – скорее всего. То ли вспомнит всех, и всё, что с ней было, то ли нет. А ты подумай хорошенько – в четвёртый раз за твоего непутёвого старшего сына даже безродная скорбная умом сирота не пойдёт.

– А то у него одного жёны мрут, можно подумать, – усмехнулся Грегори не менее зло.

– Согласись, один раз – бывает, даже и два случается. А тут – третий. Ты вот поручишься, что никто эту беднягу с обрыва-то не столкнул? Я – нет, зная ваш тамошний гадючник.

– Чего это кто-то будет её сталкивать? – не понял Грегори. – Кому она сдалась-то? Ну, красивая, но за это не убивают!

– Отчего же, убивают. Ещё как убивают. А ты подумай на досуге, если таковой у тебя вдруг случится – кто намазал жиром лестницу, с которой упала Лиз? И сразу нет ни её, ни ребёнка. Тут же – новая невестка, и снова упала, и чудом не насмерть, а если бы сразу же ко мне не притащили – то было бы насмерть и в этот раз. На улице не лето, сам видишь, пролежать в холодной воде несколько часов – и всё, уже ни солнышка не увидишь, ни травки весной, ничего!

– Бр-р-р, – передёрнуло Грегори – очевидно, представил. – И что, ты видишь какую-то угрозу моей семье?

– Я вижу, что кто-то – или что-то – очень не хочет, чтобы у тебя родились внуки. Три сына – хорошо, но если на них твой род закончится – тебе на том свете будет очень обидно. Ведь растащат все владения, и всё будет зря, понимаешь, всё. И сам ты – зря, и все десятки поколений твоих предков – тоже. И спросят тебя: что ты сделал, чтобы возвеличить свой род? А ты и скажешь – захватил Прайорсли? Вырезал всех до единого в Торнхилл-Касле? Выгнал из своих владений последнего целителя, после чего у тебя в прошлую зиму перемёрла тьма народу? Очень хорошо, что уж. А теперь у тебя под носом кто-то вредит тебе, а ты и не видишь,

потому что надулся от собственной важности, и даже мысли такой не допускаешь. А кто-то очень хорошо тебя знает и отменно этим знанием пользуется.

Мэгвин смотрела прямо в глаза Грегори и уже не боялась – что бы он с ней ни сделал, ничего не изменить. Она в любой момент может перекинуться и уйти... но пока есть шанс, что сегодня он не утратит человеческий облик.

Надо же, пришёл узнать, что там с невесткой. Что это – желание понять, что происходит, или тоже задумался? Он, вроде, раньше умел – задуматься, а не только убить.

– А если ты врёшь мне? – хрипло спросил он.

– Будто не знаешь, что я не вру. Никому. И что такого я сказала тебе, чего бы ты не знал сам? Чего не знала бы вся округа и о чём не судачили бы день-деньской все кому не лень?

– Что... и про жир на ступенях судачат? – нахмурил он свои кустистые угольно-чёрные брови, и голубые глаза сверкнули из-под них зимней ледяной молнией.

– Я же узнала, – пожалала плечами Мэгвин. – А я там у вас редко бываю. Расспроси хорошенько свою госпожу и супругу, леди Маргарет, расспроси её горничную Нэн – услышишь много нового.

– Ты снова хочешь поссорить меня с женой?

– Больно надо, твоя жена сделает это сама, и лучше меня. Не хочешь – не спрашивай, жди, пока кто-нибудь из сыновей шею свернёт, или Летти, твоя хорошенькая Летти.

– Что Летти? Кто угрожает Летти, что ты знаешь об этом? – казалось, Грегори сейчас схватит Мэгвин за плечи и станет трясти... но нет, обошлось.

– А то, что она тоже может случайно пойти не той лестницей, понимаешь? И тогда тебе придётся хоронить не чужачку-невестку, а родную дочь. И леди Маргарет, кстати, тоже придётся. Она сама-то, наверное, считает, что бессмертная, а что об этом думают свыше – мы не знаем.

Помолчали оба – очевидно, собирались с мыслями.

– Я заберу её, – кивнул Грегори на лежащую Кэт. – Сейчас заберу.

– Забирай, – пожалала плечами Мэгвин. – И лечи сам. Я умою руки.

– По виду-то она в порядке, просто спит!

– Знаешь, сколько было на этом теле синяков? – снова сощурилась Мэгвин. – И ссадин?

И знаешь, что далеко не все из них появились, когда тело билось о камни в море?

– Ты о чём? – снова нахмурился лорд.

– О том, что и так в чём душа держится, а если её ещё и бить – так и вовсе вскоре отлетит. Понятно, что забрали приданое – так о ней самой можно уже и не беспокоиться, но я слышала, что вроде тебе нужны внуки? А они, знаешь ли, не из воздуха нарождаются.

– Тьфу на тебя, Мэгвин. Ведьмой ты всегда была, ведьмой и осталась.

– С чего бы вдруг что-то пошло иначе? Ты – человек, я – дочь Старшего Народа, этого не изменить. Ступай, Грегори. Когда Кэт сможет хотя бы ходить – я позову кого-нибудь из замка, её заберут. Дверь там.

Мэгвин села у постели и принялась поправлять на лежащей Кэт одеяло.

Грегори сверкнул на неё глазами и вышел, хлопнув дверью. Было слышно, как он разобрал сбрую у коня и командовал своим людям отправляться.

Мэгвин выдохнула – прибегать к крайним мерам не пришлось. И спасибо за то всем высшим силам.

9. Богатая одежда

В следующее пробуждение Катерины домик оказался пуст. Что ж, тем лучше, хоть осмотреться и вообще понять, где она оказалась и как тут живут.

Судя по домику Мэгвин, – жили бедно. И безалаберно, раз щелей не конопатили и не делали в том, что у них тут, нормальную теплоизоляцию.

Умыться пришлось снова над ведром, и все прочие важные утренние дела сделать точно так же. Дальше ведро следовало вылить на улицу, и Катерина поискала выданный вчера плащ, но его не было – наверное, он принадлежал хозяйке, та надела его и куда-то ушла. Хорошо хоть шлёпки меховые оставила. Но на сундуке, он же лавка, лежал принесённый вчера откуда-то тюк – и сказано было, что это для неё, Катерины, её одежда. То есть, этого вот тела.

Она никак пока не могла признать, что эти худосочные ручки и ножки принадлежат ей, Катерине Корякиной, как бы её теперь не называли. И про себя так и говорила – это тело.

Тело, конечно, было молодым и, скорее всего, здоровым. По крайней мере, у Катерины ничего не болело – ни голова, ни суставы, руки-ноги нормально поднимались и опускались, все пальцы шевелились, на стопах не было никаких шишек. И плоскостопия не было, вот радость-то! Катерина даже сделала несколько упражнений – неврологи рекомендовали делать зарядку до самого последнего момента, утверждали, что это помогает нейронным связям в мозгу, как и любая мелкая моторика. Значит, ещё и пальцами рук-ног пошевелим во все стороны. И пальцами к полу потянемся – ой! – ладони Катерины неожиданно легко коснулись пола. Какая гибкость у этого тела! Ещё и молодые глаза отлично видели – никакой вам близорукости или дальновзоркости. А хорошие зубы она отметила ещё вчера.

И ещё это тело было привычным к весьма прохладному воздуху в домике. Катерина родилась мерзлячкой и всю жизнь ею прожила – одевалась тепло, и дома у неё тоже всегда всё было хорошо с отоплением, и на даче. У неё бы уже зубы стучали. А это тело – ничего, шевелится.

Тюк состоял как раз из толстого плаща с хорошим меховым воротником – кто-то очень похожий на чернобурю лисицу пошёл на тот воротник, и ещё какой-то одежды. Одежду нужно было рассмотреть и переодеться уже, сколько можно в ночнушке-то ходить, раньше Катерина даже в больнице носила элегантный домашний комплект – трикотажные рубашку и бриджи, передеваясь в халат и ночнушку только на умывание и сон.

Одежда была странна и, очевидно, неудобна. Суконная серая юбка – не иначе, в пол, кто ж так носит-то, это ж запинаться на каждом шагу! Жакетик из такой же серой шерстяной ткани, как юбка – с длинными рукавами, застёгивается впереди, на крючки. Пуговиц у них здесь нет, что ли? И между тканью и подкладкой защиты металлические пластины, зачем ещё? Зато украшен – вышивкой, пришитыми бусинами – на первый взгляд, агат и янтарь, и ещё небольшие металлические украшения – серебро, что ли? Недлинная баска спускалась от талии и закрывала часть бёдер, это хорошо, дополнительное тепло. Только вот почему-то воротника нет, это что, ходить зимой с голой шеей?

Катерина отложила юбку и жакет и стала смотреть дальше. Шерстяные чулки – отлично. Вязанные хитрым рисунком из мягкой тёплой пряжи. Так, а где какие-нибудь пряжки, или чем там ещё их прицеплять? И к чему прицеплять, где панталоны? Или какие другие нижние штаны?

Увы, ни трусов, ни панталон не предложили. Ещё в числе предметов нашлись две рубашки, подобные той, что сейчас на Катерине, только из тонкого полотна и обильно украшенные вышивкой. Что там говорила Мэгвин про богатство? Богатство – это много вышивки? И камушки на жакете? И хорошая ткань – явно стопроцентно натуральная, дома бы такая большие тыщи стоила?

А вот пара кожаных светло-коричневых башмачков с белой меховой оторочкой Катерине понравилась. Сразу видно – сделаны аккуратно и по мерке. Ещё один явно тёплый предмет из уже знакомой серой шерсти больше всего походил на странную манишку – были такие в Катеринином детстве, ей мама такую вязала. Чтоб и шею прикрыть, и горло. И тут явно можно закрыть горло, и шею, и ещё немного плечи и грудь. Разумно. Внутри у всех шерстяных предметов одежды Катерина обнаружила мягкую льняную подкладку – приятно к телу и удобно.

Ещё один предмет сшили из зелёного льна, он больше всего походил на сарафан – юбка, сверху корсажик и лямки. Корсажик чем-то уплотнён – не кости, и на том спасибо. В боковых швах обнаружилась шнуровка – дырочки аккуратно обшиты нитками в тон ткани, верёвочки скользкие – кажется, для такого эффекта их натерли воском. А это диво куда? Под шерстяные верхи?

Катерине пришлось вспоминать всё, что она слышала и видела по истории костюма. Всё же немного знакомства с предметом было, опять же в школе последние лет пять младшая коллега Алина Александровна устраивала балы для старшеклассников – с погружением, шитьём нарядов и разучиванием танцев, и что-то такое как раз приносила на классный час перед стартом проекта. И рассказывала – про многослойную одежду, что особенно актуально зимой. Вот да, актуальнее некуда. Кто б знал, что придётся осваивать!

И во всём тюке – ни одного машинного шва, только ручные. Н-да, значит, с прогрессом тут не очень.

Катерина сняла хозяйкины шлёпанцы и осмотрелась. Увы, на полу не лежало никакого коврика, даже старого и завалящего. Пол был обильно присыпан соломой – так дешевле, что ли? Неужели никакой старой тряпки?

Видимо, никакой. Придётся стоять на соломе.

Она сняла рубаху, в которой спала, и рассмотрела тело. Ох, плохо это тело кормят, все рёбра наружу. Рыжие волосы топорщились из подмышек и меж ног, значит – с растительностью на теле здесь никто ничего не делает.

Ещё одна мысль пришла и добила, да так, что Катерина села на кровать прямо как была. У неё есть муж, значит – ей придётся рожать детей? Опять беременности? И здесь у них, скорее всего, с медициной отворачиваются, значит – смертность рожениц, смертность младенческая, никаких антибиотиков, антигистаминных препаратов и капель в нос?

Такого удара под дых Катерина от судьбы в лице непонятной Мэгвин не ожидала.

Ладно, разберёмся. И с мужем, и с детьми. А пока одеться, что ли.

Она надела свежую рубаху и тёплые чулки – они вроде не спадали, но она пока и не двигается особо! Затем тот зелёный сарафан – и пришлось извернуться, чтобы зашнуровать бока хоть как-нибудь. Он неплохо зафиксировал небольшую грудь – у самой-то Катерины даже в дозамужней юности грудь была хорошего, ощутимого размера, не то что это вот недоразумение.

Сверху – юбка и жакет. Юбка застёгивалась на булавку, обычную булавку. Жакет – на крючки, и пришлось повозиться, прежде чем все они застегнулись.

Две верёвочки серого цвета, сплетённые из шерстяных ниток, Катерина не придумала, куда применить, и пока не применила никуда.

Ещё на сундуке лежал кожаный пояс, и он был продет в петельки на небольшой кожаной же сумке. Катерина открыла и посмотрела.

Костяной гребень – замечательно. Волосы невероятно мешались и везде лезли, а навыка ухода за таким их количеством у Катерины не было. И если честно – их давно следовало помыть. Ещё бы ленточек каких или шпилек! Ладно, сейчас попробуем.

Ещё в сумке лежал платок – носовой, вероятно. С вышивкой. Веточки, листики, в них – буква, и над буквой – корона. Откуда-то Катерина поняла, что незнакомый иероглиф – это аналог её родной буквы К. Кстати! Умеет ли тело читать? И писать? А то весь век придётся

крестики ставить! А рядом лежал ещё один платок, и в него что-то было завёрнуто. Она глянула – надо же, крестик и кольцо. Очень похожие на золотые. Крестик – простой, но изящный. Наверное, нужно надеть его на шею? А кольцо хорошо село на тонкий палец – оно было без камня, но с рельефным рисунком, какое-то переплетение линий, похожее на кельтские орнаменты, которыми в юности увлекалась Наталья.

Оставалось надеть ботинки, но тут поджидала засада, как говорили внуки. Металлические кости в жакете никак не позволяли согнуться и достать до пола! Это что же, кто эту Кэт одевает-то? Прислуга у неё, что ли?

За этой мыслью Катерину застала вернувшаяся хозяйка дома.

– Оделась? Отлично. Будем есть и разговаривать.

10. Семья

Хозяйка принесла свежий хлеб – в тряпице. Развернула, положила на стол – у Катерины от запаха аж живот подвело, так есть захотелось.

– Чего мучаешься, сними пока лиф и юбку, – Мэгвин очевидно заметила Катерины попытки зашнуровать обувь. – Не замёрзнешь, не дам. Наружу соберёшься – там и оденешься.

В этом был смысл. Без суконных верхов двигаться оказалось намного проще, и зашнуровать ботинки, и помочь хозяйке накрыть на стол.

– Скажи, а что, трусов у вас не носят? – спросила между делом Катерина.

– Чего у нас не носят? – не поняла Мэгвин.

– Трусы. Одежда такая. Для удобства и гигиены. Вот тут, – Катерина задрала юбки и показала – где именно. – Должны носить хотя бы панталоны!

– Нет, и я не знаю, о чём ты, – пожалала плечами хозяйка. – А чего чулки не подвязала, свалятся же?

Пришла очередь удивляться Катерине. Оказывается, те верёвочки, которые она не знала, куда деть, были предназначены, чтобы завязать поверх колена и закрепить таким образом чулки. Сомнительная конструкция, конечно. Но если все они так ходят... Тьфу, бесстыдство. И никакой гигиены.

Хорошо, у зелёного сарафанчика длина до щиколотки, не так сложно двигаться. А как работу по дому делать в этой суконной шубе?

Видимо, Катерина не заметила, как произнесла последнюю фразу вслух.

– Насколько я понимаю, никакой домашней работой Кэт не занималась. Впрочем, ею и Маргарет не занимается, это ж не для миледи, – оттенок презрения в голосе не мог почудиться Катерине никак. – Ты дома чьей женой была?

– Женой? – это было так давно, что почти забылось. – Василия.

– Кем он был?

– Инженером на заводе, и то пока не выперли, – фыркнула Катерина. – Алкашом он был. Им был всю жизнь, им и помер. Выгнала я его, сердешного, он и пошёл на все четыре стороны. То есть, к матери своей, Светлане Львовне, царствие ей небесное, у неё и жил, пока не спился совсем.

– Выходит, его мать – она не с вами жила? Он не был старшим сыном?

– Нет, он был средним сыном. Из них троих самым путёвым был младший, Илюшка, да и тот спился в конце концов. Если ты о том, на что я жила – ну так что зарабатывала сама, на то и жила, и детей на ноги ставила.

– Ты была у кого-то в услужении? По тебе не скажешь.

– Вот ещё, в услужении. В школе я работала, детей учила. А потом ещё и завучем была. Расписание, методработа, выполнение планов и программ, успеваемость.

– Не понимаю, – с улыбкой покачала головой Мэгвин.

– Что тут понимать, школы-то и у вас есть, наверное. Должны быть, как без школ-то!

– Школы, кажется, были при монастырях, да те монастыри разогнали ещё в прошлое царствование, отец нашей нынешней королевы решил поменять веру, потому что иначе ему развода не давали.

– И где учатся дети? – не поняла Катерина. – Или неучами ходят?

– И ходят, и дома учатся, – кивнула Мэгвин. – Думаешь, здесь много грамотных? Да откуда! Лорд и его семья, да управляющий Гаррет, да священник отец Мэтью.

– А... это тело? – со страхом спросила Катерина.

– Это, как ты говоришь, тело было любимой дочерью Сэмюэля Торнхилла, и уж он постарался дать ей образование – хотел в столицу замуж отдать, не меньше, в свиту королевы. Кэт и пела, и на лютне играла, и стихи сочиняла, и говорила, кроме местного диалекта и правильного английского, на франкийском и как бы не на арагонском. И книги на древнем имперском читала. Лорд Торнхилл и подумать не мог, что его не станет, и сына его Саймона тоже не станет, и некому будет его Кэт замуж выдавать.

– Но... она ведь вышла замуж?

– Да, потому что Робби Телфорд, захвативший замок по приказу своего отца, не устоял перед её красотой. Да и приданое за ней было неплохое – замок Прайорсли, возле одноимённого города, и Торнхилл, но Торнхилл в руинах, потому что очень уж сопротивлялись защитники, а Прайорсли, говорят, как был игрушкой, так и сейчас есть. И ты всё это знаешь, это твои земли.

– Как же я знаю-то, если на самом деле – нет? – спросила Катерина, доедая корку хлеба, очень уж был вкусный.

– Узнаешь, не сомневаюсь. Смотри, – Мэгвин смахнула в ладонь крошки, высыпала их за порог ожидающим птицам, и на освобождённом месте стола появилась светящаяся линия неправильной формы. – Это владения Телфордов. Телфорд-Касл тут, – поставила такую же светящуюся точку. – Вот здесь замки меньшего размера, четыре. Прайорсли – сбоку, – появилась точка пожирнее, – город, и рядом замок. Вот здесь Торнхилл, – ещё одна точка, – а тут север и граница, – линия прошла частично по краю телфордовских земель, и если это север – то ушла на запад. Телфорды – стражи границы, оттуда приходят северяне и пытаются отхватить себе хоть какой-нибудь кусок, но на моей памяти это ни разу не удалось. Воюют в среднем каждую весну, и пока речки опять льдом не схватятся, так что – весной и увидишь.

– А у них что, нет короля, у этих северян? Или тот король со здешним не в ладах?

– Почему же, и есть, и в ладах. Тамошний король – дальний родич здешней королевы. Да только он не станет за каждым головорезом по оврагам скакать. Поэтому тамошные – приходят, здешние – их бьют, и так будет всегда.

– И он не может приказать своей армии прекратить это?

– Его армия – это частично те же самые люди, которые приходят на эти земли. А частично – те, кто живёт ещё севернее, и пришли бы, да им соседи не дадут, делиться же потом, если вдруг добыча. И у них ещё склоки меж родами – вечные.

Так, регулярной армии нет, междоусобицы – есть. По одежде пока не понять, что за время. И как тут вообще жить?

– А... семья? Телфорды? Они... приличные люди?

– Сложно сказать, – и вновь оттенок презрения. – Самый приличный там человек – это твой деверь Джон, средний сын милорда. В нём нет жестокости отца и спеси матери, он пошёл в деда. Предприимчив, разумен, и воюет тоже неплохо. Твой муж Робби уродился в родню своей матери – Роузвиллов. Лучше всего болтает языком, боец тоже неплохой. Но и всё. А младший, Джейми, истинный сын своего отца, вспыльчив и жесток. Есть ли у него отцовский ум – пока не понять, ему всего восемнадцать. Есть ещё Рональд, это племянник Грегори, сын его сестры Мэри, она замужем за одним из первых вельмож королевства, герцогом Морни. Он не наследник, потому что третий сын, а двое старших – от другой жены, покойной, но у него уже есть свои владения. И он частенько болтается при дяде – говорит, что при дворе не с кем воевать, а здесь вороватые соседи никогда не переведутся. Дочь Грегори Летиция – шестнадцатилетняя девица, просватана за племянника того самого герцога Морни, а сейчас и вовсе гостит у тётки в столице. Ещё две дочери, Фанни и Энни – малы, им восемь и одиннадцать. Вот тебе и семья.

– И что, опять детей рожать? – спросила Катерина с мрачным ужасом.

– А как же? – пожалала плечами Мэгвин. – От этого не деться никуда. Разве что ты сможешь сама выбрать, когда это делать.

– Как это? – нахмурилась Катерина.

О предохранении от беременности у них тут вряд ли знают! Или знают, но это вряд ли работает.

– Ты маг. И сможешь решить – понести тебе дитя или нет.

11. Радужные нитки

– Ты уже столько раз сказала, что я маг, но я-то ничего такого не вижу и не знаю, – сварливо возразила Катерина.

– Просто не сообразила пока. Смотри сюда, что ты видишь? – Мэгвин повела рукой куда-то в сторону стены.

Катерина взгляделась... и различила как будто тонкие нити, протянувшиеся от руки Мэгвин к стене, к окну, к двери, по полу и потолку. И нити были разноцветные.

– Нитки какие-то, – пробормотала она.

– Какого цвета?

– Больше всего белых. Есть рыжие, алые, немного синих. Фиолетовые. Зелёные. И золотые.

– Неплохо, – кивнула Мэгвин. – То есть, силу ты видишь. Протяни руку и коснись Любого цвета.

Катерине понравились золотистые нитки – цвет красивый, как новогодние гирлянды. Она дотянулась и потрогала кончиком пальца.

Вспышка, золотистая вспышка разорвала сумерки – и впрямь, вечерет, темно. Золотистые искры осыпались на кровать, на пол и на Катерину.

– Сила жизни. Она есть почти у всех человеческих магов – немного. Это даст тебе регенерацию, стойкость к болезням и долгую жизнь. Сколько лет ты прожила у себя дома?

– Семьдесят пять.

– Это много, здесь мало кто доживает до таких лет. Думаю, ты столько же проживёшь без труда. И это такая сила, которая полезна лишь тебе. Копить и перераспределять её могут только чистые маги жизни, они, говорят, встречаются, но я ни одного не видела. И с этой силой ничего не нужно делать – она сама всё сделает за тебя. Редкий случай в магии, в человеческой – особенно.

– Ты так говоришь о людях, будто сама не человек, – буркнула Катерина.

– А я и не человек, – пожалала плечами Мэгвин. – Я из Старшего Народа. Мы тут были до людей, и не исключено, что и после них останемся, когда они переубивают друг друга в конце концов. Правда, ещё и оставят после себя хаос и разруху, ну да с таким бороться мы умеем.

Тьфу, и тут всё не слава богу, думала Катерина. Какой такой Старший Народ? Сидит, как человек. Говорит, как человек, ест-пьёт тоже как человек. И как на ведро присаживается, Катерина тоже видела. Ниточки разноцветные? Ну, может, Катерина тоже так умеет?

Она посмотрела на свою руку и очень сильно пожелала себе таких вот ниток. Много. Разных. Мотками. Можно в корзине, или в ящике каком, чтобы не рассыпались.

Эффект не замедлил себя ждать и поразил Катерину до падения челюсти, как сказали бы сыновья. На стене появилось изображение – как в телевизоре. Три-дэ. Корзина, в ней моточки ниток. Светящихся. Разноцветных.

Мэгвин расхохоталась.

– Да ты молодец, – сказала она, просмеявшись. – Умеешь создавать невероятно сильные иллюзии.

– Это... иллюзия? – нахмурилась Катерина.

– Она самая. Но не-маг не отличит от реальности – некоторое время. И судя по тому, что хорошо держится – в эту иллюзию ты вложила порядочно силы. Как ты это сделала?

– Ну, – Катерина смутилась, – пожелала. Сильно.

– Значит, в непонятной ситуации – желай. Если не сможешь убедить противника – то хотя бы отвлечёшь. Надо же, сильная ментальная магия. А если потренировать, то иллюзию может увидеть только тот, на кого её наслали, и больше никто. Понимаешь?

– Да, – медленно сказала Катерина. – Понимаю. А можно так сделать, чтобы меня увидел только кто-нибудь определённый? Или вовсе никто? Заморочить голову.

– Именно. Внушить. Убедить. Можно. Ты умела убеждать раньше?

– Умела, – без этого умения в школе делать ничего. – И объяснять умела.

– Это хорошо, – кивнула Мэгвин. – Пригодится. Давай дальше. Что ещё видишь, что можешь потрогать.

И дальше уже был урок – такой нормальный, хороший урок. Мэгвин тоже хорошо умела объяснять, и не только про магию, а про мир вообще. И оказывалось, что магическая сила – это очень большая часть мира, прямо его движущая сила. И даже если какие-то вещи говорят и делает не маг, а обычный человек – они тоже имеют смысл и результат, потому что всегда бывают услышаны. Например, для урожая нужно благословить посева, а когда тот урожай собран – то поблагодарить. Потому что, конечно, и само собой что-то вырастет, но с помощью-то вернее. Как с удобрениями. И порядочный лорд позаботится об урожае – потому что ему и самому богатеть, и людей кормить, а сытые люди служат лучше.

Это да, думала Катерина, и в школе лучше всего работали те учителя, у кого от заработка зависело в жизни не всё. У кого были богатые мужья или родители, кому помогали. А кто сам колотился на одну зарплату – или на зарплату и кучу дополнительных часов в разных школах города, и ещё репетиторство – там уже сил на придумать что-то особо и не оставалось. Так что да, сытый сотрудник работает лучше, факт.

Попутно выяснялось что-то о местной политической системе. Наверху – король, то есть сейчас – королева, а землевладельцы-дворяне приносят ему присягу и подтверждают свои права на земельные владения. Какое-то навороченное средневековье, конечно. Но есть парламент – надо же. Только всё равно – что приговорит тому парламенту королева, то он и сделает. И где та королева с парламентом, и где та дыра, в которой Катерине довелось оказаться! Тут, поди, новости гонцами доставляют!

Оказалось – да, гонцами, всё так. Но – как всегда, имеются исключения. Мэгвин достала из сундука небольшое зеркало и протянула Катерине. Хорошее зеркало, очень чистое, в ажурной оправе.

– Возьми. Мне не нужно, а тебе пригодится. Если встретится в твоей жизни другой маг – сможешь связываться.

Оказывается, кроме жизненной силы и ментальной магии, была ещё стихийная. И у Катерины, то есть – у тела, были слабые задатки именно стихийной магии. Ей не удалось услышать камни дома – как бы она ни старалась и как бы хорошо Мэгвин не объясняла теорию. Но ей с первой попытки отозвалась вода в бочке – выплеснулась навстречу, и пришлось понять, как потом собрать её в ту бочку обратно. У Катерины не вышло, и Мэгвин сделала это сама, и велела тренироваться завтра. Воздух, оказывается, отвечал за магическую связь на расстоянии – Мэгвин объяснила, как это происходит, и они даже попробовали – Катерина смотрела в зеркало, а Мэгвин в плоску с водой. Не получилось. Мэгвин сказала – значит, будем молиться, чтобы высшие силы послали в здешние края ещё какого-нибудь мага.

А потом приступили к огню, как раз совсем стемнело, и даже корзинка Катерина на стене погасла. Оказалось, что магическое освещение – это не так и сложно. После того как поймёшь, как вызывать огонь на кончиках пальцев. Он всё время рвался наружу, но Катерина сказала ему – цыц! – и это сработало. Мэгвин смотрела – и изумлялась.

– Впервые вижу такую сдержанность и такое владение собой, – восхитилась она.

Попробовала бы она на родительском собрании продавить сбор денег на ремонт класса. Или провести урок в классе, который, по сути, класс коррекции, а формально – обычный, и

в нём сидят не справляющиеся с собой дети, и от них нужно получить нормальный обычный результат! Да и педколлектив – та ещё банка с пауками.

В общем, магия оказалась интересной практикой. Катерина пока особо не понимала, как это может облегчить ей здешнюю жизнь, но – кто ж его знает, вдруг?

Мэгвин предположила, что стихийная магия и бытовая, которую оставили на утро – это свойства тела, а ментальная – свойство самой Катерины. Потому что покойная Кэт ничего такого не демонстрировала никому и никак, а ей бы непременно пришлось.

Катерина не поняла – почему бы пришлось, ей смертельно хотелось спать, и она даже не могла заставить себя умыться на ночь. Мэгвин посмеялась и объяснила – так выглядит упадок сил у мага. Лечится сном, едой и плотской любовью. Лучше – если с магом, но просто человек тоже сойдёт.

Тьфу, бесстыдники, думала Катерина, засыпая, и здесь у людей одно на уме. Ну какая тут плотская любовь, если не можешь ни одним пальцем пошевелить?

Она проснулась среди ночи в полной темноте и поняла, что не сможет спать дальше, если не дойдёт до угла и до ведра. Пошевелилась, потом вспомнила о новообретённом умении. Маленький светящийся шарик возник на кончике пальца и немного рассеял мрак.

Что-то вздохнуло сбоку, у края постели. Катерина взгляделась – и чуть не заорала, остановила многолетняя выдержка. Потому что на кровати лежала, свернувшись клубком, лисица! Рыжая лисица с пушистым хвостом, как в зоопарке!

Зверь услышал её всхлип, проснулся, повёл мордой в её сторону. И произнёс сонным голосом Мэгвин:

– Ну чего уставилась? Делай, что там тебе надо, и спи дальше! Ночь на дворе!

После такого больше ничего и не оставалось – сделать, что надо, и спать. Потому что ночь на дворе.

12. О быте и о лечении

Следующее утро началось, как и другие – умыться, одеться. Увы, за ночь стены домика Мэгвин никуда не делись. Как бочка в одном углу, ведро в другом, стол, лавка, солома на полу и птицы за окном.

Мэгвин объяснила, что в окне не стекло, а каменная пластина. Стекло существует, его привозят издалека, из Фаро, это на далёком Юге, Мэгвин там не была и не знает точно, где это. Когда она была... тут колдунья запнулась, вздохнула и продолжила уже другим голосом.

– Много лет назад в Телфорд-Касле обновили все окна, заказали торговцам большую партию оконных стёкол, даже с запасом – довели-то не все, как ни старались. И некоторое время в замке было светло. Потом стёкла много где побились, а заменять их никто не стал. Переставляли, скажем, в покои милорда из комнат прислуги. Поэтому многие окна в замке просто закрыты зимой ставнями – и всё.

– И почему так? – недоумевала Катерина. – Денег нет, что ли?

Так-то хорошие тёплые окна поставить – и дома непросто! Сколько она фирм перепробовала и сколько отзывов в сети перечитала, пока выбрала и договорилась, чтоб поменяли! Здесь, выходит, тоже с этим не так легко?

– Потому что не все успевают и воевать, и жить, – пожала плечами Мэгвин.

А щели никто не конопатил, потому что или так сойдёт, или магия. Мол, зима не навсегда, скоро весна, а там и лето, и движение воздуха никому не помешает. Лентяи несчастные!

После завтрака Катерина прослушала краткий курс бытовой магии. Оказалось, что способности к этому предмету у неё есть, и теперь вопрос только в тренировке. Бытовая магия позволяла убрать мусор с приличного пространства, очистить от грязи любые поверхности, а ещё – ткани. Скажем, сделать свежей ношеную рубашку. Катерине этот метод не внушал доверия – потому что нет ничего лучше хорошей стирки! – а потом она задумалась, как же здесь происходит та самая стирка. И получила исчерпывающий ответ – а в речке. Какая там температура воды, какие там щадящие моющие средства! Намотал мокрое на палку и отколотил, вот тебе и стирка. И это бельё, а верхнюю одежду вовсе никто не стирает – её максимум чистят.

Н-да, попасть домой, пригнать сюда стиральную машину, запитать её от их магической энергии, и пусть работает. И моющих каких-нибудь, только экологичных, у них же тут явно нет пластика, всё биоразлагаемое.

Дальше ещё был интересный вопрос – как моют голову. Дома Катерина мыла голову каждый день – утром под душем. Занимало это пять минут, плюс потом сушка, это ещё пять. Правда, она пылинки сдувала со своего парикмахера – стрижки отменного мастера Валечки держали форму долго, и их не нужно было как-то специально укладывать, высушил – и всё. И так всю жизнь – найди мастера, и будет тебе счастье. А тут – наоборот, несчастье. Рыжее и длинное.

– Отчего же несчастье? – усмехалась Мэгвин. – Многие девы обзавидовались косам Кэт, когда она только здесь появилась, начиная с золовки Летиции. Кажется, её чем-то обливали, и вроде бы даже пытались выстричь клочок на видном месте.

– Так может... и правда отстричь? Оставить до плеч, и хватит, – Катерина уже была готова сама взяться за ножницы – как в детстве, когда мама не разрешала стричь косу, а ей хотелось.

– Стригут волосы преступницам, и ещё после болезни, – усмехнулась Мэгвин. – Ещё если вши завелись. Ты как объяснять каждому встречному-поперечному будешь? Что после болезни или вши заели?

– Почему это после болезни? – скривилась Катерина.

Ещё только не хватало, чтоб говорили, будто у неё вши!

– Потому что кому сказать о тебе гадость, найдётся. Это добрых слов придётся поискать, а вот уж такого добра – хоть отбавляй.

– Значит, придётся носить. Холить и лелеять, – поджала губы Катерина.

– Вот и я о том же, – кивнула Мэгвин.

И дальше они совместно грели воду в ведре (грелась сама вода, а никак не посуда), и потом Мэгвин поливала на голову Катерины из ковшика. И втирала какое-то снадобье, и ополаскивала травами. А потом – показывала, как сушить руками отдельные пряди и кожу головы в целом. И после всего – вручила гребень, велела садиться на кровать и расчёсывать – осторожно, начиная с кончиков. Волос оказалось много, вроде они были в неплохом состоянии, но – волнистые и пушились. Наверное, красиво, вынуждена была признать Катерина.

Она как раз боролась с очередной прядью, когда в дверь домика застучали.

– Госпожа Мэг! Отоприте, пожалуйста, госпожа Мэг, ваша помощь нужна!

Мэгвин отперла, и в хижину шагнула женщина. Молодая, но замученная – под глазами синяки, сама худая, из-под несвежего чепца торчат жирные пряди волос. На руках у неё лежал ребёнок лет трёх-четырёх.

– Помогите, госпожа Мэг, – сказала несчастная мать, в том, что это её ребёнок – сомневаться не приходилось. – Тому совсем плохо, он всю ночь хрипел и кашлял.

– Здравствуй, Молли. Отчего вечером не принесла? – спросила Мэгвин, кивком велев класть мальчика на постель.

– Так никто не проводил, Мэтт сказал – что вас беспокоить на ночь глядя, – смутилась женщина.

– Ну и глупец, – Мэгвин уже осматривала ребёнка. – Кэт, помоги.

– Конечно, – Катерина как раз доплела косу, свернула её в узел и закрепила двумя медными шпильками, нашедшимися в поясной сумке. – Раздеть, растереть? Есть что согреть?

– Миледи? – Молли шарахнулась от Катерины, как от зачумлённой.

– Ну, миледи, и что теперь? – поджала губы Катерина. – Горчица у вас есть? А парафин?

– Что такое парафин, не знаю, а горчица есть, порошок в белой банке в сундуке. Подписан, – Мэгвин села возле мальчика и положила руку ему на лоб.

Катерина не смотрела, что делает Мэгвин. Они вчера выяснили, что способностей к целительству Катерина не имеет, поэтому хозяйка не стала ничего ей объяснять. Но опыт-то не пропьёшь, поэтому Катерина нашла в сундуке тряпицу, достаточно чистую, нашла названный порошок и изготовила горчичный компресс, который и пристроила мальчику на грудь. Потрогала ноги – холодные, куда это годится! Нашла в том же сундуке шерстяные чулки, надела поверх тонких чулок ребёнка. Вообще одет он был в довольно хлипкую шерстяную курточку, штаны и шапочку. Когда надо бы – тёплые колготки, носки, куртку на меху. Что это – безалаберность или бедность? Ладно, об этом они позже поговорят.

Тем временем мальчик задышал ровнее, уже не было слышно хрипов. Ещё и температура у него, обтереть бы чем, но ничего спиртосодержащего Катерина не нашла.

Мэгвин отняла руки от ребёнка и попросила:

– Кэт, полей мне, будь добра.

После осмотра и манипуляций руки нужно мыть, это точно. Катерина подогрела воду, у неё получилось, и полила на руки хозяйке. Та ещё прислушалась к дыханию маленького Тома, но хрипов уже не услышала. Даже ухо поднесла, осталась довольна.

– Возьмёшь сейчас мой плащ, в нём донесёшь сына до дома. Дома не давай ему замерзнуть ни в коем случае, поняла? И сейчас миледи Кэт расскажет, что делать с горчицей.

– Миледи, вы же, говорят, покойница? – Молли смотрела на Катерину, не сводя глаз.

Катерина тоже посмотрела внимательно – что за особа вообще? Одета неряшливо, фартук весь засаленный, голова давно не мыта, манжеты рубашки грязные, воротник тоже.

– Кто это такой смелый, что говорит? – Мэгвин так глянула, что та только вздохнула и голову опустила.

– Да все говорят. Вся дворня.

– Ну-ка, скажи как есть, будь добра, – сощурилась Катерина.

Дети – и свои, и школьные – под таким взглядом выкладывали всё немедленно.

– Да это Нэн, горничная её милости Маргарет, она и сказала, что миледи померла, а тело в море унесло, и его уже никто никогда не увидит. А кто будет с Нэн спорить? Никто, потому что никто себе не враг.

– А что его милость? – нехорошо глянула Мэгвин.

– А его милости недосуг бабские сплетни слушать, – сообщила Молли.

– Ладно, ступай, – вздохнула хозяйка. – Плащ вернуть не забудь, сразу же. Другого нет – раздень мужа, если он не сподобился заработать на тёплую одежду – пусть ходит как есть.

– Да, госпожа Мэг, благодарю вас, госпожа Мэг, – закивала Молли. – И вас, миледи, благодарю.

– С горчицей справишься?

– Справлюсь, – ещё раз кивнула Молли.

Подхватила на руки поданного ей спящего сына и была такова.

13. Информация для размышления

– Ну что, Кэтрин, пора тебе возвращаться. То есть – идти в твой дом, – сказала Мэгвин, когда шаги Молли стихли вдали.

– Почему? – не поняла Катерина.

– Потому что эта сорока болтливая всем расскажет, что видела тебя здесь живой и здоровой. И твои мужчины явятся за тобой – не сегодня, так завтра.

– Ну вот явятся – и пойду, – сообщила Катерина. – Нужна – пусть забирают. Я и дороги в этот их замок не знаю, и вообще здесь не ориентируюсь.

– Да, в одиночку тебе ходить не следует. И вообще оставаться одной.

– Почему это?

– И не принято знатной даме одной ходить, и целее будешь. Доверять можно твоей камеристке, Грейс, она приехала с тобой из Прайорсли. Девица шепутная, но надёжная. Да ты и сама увидишь.

– Как я её узнаю? – нахмурилась Катерина.

– Дай зеркало, – Мэгвин протянула руку, Катерина вложила ей в руку требуемое. – Смотри, – она подышала на стекло и показала Катерине.

По скудно убранной комнате ходила взад и вперёд девушка – будто постарше Кэт, но ненамного. Одета она была лучше Молли и выглядела более сытой и чистой – наверное, Молли была совсем из низов. Из-под вышитого чепца торчали светлые кудряшки. Воротник, манжеты и фартук – тоже вышиты. Юбка и жакет – коричневые, без украшений. Значит, камеристка Грейс.

– А сколько ей лет?

– Около двадцати. Она дочь управляющего твоего отца, ныне покойного.

– А... сколько лет этому телу? Когда у него день рождения? – Катерина поняла, что не знает миллиона важных вещей, которые могут её выдать.

– Лет – восемнадцать. Когда родилась – не представляю, кажется, весной. У Грейс спросишь. Скажешь как есть – потеряла память, ничего не знаю. Пусть помогает. Она в тебе заинтересована.

– Если что со мной, то её тёплому местечку конец? – догадалась Катерина.

– Именно, – кивнула Мэгвин. – Смотри дальше. Это твоя свекровь, леди Маргарет.

Дама в зеркале явно страдала от отёков – много пьёт на ночь, что ли? Нездоровое одутловатое лицо, небольшие серо-зелёные водянистые глаза, жидкие седеющие светлые волосы. Лишний вес. На вид ей лет шестьдесят, а на самом деле?

– Сколько лет свекрови?

– Сорок три.

Ничего она себя запустила-то! Наверное, не двигается, не следит за режимом дня и за пищей тоже не следит. Ну что ж, поглядим.

– Кто там ещё есть?

Ещё был свёкор – большой кудрявый мужик с чёрной бородой – слегка с проседью. И его детки. Младший, Джеймс, походил на отца. Средний, Джон, выглядел из них из всех самым аккуратным – у него ничего ниоткуда не торчало, сапоги были чистыми, а рубашка – свежей. Старшего, Роберта, хотелось причесать, помыть и переодеть – как будто куртка у него была от одного комплекта, а штаны – от другого. Волосы торчали, на чулке Катерина заметила спущенные петли. Тьфу, наследник, называется. И это – её муж?

– Зачем ваша Кэт посадила себе на шею этого великовозрастного ребёнка? – поинтересовалась Катерина.

И услышала то, что и должна была – Кэт никто не спрашивал. И ей ещё повезло, что Робби защитил её, когда после победоносного штурма Торнхилла отряд направился в Прайорсли, где она и прожила всю свою жизнь. Там лорд Телфорд запретил грабить, но кто запретит убивать и насилловать? Неудивительно, что она согласилась. А Телфорды получили земли Торнхиллов – по закону, через брак.

– И что, это вот прямо мои земли?

– В твою вдовью долю выделен разрушенный Торнхилл. Стены, говорят, стоят, но – после пожара. А всё деревянное нужно отстраивать заново.

– Что значит – во вдовью долю?

– Если ты овдовеешь, то это будет твоё имущество. С которым ты сможешь ещё раз выйти замуж – если найдётся жених.

– А второй замок?

– Прайорсли? Формально принадлежит твоему мужу, он лорд Прайорсли сейчас. Но – делами там заправляет Джон. То есть – присматривает, сам он лорд Солтвик, по выделенным ему владениям. Джеймс пока владений не имеет.

– А если я захочу поехать и посмотреть – что в тех как бы моих владениях? Могу я там жить?

– Без мужа – никто тебя не отпустит. А муж вряд ли оторвётся от мамочки.

– То есть? – нахмурилась Катерина. – Ему же... сколько ему лет и чем он вообще занимается?

– Лет ему двадцать пять, а занимается – чем отец скажет. Да, мог бы уже сам вести хозяйство, но – не хочет, а леди Маргарет и рада. Если сможешь уговорить его уехать из Телфорд-Касла – тебе будет проще.

– В каком смысле проще? – не поняла Катерина.

– А в самом обычном. Когда эти два лентяя – Робби и его кузен Рональд – принесли сюда тело Кэт, я осмотрела его самым внимательным образом. Оно, конечно, побилось о камни, потому что падение с обрыва отрицать нельзя, но – были ещё и другие отметины.

– Какого... рода отметины? – Катерина похолодела.

– Синяки и ссадины. Разные. Кэт били – время от времени. И подвергали насилию. Я не знаю, делал ли это Роберт или кто-то другой, но в нынешнем Телфорд-Касле возможно всё.

– И что, ничего нельзя сделать? Пожаловаться там куда-нибудь? Королеве?

– И каким образом ты доберёшься до той королевы? – усмешка Мэгвин вышла невесёлой. – Телфорды уже многие поколения служат короне, а отец и брат Кэт были замешаны в заговоре, и следы того заговора вели на север, через границу. Потому с ними и расправились без всякой жалости – Грегори не будет привечать друзей северян. Другое дело, что всё это с его слов, и что там вышло на самом деле – мы никогда не узнаем.

– Значит, она сама в море-то бросилась, – вздохнула Катерина.

Вот вляпалась! Кто бы только мог подумать!

– Есть вероятность, – кивнула Мэгвин.

– Она же, перед тем как пойти, сняла крест и обручальное кольцо. И спрятала в своей сумке, я их нашла уже здесь. Видимо, не хотела умирать с кольцом Телфордов, и не хотела совершать грех, имея на шее священный символ, – выдала Катерина.

– Очень на то похоже, – не стала спорить Мэгвин. – Поэтому сейчас мы с тобой будем учиться строить защиту. Ты это можешь, а в твоём положении хорошо бы ещё и уметь. И нападение, кстати, тоже – то небольшое, что тебе доступно.

Это было правильно – от неведомого зла нужно уметь защищаться. Ну и предстоит выяснить – что там происходит, в этом гадючнике, который за какие-то грехи стал новым Катериным домом.

14. Шагнуть во тьму

Дотренировались снова до полного Катерининогo бессилия – как и накануне. Мэгвин вздыхала и ворчала, что скажет кому-то – чтоб приглядел.

– Кто приглядел? Зачем приглядел? – не понимала Катерина.

– Затем, что я здесь больше не останусь.

Что? Катерина уже привыкла рассчитывать на ворчливую старуху – потому что та знала тут всё, и знала о Катерине правду. Как так она здесь не останется?

– Постой, почему это не останешься? А как же я?

– А ты уже сейчас сильнее любого из них. Да и память тела какая-никакая пробудится. Будешь применять свою силу с умом – будет толк. А ты, как мне показалось, умеешь.

– Нет, погоди. Ты меня для чего из дома выгнала?

– Для того, что пообещала. Исцелить Кэт.

– Зачем? – в отвращении сморщилась Катерина. – Вот пусть бы и оставались без неё! Я ж не выживу в этих ужасных условиях! С этими ужасными людьми.

– Не все из них ужасны, – пожалала плечами Мэгвин, – а некоторых можно просто не брать в расчёт, да и всё. Ты – не Кэт. Тебя так просто не испугаешь. Я думаю, ты даже найдёшь какое-нибудь удовольствие в том, чтобы навести порядок – во владениях и в головах.

– Делать мне нечего, всю жизнь, значит, работала, и теперь – снова работать? – Катерина не заметила, как сорвалась на крик.

А Мэгвин, наоборот, – замолчала.

– Прокричись, полегчает.

– Кому ты пообещала, что вылечишь Кэт, и зачем?

– Роберту. Затем, что мне была предложена такая плата, от которой я не смогла отказаться. Откровенно говоря, мне вернули – меня.

– Что? – Катерина даже на постель обратно села.

А Мэгвин разжала пальцы – и у неё на ладони Катерина увидела кольцо. Серебряное кольцо со странным мерцающим камнем – вроде и серым, а вроде и синим. Пять ажурных зубцов охватывали тот камень – красиво.

– В этом кольце заключена частичка меня. Тот, у кого эта вещь, может мне приказывать. Просить выполнить желание или просто заставить себе служить. Так вышло, что нынешний лорд Грегори Телфорд взял эту вещь там, откуда брать его никто не просил. Воспользовавшись моим горем.

– Украл, что ли? – не поверила Катерина.

– Просто взял. Снял с пальца своего умершего прадеда. Пока я приходила в себя, не сумев отпросить его у смерти ещё на день. Шестьдесят лет и ещё три года мы были вместе, но – нет ничего вечного на этой земле. Он ушёл, а я осталась. И осталась – несвободной, потому что Грегори не верил, что я могла сделать всё то, что делала для его предка, не по службе, а по любви. По службе так не бывает. Он очень удивился, когда оказалось, что простого владения кольцом и приказов недостаточно, чтобы поля родили, а сады цвели – потому что я выполняла только то, что он приказывал, и именно так, как он высказывал свой приказ. А высказать, как надо, он не мог – потому что нужно было учиться не только воевать и убивать, а ещё и хозяйством интересоваться хоть немного – раз собрался стать лордом. Он-то думал, что всё дело во мне и в кольце. И стоит ему только пожелать – и всё будет. Но высшие силы так не работают. Ты получишь столько, сколько отдал сам. А чтобы получить больше – отдать нужно тоже немало. Его прадед отдал мне всего себя – и получил в ответ меня и все мои силы. А

Грегори хотел только приказывать, не более. И... я не называла Роберту платы, он сам решил отдать мне кольцо. Видимо, понял, что за меньшее я на такое дело не соглашусь.

– Ты... ты правила здешними землями? – не поверила Катерина.

– Я была рядом с тем, кто правил, – отвечала Мэгвин.

Она надела кольцо на палец и распрямилась. В домике было очень мало света, но Катерина увидела всё – как та встала, потянулась... и на месте сморщенной старухи оказалась статная высокая женщина в вышитом платье из яркой синей ткани. Глаза у неё светились глубокими озёрами и летним небом – под цвет того платья, а рыжие кудри спускались ниже пояса. Катерине даже показалось, что в волосах преображённой Мэгвин сверкнул венец с синими камнями.

– Ничего себе, – хрипло проговорила Катерина.

– Без кольца я не рассыпалась, конечно, и не умерла, мне того не дано. Но изрядно истрепалась, – Мэгвин достала из сундука флягу, взболтнула и разлила её содержимое по двум глиняным чашкам, одну протянула Катерине. – Пей. Пей за свою жизнь, и пусть она у тебя сложится лучше и чем у Кэт, и чем у тебя самой в твоём далёком доме. Я вижу – ты способна на многое, и найдёшь в себе силы, о которых не подозреваешь, только случится это не сразу. Ничего не бойся, из любого трудного положения есть выход, даже если его сразу и не видно. И не бойся шагнуть во тьму – иногда для того, чтобы увидеть свет впереди, нужно захлопнуть дверь за спиной. Ты выйдешь. Ты справишься, – и выпила то, что было у неё.

Катерина проглотила всё, что Мэгвин налила в чашку, единым духом – а это оказалось вино, отличное вино, дома такое встречалось очень редко и стоило больших денег. Хотела было что-то ещё сказать – но поняла, что смертельно устала, и что больше всего на свете хочет лечь и уснуть. Вообще-то сегодня много всего случилось, и если верить Мэгвин, сил Катерина потратила изрядно. Так почему бы не заснуть?

Проснулась она засветло, и Мэгвин в домике не было. Почему-то Катерина сразу поняла, что та ушла навсегда – хоть и не очень-то холоднее стало, и окно пропускало столько же света, не меньше, но – не было чего-то важного. Ещё десяток дней назад скажи ей кто, что у дома, в котором живёт маг, может быть какая-то аура и, прости господи, душа, – она бы посмеялась и попросила не говорить ерунды. А вот как оно вышло.

Теперь всё делать самой. Согреть воды на умывание, и на завтрак тоже. Чая и кофе у них не водится совсем, но оставалось немного молока, сыра и хлеба – их вчера принесла Молли, когда возвращала Мэгвин её плащ, – и корзина больших красных яблок. Тех самых, невероятного медового вкуса, очень сладких.

Из этого Катерина и сообразила себе завтрак. На всякий случай оделась во все слои – вдруг и вправду кто придёт и встанет над душой – собирайся, мол, а она и не готова. Лучше уж собраться самой, пока никто не явился.

Книг в домике не было, в сундуке остались некоторые снадобья – Катерина читала, что написано на банках, и вспоминала, что говорила обо всём этом Мэгвин. Кажется, это тоже нужно забрать. Потому что пригодится.

Постель она почистила приобретённым умением – кажется, сработало, – свернула аккуратно и убрала в сундук. Мало ли, вдруг кому понадобится, чего будет почём зря лежать и пыль собирать? Немного почистила и окошко – просто так, чтобы что-то делать. Потому что куда идти, она не знала, и никто за ней не приходил.

Не пришли и к обеду – пришлось доесть хлеб с сыром, запить их водой и зажевать парой яблок. Эти яблоки как будто утоляли голод лучше любого мяса, нужно положить с собой несколько штук, пригодятся.

В дверь постучали, когда она, убрав остатки еды в сундук, собирала крошки, чтобы выбросить за порог, птицам. Птиц слышно не было – но ведь есть же они в лесу? Значит, придут и склюют.

Что, шагнуть во тьму? Почему-то Катерина вспомнила именно эти слова Мэгвин, хоть и был вокруг белый день.

С крошками в руках она отперла дверь и увидела высокого худого парня – сегодня его штаны и куртка были одного цвета. Из-под чёрной шапки-горшка топорщились светлые волосы, а в серых глазах она с удивлением прочла столько радости, сколько, наверное, не видела от своей особы никогда и ни у кого.

– Кэт, моя Кэт! Ты вернулась!

Парень обнял её, подхватил и закружил прямо на небольшой утоптанной площадке перед входом в дом.

– Кэт, ты поедешь домой? Ты не оставишь меня больше?

В голосе было столько же радости, сколько мольбы.

– Да, Робби, я поеду домой, – сказала Катерина и опустила взгляд в снег.

Мелкая птица, вроде воробья, прилетела-таки и спешно клевала крошки с крыльца.

15. Телфорд-Касл

Оказывается, муженёк приехал не один – при нём переминались с ноги на ногу пять коней, у каждого в седле – по человеку, и ещё два коня были без всадников. Один – вороной, для милорда, понятно, а второй?

А второй, Катерина, для тебя. Пятнистый какой-то, кажется, таких называют «серый в яблоках». Не хотела ножками идти? Так поедешь. Только вот с какой стороны к этому зверю подходить, Катерина не представляла.

– Не бойся, Кэт, он тебя не сбросит, он смирный, будто не знаешь! Облако, стой, это же Кэт. Кто из вас больше друг друга боится, скажи? – расхохотался Робби.

Катерина достала из поясной сумки яблоко и предложила Облаку – вроде кони яблоки едят. Тот обнюхал и принял подношение – съел и ткнулся мордой ей куда-то в плечо. Она стояла ни жива ни мертва, потому что коня так близко в последний раз видела в детстве, в деревне у папиных родственников.

– Держись, – Робби подхватил её и поднял.

Катерина от неожиданности зажмурилась... и вдруг поняла, что нога нашла стремя, вторая уместилась рядом – видимо, это та самая память тела. Уж наверное, здешнюю леди учили ездить верхом. Она приоткрыла глаза, сделала вдох и выдох – и руки словно сами разобрали поводья.

Сидеть в дамском седле было ой как неудобно, но, похоже, что от неё ждут именно этого – что она будет сидеть на коне, как на лавке, свесив ноги на одну сторону. Её небольшой тючок с оставшейся одеждой и кое-чем из дома Мэгвин прикрепили к седлу, и – можно было отправляться.

Катерина в последний раз бросила взгляд на дом – снаружи он выглядел, как небольшой холмик. Кажется, даже дерево у него на крыше растёт. А летом, наверное, трава, и внутри у него прохладно. Интересно, как далеко он от замка? Надо бы узнать.

А пока – ехать следом за людьми Телфордов и постараться не вылететь из седла.

Хорошо, ехали медленно, не торопились. Правда, головой вертеть всё равно не выходило, потому что четыре конских ноги казались Катерине не самой устойчивой вещью на свете. Они шагали, иногда – наступали на ветки, иногда – куда-то слегка проваливались в мягком снегу. Это вам не машина и не велосипед, и не на своих двоих! Она сидела, вцепившись в седло и почти не держась за поводья, и конь просто вёз её следом за остальными. Да, просто держись хорошенько. Это тело всё знает и умеет. Оно знает о здешней жизни больше тебя и уж явно с детства в седле, почём зря просто так не свалится. Придётся научиться кое в чём ему доверять.

Но, судя по тому, как муж тела радостно смеялся с кем-то из своих людей, всё было в пределах нормы. Если бы настоящая Кэт была искусной наездницей, то разницу заметили бы все. Наверное, она тоже сидела в седле чуть получше мешка с картошкой.

Так выехали по тропе из леса и выбрались на открытое пространство. Что-то вроде поля, конечно же – в снегу, и Катерина сразу же зажмурилась от того, как ярко засверкал этот снег на солнце. Денёк, правду сказать, был отличный – тёплый, солнечный, когда зимой такие выпадали и Катерина была свободна, то она брала детей, а потом внуков, и шла с ними гулять. Тут же они просто ехали себе по дороге, на которой виднелись следы колёс – наверное, тележных, а потом муженёк и вовсе ускакал вперёд с кем-то из своих. Впрочем, вокруг Катерины всё время оставались четверо, двое впереди, и двое сзади. Не то почётный караул, не то стражники.

Замок появился достаточно скоро – на холме, за полем. Как на картинке в учебнике – мощные стены, высокие башни. И чем ближе подъезжала к нему Катерина, тем суровее он

выглядел – каменная глыба, да и только. В него попробуй попади, и потом ещё попробуй из него выберись.

Их отряд приветствовали с галереи наверху стены, и ещё – стражники в открытых воротах. Когда проезжали те самые ворота, Катерина подняла голову и увидела зубчатую снизу решётку. Воображение тут же нарисовало картинку из фильма – как где-то ломается крепление, и эта решётка валится вниз вот прямо сейчас – ей по голове. Она зажмурилась... а конь тем временем вошёл во внутренний двор.

Катерина не имела представления, как спускаются с коня. В кино с них спрыгивали, в жизни, кажется, тоже. А тут как? Она ж свои тонкие ноги себе переломает!

Но оказалось – всё предусмотрено. К ней подошёл муж, который как раз спрыгнул, и кивнул кому-то, чтобы его коня увели. А сам просто снял её с седла и поставил на ноги.

Тут только Катерина поняла, что сидела в таком напряжении, от которого затекло всё тело. И принялась его аккуратно разминать. А из открытой двери в ближайшей части здания тем временем к ним шли люди. И первым шёл как раз хозяин, если верить зеркалу Мэгвин – высокий, мощный, страшный. Плечи Катерины всё равно что сами опустились, а взгляд упёрся в мелкую гальку под ногами, которой был отсыпан внутренний двор.

– Что, ожила? – неласково спросил хозяин.

От звуков этого голоса тело съёжилось, как от удара. Что, снова та самая телесная память? Катерину это так разозлило, что она чуть было не подпрыгнула на месте и не топнула ногой.

Плечи распрямились с усилием, и с таким же – поднялась голова.

– Приветствую вас, милорд, – или как там ещё надо сказать?

Местному этикету её никто не учил, не успел. И, наверное, она сделала что-то не так, потому что изумление лорда она ощутила без труда. Именно ощутила, и именно изумление. Вообще Катерине и раньше доводилось понимать, кто что имеет в виду, и обычно она оказывалась права, но здесь её всё равно что по голове ударило – она понимает невысказанное!

– Ну, ну, – кивнул он, оглядел Катерину с ног до головы и пошёл куда-то по двору.

Оказалось, что за его спиной стояла пухленькая девушка в чепце – её Катерина тоже видела в зеркале. Грейс, её зовут Грейс, ей можно доверять. Отлично.

– Миледи, как хорошо, что вы вернулись! – она подбежала и принялась целовать Катерине руки – вот ещё только не хватало!

– Да, Грейс, я вернулась, – кивнула Катерина. – Пойдём отсюда, хорошо? Только где-то тут были вещи...

– Фил, балбес, куда ты повёл коня миледи, там её вещи! – звонкий голос разнёсся по всему двору.

И тут же двор заполнился самыми разными звуками – хрустом, топотом, звоном, разговорами. Что это было? Все они молчали, когда отряд въехал во двор? И ждали, что будет? А что могло быть?

Грейс получила свёрток и, прижимая его к груди, со счастливой улыбкой сказала:

– Идёмте, миледи!

Муж уже где-то потерялся, но у него, наверное, какие-то дела? Будет надо – найдётся, подумала Катерина, следуя за Грейс внутрь каменного монстра.

Суровый пустой коридор был очень тёмным – никаких окошек, только изредка – площадки, в которых что-то горело. Горело с чадом и запахом. Катерине не понравилось, она щёлкнула пальцами – и, ура, появился светящийся шарик. Он поплыл впереди неё, и стало ощутимо светлее.

– Миледи, – изумлённо выдохнула Грейс. – Как это вам удалось?

– Госпожа Мэгвин сказала, что я всегда это умела, – пожала плечами Катерина.

– Но ведь господин Бервик никак не мог добиться от вас ничего подобного!

– Значит, госпожа Мэгвин лучше умеет объяснять, да и только, – Катерина понятия не имела ни о каком господине Бервике, но о преподавании знала всё.

Тем временем они добрались до винтовой лестницы – видимо, в башне – и стали подниматься вверх. Поднимались довольно долго – несколько оборотов, потом выбрались ещё в один коридор, тоже тёмный.

Дверь оказалась совсем рядом – в нескольких шагах. И открылась в довольно-таки светлую комнату – с большим окном, и в нём стояло настоящее стекло.

Пара сундуков, стол у окна, лавки со спинками, на столе корзинка с какими-то нитками – вышивка, что ли? На стенах – гобелены. В стене справа – дверь, видимо, там спальня, потому что виднеется кровать с балдахином.

– Как же хорошо, что с вами всё в порядке, миледи, слава господу, – Грейс чуть не плакала, вот ещё!

– Что такое, Грейс? Почему ты плачешь? Почему все так странно на меня смотрят?

– Так ведь все думали, что вас уже в живых нет!

16. Грейс

– Уже ведь думали вас отпевать! Миледи Маргарет так и сказала утром отцу Мэтью – что нужно провести заупокойную службу! А тот покачал головой – пусть, мол, милорд Роберт подтвердит, тогда да, и милорд Грегори. А милорд Грегори сказал, что самолично вас видел, хоть вы и были вроде как не в себе, вот. Это правда? Он вас видел?

– Мне госпожа Мэгвин говорила, что он приходил, – кивнула Катерина. – Знаешь, Грейс, со мной всё хорошо, но – я ничего не помню. Я помню себя только с того момента, как очнулась в доме госпожи Мэгвин, понимаешь? Я знаю, что ты – Грейс, и что мы с тобой давно вместе, да и всё.

– Точно, давно, вам было пять лет, а мне семь, когда ваша матушка, миледи Гвен, мне вас доверила, – закивала девушка.

Была она сероглаза, из-под чепца топорщились завитки белокурых волос, на круглом лице написано участие и сочувствие. Да и не только на лице, она в самом деле всё это испытывала, поняла Катерина.

– А милорд Роберт? Его вы вспомнили?

– Да, как и тебя. Знаю, что это он, и что он – близкий мне человек, и всё. Скажи, ты сможешь? – Катерина глянула на Грейс испытующе.

– Да как же вам, миледи, не помочь! Всё-всё расскажу! Ведь миледи Маргарет сегодня уже сказала, что раз вас нет, то и я пусть убираюсь из замка на все четыре стороны, а куда же я пойду? А если вдруг вы каким-то чудом найдётесь, то подыскать камеристку – дело недолгое.

– Никуда ты не пойдёшь, тут даже и говорить не о чем, – нахмурилась Катерина. – А чтобы мне проще было говорить в твою защиту, рассказывай всё. С самого начала. Как мы встретились – и дальше.

Грейс всхлипнула и принялась рассказывать. Оказалось, что и впрямь девушки росли вместе – дочь управляющего была сочтена пригодной, чтобы сопровождать в жизни госпожу. Поэтому они и учились тоже вместе – грамоте, языкам – Грейс говорила по-франкийски, по-арагонски – нет, и местный вариант латыни одолела с трудом. Но умела танцевать, аккомпанировала госпоже, когда та пела, и подпевала сама. Знала всё о местной одежде, сама умела шить и вышивать – впрочем, как и госпожа.

Знание о том, что тело было не таким и неучёным по местным меркам, обрушилось прямо на голову, и с одной стороны, порадовало, а с другой – напугало. Ведь Катерина-то ничего этого не знает! Какая музыка, какое рукоделье! Шить она, конечно, шила, в девяностые без этого было трудно. Умела вязать – по схеме, ну и простое – носки, варежки, шапки, шарфы. Никакой вышивки в её жизни не случилось, не до того было, а в последний год Наталья предлагала попробовать вышивать крестом по схеме – мелкой моторики ради, но Катерина так и не приохотилась. Может быть, как-то удастся обойтись?

Более того, оказалось, что всю свою одежду Кэт вышивала сама. И как теперь, спрашивается? Ладно, будет время – придётся попробовать. Вдруг сработает память тела? Как с конём?

А про коня Грейс рассказала – да, коня зовут Облако, подарок Роберта, серый в яблоках, необыкновенно красивый. Подарен после того, как один из его жеребцов сбросил Кэт во время прогулки. Этот смирный и воспитанный, но Кэт его боялась как огня, как и всех прочих коней. Дома она, конечно, училась верховой езде, но предпочитала книги и музыку активному времяпрепровождению.

Да, Кэт учили магии. Магические способности были у её матушки, миледи Гвен, она была такой же рыжей, как и Кэт, и тоже замечательной красавицей, но рано умерла – в родах, ясное дело. Не спасли ни её, ни младенца, и остался милорд Сэмюэль с двумя детьми – сыном

Саймоном и дочкой Кэт. И никого больше за себя не взял – потому что с миледи Гвен никто не мог сравниться.

Был найден учитель – господин Бервик, он отлично владел магией – зажигал невиданные огни, согревал воду и прокапывал канавки в земле одним шевелением пальца. И Кэт занималась с ним, но – не преуспела. Он всё время вздыхал, что ученица не желает сосредоточиться, а только лишь витает в облаках. Милорд же Сэмюэль говорил – ничего, пусть, она у меня нежный цветок, зачем ей греть воду и уметь выставить защиту? Я сделаю это для неё, или Саймон, или её муж – когда у Кэт будет муж.

Но потом случилась война. Подробностей Грейс, конечно же, не сообщал никто. Но в Прайорсли зачастили гости – вроде бы, и с обратной стороны границы, и отсюда. И хозяйева, что старший, что младший всё время то совещались, то куда-то уезжали. А потом их обоих осадили в Торнхилле Телфорды. И больше уже никого из них в живых не видели – а владения достались победителям.

В Прайорсли прибыл большой отряд – сам лорд Телфорд, и три его сына. Младший, Джеймс, кричал, что нужно и здесь всё сжечь, потому что – смерть поганым врагам. А средний, Джон, резко остановил его и сказал – он уже отомстил за смерть молочного брата, и довольно. Прайорсли – богатое, процветающее владение, и нужно быть последним дураком, чтоб лишиться себя всех возможных доходов с него. А всей дворне, сколько их было, велели выйти во двор и всё это слушать. Отец Грейс что-то сказал в защиту прежних хозяев – и лорд Телфорд зарубил его на месте. А два её брата погибли в Торнхилл-Касле.

Кэт, как оказалось, в это время пряталась за пологом своей кровати – потому что боялась даже в окно выглянуть. Там её и нашёл Рональд, племянник лорда Телфорда. Ему уже доводилось бывать в Прайорсли и он даже однажды сватался к Кэт, но она его боялась, и лорд Торнхилл отказал ему. И теперь Рональд думал, что она согласится стать его на любых условиях, даже уже и без венчания, но пришёл Роберт, и, по словам Грейс, влюбился с первого взгляда. И предложил Кэт законный брак и в будущем – возможность стать леди Телфорд.

Его отца устроил такой вариант, а Кэт, судя по всему, Роберт показался лучше Рональда. Хоть Рональд и красивее, и одет лучше, и денег у него больше, но – Кэт согласилась выйти за Роберта. И прожила с ним немногим меньше, чем полгода – с сентября и до января. А Грейс отправилась с ней в Телфорд-Касл, потому что как же иначе?

В Прайорсли командует Джон, потому что он командует всем, что остаётся после его отца, Роберт-то ничем особо не командует. Лорд Телфорд не очень-то вникает в хозяйственные дела, а Джон – вникает, и у него хорошо выходит. А лорд Телфорд командует охраной границ и военными походами, и ещё ездит ко двору в столицу – иногда. Но осенью двор приезжал сюда, на север, и её величество останавливалась в Прайорсли – в городе, не в замке. И была большая ярмарка, и большие гулянья, и Грейс с Кэт тоже туда возили. Её величество предлагала Роберту место при её дворе для супруги, но он попросил оставить супругу ему – он не сможет покинуть границу, а у них ещё нет наследников. Королева посмеялась и пообещала вернуться к этому разговору лет через пять. А Кэт осталась в Телфорд-Касле.

Да-да, и странным образом упала со скалы в море. Интересно, кто довёл беднягу? Или – кто подтолкнул? Но выспросить, что об этом знает Грейс, не удалось – в комнату заглянула служанка и передала, что ужин готов, и миледи с камеристкой ждут в большом зале.

17. Семейный ужин

– Пошли, да? – поднялась Катерина.

Грейс подскочила, вытерла нос рукавом и дёрнулась было к двери, но Катерина задержала её.

– Платка у тебя нет, что ли? Как ты потом с таким рукавом в люди пойдёшь?

Грейс посмотрела изумлённо и молча достала из привязанной к поясу суконной сумочки платок – без кружева, но с какой-то вышивкой. Ну да, вместе же рукодельничали. Вытерла нос и глаза, и убрала его обратно.

– Теперь веди, – кивнула Катерина.

Идти пришлось вниз и ещё по первому этажу, и в коридоре горели факелы. Чадили и пахли.

Обеденная зала оказалась помещением большого размера. Нет, очень большого. Как столовая в новой школе – здание построили заново, потому что капитальным ремонтом не обошлось бы, детей в новой школе училось более двух тысяч, и в каждую перемену питались человек двести-триста. Вот и здесь так же. Много столов, только они сдвинуты в огромную букву П. Там, где перекладина – возвышение, видимо, для лорда и семьи.

– Что ли ужинают все – и семья, и прислуга? – не поняла Катерина.

– А то, можно подумать, у нас в доме было не так! Ваш братец, помнится, из столицы приехал и говорил – теперь модно господам есть отдельно, в выделенном покое, да ещё там ставить всякие шкафы с заморской посудой – для красоты. Но ваш папенька сказал, что нечего. От века так было, и дальше будет. Да только где теперь и милорд Сэмюэль, и милорд Саймон, – вздохнула Грейс.

– Царствие им небесное, – тихонько проговорила Катерина.

Грейс согласно закивала. И повела Катерину как раз к голове стола – очевидно, её место было где-то там.

По мере продвижения Катерина смотрела на сервировку стола – деревянные тарелки, на них – нарезанные ломти хлеба, много. Несколько человек прислуги, очевидно – кухонной, бегали внутри и ставили на столы полные кувшины, тарелки с нарезанными пирогами, кусками жареного мяса, рыбой и ещё чем-то, что она с ходу опознать не смогла. Скатерть лежала только на той самой перекладине сверху – льняная, в других частях стола – просто выскобленные доски, и всё. Из предметов сервировки на столах лежало... ничего. Никаких столовых приборов. Совсем дикие, что ли, руками едят?

– Скажи, а что в кувшинах?

– Эль. Хороший эль, но вы и раньше его не любили. Вы пили воду, или вино – немного, если его привозили. Но милорд не любит вино, его и не покупают. Или немного – для миледи Маргарет.

Ладно, вода – так вода. К счастью, на верхнем столе, кроме скатерти, лежали ещё и ложки – красивые, серебряные, с костяными ручками – так показалось Катерине.

– В доме госпожи Мэгвин я видела вилку. А здесь нет ни одной? – она сказала первое, что смогла придумать.

– Миледи Маргарет не жалуется вилки. Но в вашем приданом, в сундуке у вас в гостиной, есть три штуки, просто вы не решились их доставать – чтоб не вызвать неудовольствия.

Какие все нежные, с ума сойти можно. Неудовольствие вилкой? А чем ещё? Ладно, посмотрим потом на те вилки.

Кстати, в зале было темновато. Факелы по стенам давали какой-то свет, но – недостаточно. Катерине показалось, что серебряные блюда на главном столе давно не чищены, как и

ложки. И что скатерть тоже не самая белая на свете. На свету было бы видно лучше. А теперь у неё молодые глаза, и хочешь не хочешь, а замечаешь детали. Которые, может быть, было бы лучше и не замечать.

– И где же ты была всё это время? – раздался недовольный голос за спиной Катерины.

Она оглянулась и узрела миледи хозяйку нечищенных блюд и грязной скатерти.

Леди Маргарет была довольно высока ростом – не ниже Катерины, но Катерин в её объём вместились бы минимум две. А то и с половиной. Одета она была не в юбку с жакетиком, а как будто в платье – но Катерина не поняла, где у того платья застёжка. Бордовая – ну, насколько в этой темноте можно что-то разобрать – шерстяная ткань покрыта вышивкой вся, и металлический пояс, и у него длинная драгоценная висюлька спереди, и воротник – тарелка в мелкую складочку, и чепец вроде кокошника на голове, и светлые волосы виднеются. На шее – золотая цепочка и жемчужные бусы. Наверное, это всё означает большое богатство. Но – дама тучная и слабо поворотливая. Лицо отёчное, ей бы мочегонку какую попить, что ли. Может, у них тут травка с такими свойствами есть, и ей подсыпать из добрых побуждений?

– Добрый вечер, миледи, – кивнула Катерина. – А была я в доме госпожи Мэгвин, большое ей человеческое спасибо, только благодаря ей я снова на ногах.

– И что же с тобой случилось? – свекровь смотрела на Катерину, как на таракана.

– А я этого, поверите ли, не помню, – Катерина постаралась вложить в улыбку побольше яда. – И мне самой очень интересно, что со мной случилось. Была моя жизнь здесь настолько невыносима, что я решила на смертный грех, или я здесь кому-то так сильно мешала, что от меня решили избавиться.

– Больно ты нужна, избавляться от тебя, – зыркнула глазами свекровь и прошествовала к своему месту у стола.

За ней семенила особа тех же лет – вся в сером, как мышь, только фартук и чепец белоснежные. Именно белоснежные – на общем фоне это было заметно. Зыркнула на Катерину, ровно как её госпожа, и пошла уместать ту госпожу в кресло. Разложить складки платья и поправить завязки рукавов. И всё это время бросала исподлобья взгляды на Катерину.

Нижние столы понемногу заполнялись, становилось шумно. А к их столу направлялся снизу молодой парень – моложе Роберта, но если тот был как большая безалаберная и незлая собака, то этот – как бультерьер соседки Таньки, кошмарный зверь, которого хозяева только успевали от людей оттащить. Чёрная одежда без украшений подчёркивала общее впечатление. Взгляд тот же самый, что у пса, только глаза не красные, а голубые. И эти глаза в какой-то момент прямо упёрлись в Катерину – и такая злость была в тех глазах, куда там безмозглому бультерьеру! Будто Катерина лишила его всех надежд на будущее одним своим существованием.

– Выжила, значит, – бросил он, проходя мимо, и уже собрался толкнуть, но Катерина была готова к какой-нибудь пакости и отодвинулась.

– А ты, Джейми, точно знаешь, что не должна была? Интересно, откуда? – Катерина зло сощурилась – как Мэгвин, когда говорила о Грегори и вот об этом его сыне.

Шаги известили о приходе ещё людей – самого милорда, бесценного супруга и третьего – как его? – о, Рональд. Племянник. Все трое встали и с интересом прислушивались. Роберт хотел было что-то сказать, но Рональд остановил его, положив руку на плечо – послушай, мол, интересно же.

Да-да, Катерина по-прежнему ощущала эмоции и намерения всех, кто случился поблизости. И было очень интересно – что скажет в ответ Джеймс.

Но тот ничего не сказал – сплюнул под ноги, отодвинул свой стул и сел. За спиной облегчённо выдохнула Грейс.

Роберт подошёл, поцеловал Катерине руку и провёл к стулу. Сам он сидел подле матери, с другой стороны от неё уселся в кресло с подлокотниками лорд Грегори, а дальше за ним –

Джейми и Рональд. Это хорошо, что оба они с другой стороны. И плохо, что леди Маргарет так близко. Грейс ушла куда-то вниз – видимо, она сидела с другими служанками.

Понесли еду. На стол ставили блюда, накрытые крышками – видимо, чтобы не остывали, пока их несут с кухни, кстати, интересно – далеко ли она? Под крышками были те же пироги и мясо, что на нижних столах, но – в невероятном разнообразии. Видимо, она слишком долго смотрела на еду, не понимая, что с ней как, и даже Роберт, успевший за это время что-то съесть, спросил:

– Кэт, ты чего? Скажи уже, что тебе положить, да и ешь тоже! Тебе налить воды, как всегда?

– Да, будь добр, воды. И положи мне пирога.

Тут же на её тарелке выросла горка кусков пирога – с мясом, с рыбой, с какими-то ягодами. Ножа не предлагали – у каждого на поясе был свой, а для леди Маргарет мясо и пироги отрезал стоящий за её стулом слуга. Надо узнать, где таких берут. Или добыть нож.

– Робби, отрежь мне треть от мясного пирога и четверть от рыбного, – Катерина решила задействовать ту силу, которая есть под рукой. – И небольшой кусочек мяса, – она показала на запечённую говядину.

Ой, даже телятину – мясо оказалось хорошо пропечённым и мягким. Но эксперимент с куском из соседнего блюда не прошёл – мясо не досолили, и никаких других специй не использовали тоже. Хотя как минимум горчица у них есть, сама видела. И лук с чесноком тоже должен быть, наверное. Пироги же оказались хороши – и мясной, и рыбный.

Запивать эту еду водой было не очень-то вкусно, тем более – холодной. Пришлось немного подогреть – всё равно никто не заметит и не поймёт, раз они не маги.

А вокруг ели от души – и свёкры, оба, и их сыновья. Наверное, при их образе жизни расходуется много энергии? Животов не было заметно ни на ком – все поджарые.

Внизу наелись-напились, и возрос уровень шума – стали громче кричать, кто-то даже запел песню про прекрасную деву, которая шла-шла по лесу и кого-то там встретила. Не то волка, не то медведя. Пошлую песню. Леди Маргарет, услышав, скривилась, задвигала стулом, выбралась из него и повелела что-то со стола подать ей в покои. Катерина приглянулась – какие-то фрукты в сиропе. Интересно, это только ей, или остальным тоже перепадает? Ладно, потом.

Уход леди Маргарет подал сигнал – задвигались лавки, на которых сидели внизу, и женское население начало покидать зал. Возле стула Катерины появилась Грейс. Неужели можно отбыть восвояси?

А Роберт хватанул чего-то из своего кубка и пожал Катерине руку.

– Я приду, Кэт, постараюсь не задерживаться. Я соскучился!

18. Ночью все кошки серы

Вместе с Грейс Катерина дошла до своей комнаты. Эх, нужно поскорее запоминать расположение помещений в замке! Не станешь же всё время ходить с кем-нибудь за ручку!

В коридорах стало ещё темнее – и холодно. Катерина сотворила пару магических светляков, а уж о прогревании этих стен она пока думать не будет. Сначала нужно разобраться, где живёт и где спит она сама.

В её расположении, как оказалось, были две с половиной комнаты – гостиная, спальня и ещё небольшая темнушка, типа тётчиной комнаты, в которой стояли три очень больших сундука с одеждой, и на одном из них спала Грейс. Это последнее изумило Катерину до крайности – зачем спать бог знает где, если можно – в гостиной, например? Грейс посмотрела на Катерину странно и сказала, что всё хорошо, и ей удобно. Ладно, разберёмся.

Дальше Катерину очень заинтересовал вопрос – как помыться на ночь? Грейс с готовностью подала тазик и взялась за кувшин. О воде, оказывается, она успела позаботиться.

Поэтому – только умыться, ну и так, по мелочи. Но порадовало, что Кэт чистила зубы – толчёным мелом. Хоть так. В Катеринином детстве был как раз зубной порошок, так что – ничего особенного.

После умывания Грейс притащила из своей кладовки раскрасивую сорочку – всю расшитую.

– Ты уверена? – изумилась Катерина.

Чего наряжаться-то?

– Ну как, милорд Роберт сказал, что скоро придёт, а он всегда любил на вас эту сорочку.

Ох ты ж. Точно, он ведь сказал.

– Скажи, Грейс, а он вообще со мной живёт? Как-то не похоже. Я не вижу здесь ни одной его вещи.

– Так его комнаты в другом крыле. Как всегда были, так и остались. А вас сюда поселили, и он приходит к вам достаточно часто. Иногда даже ночевать остаётся.

Вот так. Наверное, если в твоём доме прорва комнат, то приводить жену вот прямо к себе не обязательно. Она живёт где-то... в другом крыле, её можно навещать, если приспичило, а во все остальные моменты она тебя никак не стесняет.

Катерина помнила, как непросто было притереться, когда они с Василием оказались в одной комнате квартиры его родителей. Было тесно – и на кровати, и в шкафу, и вообще в комнате, потому что у каждого накопились какие-то вещи. И было желательно не выносить всё недовольство, если оно возникало, за пределы этой самой комнаты. Правда, Василий тоже не выносил – вроде как, и спасибо ему за это. И вообще – царствие небесное.

А тут что и как? Судя по всему, место Кэт в здешней иерархии было где-то в самом низу пищевой цепочки, как говорила биолог Оленька Вячеславовна. Привезли, поселили, кормят. И, наверное, хотят, чтобы она поскорее родила хозяевам внуков.

Только вот с этим вопросом Катерина решила повременить – раз уж так вышло, что этот тонкий момент оказался в её власти. Сначала нужно понять, что здесь вообще происходит – ведь и себя-то подставлять под удар не хочется, а возможного ребёнка – и вовсе нельзя.

– Миледи, вам подать воды? – спросила Грейс.

– Воды? – не сразу поняла Катерина.

– Ну да, как обычно, перед визитом милорда.

Ох ты ж! Значит, Кэт всё же что-то знала и умела, выходит? И что-то понимала про свою безрадостную жизнь? Ох, Кэт, бедняга Кэт, во что же ты тут вляпалась-то?

Неведомую Кэт хотелось обнять и погладить по голове. Как внучку. Но ведь теперь Кэт – это она?

Грейс принесла воды в чашке, и Катерина вспомнила, что говорила и как показывала Мэгвин. Свет и тепло у неё получаются, значит – и противозачаточное зелье получится? Мэгвин сказала – выпить желательно до всего, что произойдёт, так вернее. Значит, будем пробовать. А дальше посмотрим – на здешнюю жизнь и на того мужа, которого ей здешняя жизнь предложила. Может, он не хуже Василия?

Вообще любовный опыт Катерины не отличался ни богатством, ни разнообразием. Не оставалось у неё времени на то, чтобы какие-то шуры-муры разводить. Работа, дети, дом. Пока был Василий – ну, был. А когда развелись уже окончательно – так первые лет семь, пока Валера в школу не пошёл, ей вообще ни до чего дела не было, и уж точно – до мужиков. Опять же, в школе какие мужики? Правильно, физруки. Один даже пытался подкатывать – как же, свободная, самостоятельная, и даже говорил – красивая. Про красоту свою Катерина не задумывалась совсем. Одевалась строго – потому что на работу, глаза не красила, волосы, как поседели, – тоже не стала красить, вот ещё – думать, отрасли там корни или пока нет. Некогда.

О нет, пара романов у неё, конечно, случилась, но таких мимолётных, что и вспомнить-то толком нечего. В командировке и на курорте. Но командировка быстро закончилась, а на курорте она была с тремя маленькими детьми. И к счастью, никакого нежелательного продолжения эти романы не получили. Поэтому – тоже говорить не о чем.

И Катерина искренне надеялась, что здешний муж не потребует от неё ничего несусветного.

Он пришёл – постучался, вежливо спросил Грейс – в порядке ли, мол, миледи, и та ответила – да, ждёт вас, всё хорошо. И в спальню не вошёл – а прямо влетел. С порога бросился её целовать и всё говорил, какая она красивая, нежная и вообще необыкновенная.

Катерина сначала всё думала – раз нежная и необыкновенная, то чего ж ты её не то сам бил, не то кому другому позволил? Но потом одёрнула себя – вот ещё, нашла, о чём сейчас думать, самое время. Лучше посмотреть в его глаза – о нет, он не врёт, он и вправду увлечён. И весьма горд, что получил её в своё безраздельное пользование, и что придумал, как её вернуть. Потому что она – определённо лучшая из женщин. Ни у кого такой нет. Это увлекало и заводило, и оказалось каким-то новым ощущением – почувствовать себя лучшей из женщин. Красиво говорить он, похоже, не умел, а думал вроде неплохо, и хорошо, что она это ощущает, и тоже может подумать о нём... неплохо.

И память тела подтвердила, что от этого человека Кэт опасности не ждала. А только лишь – немного ласки.

Катерина боялась, что выдаст себя – не тем словом или движением, всё ж таки другой человек! Но или они с несчастной Кэт оказались в этом вопросе похожи, или милорд Роберт – человек ненаблюдательный, и ему оказалось достаточно стройного тела, нежной кожи, рыжих волос и зелёных глаз. Он даже не дал ей зажечь новую свечу, когда догорела старая, мол – да и так же всё хорошо, зачем свет? Правильно, незачем. И вообще в таком деле незачем, и сейчас – особенно. А ночью все кошки, как известно, серы. Рыжие – тоже.

А потом она задремала и не сразу поняла, что он ушёл.

Ушёл – и ладно. Никто не будет храпеть, сопеть и перетягивать одеяло на себя. Тем более что одеяло могло быть и потеплее, самой холодно.

Катерина встала, нашла на сундуке тёплый плащ и положила поверх одеяла. Так лучше, да. Можно спать. Остальное завтра.

19. Осмотр территории

Утро началось с пробудки в исполнении Грейс.

– Миледи, рассвет. Вы всегда просили будить вас на рассвете.

Вот так, значит – просила. Интересно, для чего? Но – рассвет так рассвет. Катерина встала – выбираться из-под тёплого одеяла в прохладную комнату было ужас как некомфортно, но что с этим можно сделать, мы ещё подумаем. А пока – умыться, одеться – и что дальше?

Дальше Грейс принесла завтрак. Вот так – значит, утром в люди можно не ходить и с семейством не встречаться.

– Скажи, а обед можно так же у себя устроить?

– Вы ведь пробовали, – вздохнула Грейс. – Но миледи Маргарет сказала, что нечего по углам куски таскать, приличный дом всё же. И поэтому все, кто есть дома в обеденное время, должны явиться за стол.

Приличный дом, значит. С единственной-то скатертью, и та – грязная.

– Поняла, – кивнула Катерина. – А почему наша миледи такая замученная? Женщина, которая командует таким домом, могла бы выглядеть и получше.

– Так груши свои в меду трескает, – пожалала плечами Грейс. – К ней милорд Рональд даже целого целителя привозил из столицы, но она долго его к себе не подпускала, потому как не переносит милорда, и всё, что от него – тоже. А потом милорд Роберт её убедил, и она позволила себя осмотреть и полечить. Так-то ей несладко было – девчонки, кто в покоях убирает и одежду чистит, рассказывали – так живот болел, что вся была белая и страшная, и на всех бросалась, аки зверь. А потом целитель боль ей снял, снадобье какое-то дал и сказал, что питаться нужно умеренно, пока не лопнула. Она не поняла, тогда он объяснил – не бросаться на всё сладкое, будто она его никогда в глаза не видела. И жирного есть поменьше, и солёного, и перчёного. Но это ведь то, что она любит, поэтому выслушать-то она выслушала, а потом всё равно велела на ужин ей засахаренные абрикосы подать.

Может быть, эту здешнюю миледи в детстве голодом морили? Тут всё может быть. Вот она сейчас и ест, как не в себя.

А ещё мало двигается, скорее всего, подумала Катерина. Сама она всегда по возможности ходила пешком – на работу, в магазин и вообще куда только можно было, сладкое бросила есть лет в сорок, когда поняла, что иначе не сладит с лишним весом, да ещё сказали – сахар в крови близок к верхней границе нормы, зачем ей всё это надо было? И детей с внуками тоже всякой ерундой не кормила. Ладно, в праздник съесть кусок домашнего торта и хорошую конфету, а в обычной жизни всё это совершенно незачем. Правда, сами они всё равно ели, и газировку сладкую пили...

Катерина вдруг поняла, что уже дня три вообще не вспоминала об оставшихся дома детях. Просто не было ни секундошки свободной. Эх, как они там? Наталья-то справится, она разумная, а вот парни?

Так, загнать обратно вдруг подступившие слёзы и думать о другом. О визите мужа ночью. Что сказать – судя по всему, жена ему нужна. Вот для этого самого. Явно она его устраивает полностью и никого другого ему не нужно, значит, он в ней заинтересован. Считывать эту его заинтересованность оказалось неожиданно... любопытно. Новый опыт. Кто бы мог подумать!

И если Роберт не страдает раздвоением личности или чем другим подобным, и если в него не вселяется время от времени дьявол, какая-нибудь животная сущность или кто их тут вообще знает, как у них случается – то над беднягой Кэт издевался не он. Но тогда возникает другой вопрос – как и почему он позволил? Кажется, здешние мужчины не должны позволять

другим людям самоуправство по отношению к своим жёнам? И не слепой же он, мог видеть синяки!

С другой стороны, если не зажигать света (Катерина по привычке подумала – включать, а потом поняла – куда там включать! Надо быть осторожнее с такими деталями), то не очень-то увидишь, что там, на теле. Да ещё если рубаху не снимать. А без рубахи холодно, так что...

Значит, нужно смотреть на других сильных мира сего. И пытаться вызвать их на разговор и понять, что там за душой, раз уж Мэгвин пробудила в этом теле какие-то сверхъестественные способности.

– Грейс, что будет, если мы с тобой сейчас пройдем по замку, и ты мне ещё раз расскажешь, что тут и где? Вдруг я быстрее всё вспомню?

– Можно, – кивнула Грейс, – только, наверное же, кто-нибудь спросит, отчего это вы, миледи, вместо своей обычной работы по замку бродите.

– Обычной – это какой? – не поняла Катерина.

– Вы обычно сидели у окошка и вышивали.

– Это мне ещё предстоит вспомнить. Но сначала – замок и люди в нём. И, может быть, что-то ещё, я постараюсь понять, пока будем ходить. Очень тяжело смотреть на родных мужа и понимать, что они знают обо мне больше, чем я сама, – Катерина поднялась и была готова выступать. – Я очень не хочу снова откуда-нибудь упасть, значит – нужно принимать меры.

– Ох, миледи! Вы всегда были вылитая ваша матушка миледи Гвен, а сейчас говорите, прямо как милорд Сэмюэль! И смотрите, как он! Вот кто б знал, что так выйдет!

– Как отец, говоришь, – вздохнула Катерина. – И хорошо. Идем.

Замок был велик. Пять башен – четыре угловых и одна над главным входом, и можно было из каждого места попасть в любое другое... почти. Например, по второму этажу можно было пройти кругом, от комнат Катерины снова до них же, а вот попасть наверх – только через две башни, в них были сквозные лестницы. А вниз – ещё в пяти местах.

Третий этаж оказался проходимым далеко не везде – если точно не знать, как пройти туда, куда тебе надо, то будешь блуждать долго и, очевидно, счастливо. Но там располагались только комнаты свёкра Грегори и свекрови Маргарет, и ещё какие-то гардеробные и подсобные помещения. На втором этаже жили дети – сыновья, дочери (где-то ж ещё должны быть две маленькие девочки, вспомнила Катерина), там же было сколько-то гостевых комнат. На первом этаже располагались кладовые, оружейные, кухня и большой зал – тот самый, куда надлежало являться на обед. Ещё существовали чердаки и подвалы, но когда Катерина заикнулась о том, чтобы заглянуть хотя бы на чердак, то Грейс удивлённо на неё посмотрела и сказала – лучше не надо.

И без того на них смотрели очень странно – пробежавшие мимо слуги, хотя все они были вроде бы при деле. Говорить ничего не говорили, но коситься – косились. Особенно когда Катерина с Грейс заглянули на кухню – во владения главного повара господина Джилберта.

Их тут же заметили, стоило Катерине только сунуть нос в приоткрытую дверь, и тут же кто-то кому-то закричал – мол, миледи Кэт со служанкой пришли. Тут же перед ними возникла крупная особа в фартуке и спросила:

– Что угодно миледи? Завтрак был недостаточен?

– Завтрак был отличный, благодарю, – кивнула Катерина.

И впрямь, свежее молоко, два варёных яйца и ещё тёплый хлеб с маслом показались ей нормальным завтраком.

– Может быть, вы хотели бы что-то ещё наутро?

– Благодарю вас, я подумаю, что бы я хотела, – раз завязался разговор, то нужно продать свой интерес. – А нельзя ли мне взглянуть на кухню?

– Что вам там делать? Пачкать вашу чистую одежду? Даже и не думайте, – замотала головой женщина.

– Но Полли, миледи желала осмотреть, как идут приготовления к обеду, – влезла Грейс.

– А не велено никого пускать. Вот разрешит миледи Маргарет – тогда пожалуйста.

Полли ещё будто надвинулась на них, вынуждая отступать в коридор. А Катерина не собиралась идти на открытый конфликт. Кое-что она уже увидела, пока было непонятно, как это пригодится, но вдруг? Так что...

– Благодарю, Полли, – коротко кивнула она и пошла в сторону ближайшей лестницы наверх, велев Грейс следовать за ней.

Было что обсудить, но это можно делать только за закрытой дверью комнаты. А попасть туда – через лестницу в башне.

Катерина целеустремлённо шла и смотрела под ноги – винтовая лестница вам не шутка, и очень удивилась, когда упёрлась в кого-то. Тело вмиг закаменело, и стоило больших трудов сделать вдох, поднять голову и посмотреть.

– А вот и наша прекрасная Кэт, – дорогу ей перегораживал племянник лорда Грегори Рональд.

Станный человек, который сватался к ней и получил отказ. А потом, по словам Мэгвин, принёс бездыханное тело Кэт в её дом.

И что ему надо?..

20. Рональд

– Будьте любезны, Рональд, и позвольте мне пройти, – Катерина решила начать с обыкновенной вежливости.

Сделала два шага назад – на две ступеньки вниз. Так было физически проще с ним разговаривать. И зажгла пальцами над головой магическую лампочку – лучше уж видеть, с кем говоришь.

Она подумала, что дома такой парень стал бы кинокрасавчиком. Или телеведущим. Или рекламировал бы дорогую мужскую одежду. Потому что всем он был хорош – и разворотом плеч, и гордой посадкой головы, и чёрными кудрями, и голубыми глазами. И одет был с изяществом – насколько Катерина вообще успела что-то понять о здешней мужской моде. Но всё портило выражение лица.

– Я могу проводить, – он наклонился к ней и смотрел... хищно смотрел. – Я слышал, ты всё позабыла? Значит, тебе нужна помощь.

– Нет, Рональд, мне не нужна помощь. Дорогу до своих комнат я уже выучила заново. И вовсе не собираюсь утруждать тебя. И вообще – я тебя не задерживаю, – на «ты» так на «ты».

– Правду говорят – ты изменилась, Кэт. Что такого сделала с тобой старая Мэг?

– Госпожа Мэгвин вернула меня к жизни, за что я ей благодарна.

– Интересно, как ей это удалось? – сощурился Рональд.

– Она умеет исцелять, – пожала плечами Катерина.

– Даже такая... далёкая от жизни особа, как ты, должна знать – исцеляют живых. А ты не дышала, – произнёс он тихо и угрожающе. – Я точно знаю, я нёс тело к ней в дом.

– А вдруг тебе показалось? – вот ещё только не хватало, будет сейчас тут болтать всякую совершенно нежелательную ерунду!

– А ты думаешь, я живого от мёртвого не отличу? – усмехнулся он. – Это ты всю жизнь в замке просидела, а мне-то, представь, и воевать довелось, и убивать. Ты была совершенно мертва. Таких не лечат.

– Как же? Искусственное дыхание, массаж сердца, – сказала Катерина как о чём-то само собой разумеющемся. – Неужели тебя не учили, как помогать ближнему своему?

– Что? – нахмурился он.

– А ещё бывает летаргический сон, – сообщила ему Катерина, как безнадёжному двоечнику. – Когда человек всё равно что умер, только спит.

– Ты откуда столько всего вдруг знаешь? Это ведьма Мэг тебя настропалила?

– А ты не думал, что я и сама могла раньше книги читать? Вот ты, вроде, грамотный, а книгу когда в последний раз в руках держал?

– Было надо, и держал, – ответил Рональд. – Но мне, знаешь ли, вся эта история очень сомнительна. И если вдруг ещё кто-нибудь усомнится в том, что ты жива...

– И как ты представляешь себе обратное? Разве мёртвые ходят, едят, спят, и всё остальное делают?

– Мало ли, на что способна ведьма, чтобы досадить Телфордам? – сощурился он.

– А если тебе всё это сомнительно, то чего ради ты тогда, как говорят, меня своими руками к госпоже Мэгвин в дом принёс? Потому что верил в чёрное колдовство? Или по какой другой причине?

Вопрос ему не понравился – даже и никакой специальной силы не нужно, чтобы это понять.

– А она рассказала, с чего ты вдруг со скалы в море сиганула? – приподнял бровь Рональд.

– Откуда же ей было это знать? Она просто предупредила, чтоб я была осторожна.

– Мудро, – согласился он. – И сколько правды в словах о том, будто ты мало что помнишь из прежней жизни? Ну, кроме книг, надо полагать, – и усмехнулся особенно мерзко.

– Правда такова, что я не помню, кто толкнул меня с обрыва. Но понимаю, что возможность была очень много у кого. Вот, например, ты, Рональд, что делал в то утро? – и посмотреть со значением, как на того же двоечника.

– Да что всегда, разминался с ребятами.

– И кто может подтвердить?

– Да все, кто там был.

– А по именам?

– Я, что ли, помню! Как всегда.

– А вот вспомни, – со значением сказала Катерина. – Вдруг понадобится?

– И кто поверит твоему слову?

– А почему непременно моему? Вдруг этим делом заинтересуется кто-то ещё?

– Да кому ты нужна!

– Я – может, и никому, а вот врагам такие сведения никогда лишними не бывают, – отрезала она. – Особенно если применять их с умом. Скажешь, у тебя нет врагов? Скажешь, у милорда Грегори их нет?

– Говорил я Робби, не нужно на тебе жениться, – покачал головой Рональд.

– Он, наверное, способен сам решить – нужно ему жениться или не нужно.

– Вот-вот, единственный раз в жизни поступил, как сам решил, – усмехнулся он. – Но понимаешь ли, нам с тобой есть что держать в секрете, хоть и ты, как говоришь, этого и не помнишь.

– И не помню, и ещё не верю.

– Так я напомним, – улыбнулся он.

Довольно мерзко, говоря по правде.

– Попробуй, – пожала она плечами.

Рональд шагнул и обхватил её, и поцеловал, то есть – попытался. Потому что Катерина даже не стала применять неотретированную ещё магию, а просто пнула коленом между ног. Как когда-то Катя Василькова – вредного одноклассника. Он, очевидно, не ожидал – отскочил, налетел на ступеньку, но сориентировался и не упал.

– Ну ты...

– Я? Скажешь тоже. Может, ты? Невероятная самоуверенность и наглость. Всё время так, да? И это был ты, да? Я-то думала, Джейми. А всё проще. Дай пройти.

Подхватить юбки и переть на него танком – чтобы даже не усомнился ни на минуту, что она его просто подвинет, если он не даст дорогу.

Посторонился, дал пройти. Катерина и за ней Грейс поднялись на три ступеньки, вышли в коридор второго этажа, и она оглянулась.

Рональд смотрел ей вслед своими голубыми глазами – даже с некоторым восторгом.

– Моё восхищение, миледи, – поклонился он. – Мы ещё встретимся.

– Не сомневаюсь, – поджала губы Катерина.

В комнате она заперла дверь и шёпотом спросила Грейс:

– Что это такое? Что ему от меня надо?

– Ох, миледи. Он же вам прохода не давал. Его так взбесило, что вы согласились выйти за милорда Роберта, что он чуть вас не поубивал обоих. Они с милордом Джейми тогда орали оба, как резаные – один, что нечего жениться на дочери и сестре подлого врага, а второй – что вы тут жили не понять как и не понять с кем, и давно уже не годитесь в жёны наследнику Телфордов. Скандалище был знатный, под сотню человек по углам и из коридора слушали, затаив дыхание. Вы стояли бледная-бледная, и только слёзы текли, а милорд Роберт и впрямь единственный раз в жизни поступил, как мужчина – стукнул по столу рукоятью палаша и рявкнул,

чтоб заткнулись оба, потому что это его дело, на ком жениться, и миледи Кэтрин Торнхилл ему для этих целей подходит. Потому что она из знатного рода, хорошо принятого при дворе ещё недавно, и она не должна отвечать за придурь своих отца и брата. И у неё очень подходящее приданое. На этих словах ещё милорд Джон поддакнул – что приданое отличное, и лучше Телфордам получить эти земли через брак, чем через захват, а если выплывет, что Торнхиллы – заговорщики, так и вовсе в казну отойдёт, и кому от этого будет лучше? На этих словах милорд Рональд сразу же замолчал – он так-то умный и выгоду понимает, а кровь – не водица, и Телфорды ему не чужие, хоть и двоюродные. Милорд Джейми ещё разорялся, пока милорд Роберт не дал ему подзатыльник, а рука у него тяжёлая, хоть и характер лёгкий. Так и успокоились.

Вот те здрасьте. И этот гад ползучий Рональд ещё о ней сплетни распускает?

– И что, милорду Рональду верили – что я жила с кем попало?

– Может, и верили, а может, и нет, но после брачной ночи ваш супруг всем доказал, что это были именно что сплетни, и не более того. Но милорд Рональд к тому моменту уже напился так, что не стоял, даже если за стену держался. Ему потом рассказали. Он обозлился и уехал в столицу, и с месяц не возвращался. Но потом всё равно вернулся – скучно ему там, а здесь как раз ещё и заварушка на границе была.

– Опять заговор? – не поняла Катерина.

– Нет, опять скотты полезли, провалиться им всем, сколько их там есть, вместе со всем их родом! Своего мало – и земли, и пропитания, вот и лезут почём зря каждый год. А наши их бьют. Чаше бьют, но бывает по-всякому. Скажем, старший брат милорда Грегори попал в плен и сгинул в том плену, больше его живым и не видели. Правда, милорд отомстил, но брата-то не вернёшь.

Это верно, брата не вернёшь, вздохнула про себя Катерина. Но углубиться в вопрос ей не дали – застучали в дверь.

– Миледи, спускайтесь вниз! И к обеду, и милорд Грегори повелел вам спуститься! – пропищал тонкий женский голос из коридора.

Что ж, повелел так повелел, придётся спускаться. Катерина попросила полить ей на руки по-быстрому, потом так же по-быстрому полила на руки Грейс, не слушая её возражений – обед же, нечего с грязными руками за стол идти! – и можно было отправляться.

В обеденной зале находились хорошо если половина ужинавших накануне людей. И первым делом Катерина увидела Молли, ту самую женщину, сына которой лечила Мэгвин. Она рыдала, вытирала слёзы пополам с соплями и говорила:

– Я пришла туда, а её – нет! И кто теперь мне поможет? Кто вылечит Мэгта? Её совсем нет, и стены выстыли, и постель пуста! И даже ни одной птицы на пороге!

Лорд Грегори выслушивал всё это с мрачным выражением лица, а потом повернулся к Катерине и так же мрачно взглянул на неё.

– Куда делась ведьма Мэг?

21. Семейная сцена

– А мне откуда знать? – не поняла Катерина.

– Роберт сказал, что когда он забирал тебя из её дома, ведьмы там не было. Куда она делась?

– Она не извещала меня о своих планах, – покачала головой Катерина.

А если бы и извещала – то милорду-то о них точно знать не нужно.

– Было у неё кольцо? Приметное такое? С камнем странным?

– Было, – Катерина решила принять бой, выпрямилась и взглянула лорду Грегори в бородастое лицо.

Тело вопило и трепетало, и подавало сигналы, что пора убегать и прятаться, но кто в том теле хозяин – она, Катерина, или какие-то там остаточные нервные импульсы?

Но лорд Грегори не церемонился – схватил её за плечо и подтащил к себе.

– Кто, какая подлая тварь отдала ей кольцо?

Было больно, но Катерина изо всех сил сохраняла спокойствие.

– Не знаю. Я это кольцо увидела впервые в жизни на руке госпожи Мэгвин. Она сказала, что это её собственность, украденная у неё некоторое время назад. У меня не было причин не верить госпоже Мэгвин.

И смотреть на него, не отводить взгляда. Я ничего не знаю, и я тебя не боюсь.

И вправду не боюсь, – подумала вдруг Катерина. Что он сделает? Убьёт? Ну так она уже однажды умерла. Вдруг теперь удастся попасть куда следует, а не в дурацкое магическое прошлое?

– Ты врёшь. Все вы врёте.

– Милорд, откуда бы я узнала об этом кольце? Спросите тех, кто был в курсе вопроса. Уж наверное, кто-нибудь знал – и где вы его храните, и как туда попасть!

– А чего это ты сегодня по замку шныряла вместе с девкой своей?

– Так не помню ничего. Ни где мои комнаты, ни где спальня супруга. И сегодня никакого кольца госпожи Мэгвин в замке определённо не было. Ни в моей комнате, ни в коридорах, ни на кухне.

– Что-то ты дерзишь, девка, – он продолжал хмуриться.

Конечно, девка. Вообще-то изрядно старше тебя, бессовестного хама.

– А мне нечего терять. В этом доме на меня уже покушались, а я никогда не поверю, что такие дела происходят вопреки воле лорда.

– Ты о чём, тварь?

– О том, что сомневаюсь, будто вы позволили кому-то из своей семьи или своих людей самоуправство. Вы смиренно едите из грязных тарелок и с грязной скатерти, но ваши люди в замке знают своё место. Поэтому я думаю, что вы всё знали. Какая разница, когда вы меня убьёте – сейчас или чуть позже, по какому-нибудь очередному надуманному поводу?

– Не смей говорить так о лорде Телфорде, отродье изменника! – ох ты, оказывается, у нас и Джейми где-то тут!

Вопль раздался из-за спины, Катерина даже и попытаться не стала это увидеть.

– Велико дело – заговор! Если мы покопаемся в родословных всех, кто сейчас здесь есть, то непременно найдём родственников или предков, которые участвовали в каком-нибудь заговоре. Только, наверное, участвовали более удачливо, чем мой отец и брат, царствие им небесное.

Это она брякнула наобум, просто потому, что в земных исторических хрониках было так. Или ты участвовал и победил, или ты участвовал и проиграл, или отсиделся в кустах и о тебе никто ничего не знает. А в хрониках писали как раз либо о победителях, либо о побеждённых.

И ох, что там началось! Заорали, засвистели, и, кажется, Катерина себе этой речью очков не набрала. Ей показалось, что лорд Грегори сейчас её ударит, она изо всех сил держала глаза раскрытыми...

... но гласом рассудка вдруг выступил Рональд.

– Дядя, отпустите Кэт. Она вам ещё и не того наговорит со страху. Кэт, перестань уже, какой дурной травы ты сегодня наелась?

– Когда тебя уже один раз чуть не убили, начинаешь смотреть на жизнь иначе, – отрезала Катерина.

– Да что ты заладила-то – убили, убили, да кому ты нужна-то! – лорд Грегори будто отмер наконец-то и отшвырнул её от себя.

Плюнул и пошёл из залы прочь.

Этим мгновенно воспользовался Рональд – поймал обеими руками и поставил на ноги. Хорошо, не попытался лапать при всех – кажется, ещё видит какие-то берега.

– Очень хорошо, кузен, что ты не дал Кэт упасть, – раздался ещё один голос, негромкий и мягкий, но с той стороны, откуда он донёсся, шум затих.

Подошёл ещё один молодой человек из тех, что Катерина видела в зеркало – стройный и светловолосый, но не похожий на Роберта ничем, кроме голубых глаз. Посмотри на него – и не запомнишь, ничего выдающегося. Ровные, обычные черты лица, немного курносый нос, светлые ресницы, сильное тело. Но одежда в полном порядке, хоть и без излишеств, а глаза смотрят по-доброму.

– Кэт, я очень рад видеть тебя в добром здравии. Всё ли с тобой хорошо?

Катерина выдохнула.

– Да, Джон. Со мной всё хорошо, спасибо.

– Она говорит, что в нашей семье есть поганые заговорщики! – снова завопил где-то сзади Джеймс.

– Я слышал, что сказала Кэт, – Джон полуобернулся к стоящему сзади брату. – Она сказала, что такого добра можно найти в любой семье. И она права, не нужно далеко ходить, вспомни только Майка Роузвилла, младшего брата леди нашей матери, – усмехнулся он. – Тот самый пример не особо удачного заговорщика. Он и жив-то до сих пор исключительно потому, что её величество благоволит к его супруге, хоть и лишён всех титулов.

Рональд скривился – ну да, если по линии матери, то ему этот неудачник – не родственник, ему можно покривиться. А Джеймс возразил:

– Ну вот ещё, сравнил! Он-то нам зла не сделал!

– И Кэт тоже не убивала Тома Риверса, пора бы уже запомнить, – Джон сурово сощурился – прямо как лорд Грегори, сразу стало ясно, кто чей сын.

Джеймс же сделал, что обычно – плюнул и ушёл.

Тем временем к Джону подошёл невысокий и круглый мужчина и почтительно спросил:

– Милорд Джон, можно ли подавать обед?

– Да, Питерс, конечно. Лорд мой отец и леди моя мать присоединятся к нам, когда и если пожелают. И передай Гаррету, чтоб явился из своей конуры, нужно с ним кое-что обсудить. Кэт, позволь проводить тебя к столу.

Джон как раз успел усадить Катерину за стол, когда в зал вбежал запыхавшийся Роберт.

– О, Джонни, ты приехал, это здорово! Видел Кэт? Старуха Мэг её вылечила, она стала ещё краше, чем прежде! Кэт, я восхищён твоим прекрасным видом! А что тут было, мне рассказали, что опять крик и едва ли не драка?

– Как обычно, Робби, будто не знаешь милорда нашего отца, – усмехнулся Джон, сел на своё место возле Робби и махнул толстенькому Питерсу, что можно подавать обед.

22. Джон

На обед предлагали суп – вроде похлёбки, на наваристом мясном бульоне, с крупой и овощами, и к нему – отдельно мясо, хорошую говядину. Уж что-что, а готовят на здешней кухне вкусно. Катерина подумала о ложечке сметаны или горстке зелени, но тут же одёрнула себя – какая зелень здешней зимой! И пока непонятно, если ли у них сметана.

Вторая перемена – жаркое, из мяса с овощами – морковка, лук, корешки какие-то, всё мягкое и хорошо протушенное, и – запечённые свиные рёбрышки. Ум можно отъесть. И на десерт – сладкий пирог, орехи в меду и засахаренные фрукты.

К их помосту подошёл Питерс, поклонился Джону.

– Милорд.

– Да, Питерс, слушаю.

– Милорд Грегори изволил обедать в своих покоях, как и миледи Маргарет.

– Отлично. Благодарю, обед очень хорош.

– Я рад, – кивнул тот и оглядел стол. – Милорды, миледи.

– Господин Питерс, обед замечательный, – кивнула ему в ответ Катерина. – Могу я попросить вас о небольшом количестве сметаны к следующей похлёбке?

У него, бедняги, чуть глаза на лоб не вылезли. Наверное, если бы кресло леди Маргарет заговорило – он и то меньше удивился бы.

– Да, миледи Кэтрин, конечно, миледи Кэтрин! Буду рад сделать для вас что-нибудь ещё!

– Благодарю вас, сметаны будет достаточно, – Катерина слегка улыбнулась.

Питерс поклонился и удалился – очевидно, в полной растерянности.

– Кэт, ты умница! Он теперь у тебя с рук будет есть и лучшие кусочки тебе на тарелку носить, – восхитился Роберт. – А я буду к тебе приходить и попрошайничать.

– Может быть, проще поблагодарить человека за хорошо выполненную работу? – усмехнулась Катерина.

Экие они тут неизбалованные уважительным отношением.

– Как интересно ты теперь говоришь, сестрица, – улыбнулся Джон.

– А что я говорила раньше? Прошу прощения, не помню.

– В том и дело, что ничего, – покачал головой тот.

– Так, мне нужно отъехать – посмотреть жеребёнка, будем брать или нет. К ужину вернуться, – Роберт поцеловал Кэт в уголок губ, поднялся и стремительно выбежал из залы.

– А я был бы рад побеседовать, – Джон смотрел серьёзно, и от него не исходило никакой угрозы. – Могу я заглянуть?

– Хорошо, – кивнула Катерина. – Буду ждать.

О Джоне Мэгвин говорила, что он самый приличный из здешней компании. Похоже, что так и есть.

– Миледи, ничего себе вы смелая! – зашептала Грейс, едва они добрались до своих комнат. – Ни разу не видела, чтобы кто-то осмеливался так разговаривать с милордом! И чтобы милорд за это не побил и не убил.

– Что ж теперь, заплакать и пойти? – усмехнулась Катерина. – Ему нужно лучше следить за своим имуществом и своими людьми. К тому же, я слышала, что сам он владел кольцом не по праву, так что – всего лишь господня воля и высшая справедливость, – пожала она плечами.

С последним утверждением Грейс была полностью согласна – и истово перекрестилась.

Стук в дверь известил о появлении Джона. Он вошёл и пристально оглядел Катерину. В руках у него была стопка не то книг, не то тетрадей каких.

– Кэт, я бы хотел, чтобы ты сама рассказала мне – сколько правды во всех слухах вокруг тебя. И вот, я привёз то, что ты просила, – он сгрузил стопку на стол у окна. – И шкатулка, – из поясной сумки появился небольшой резной деревянный ящичек. – Она заперта, ключа рядом не было.

Ох, да, он ведь занимается делами Прайорсли, родного дома Кэт. И мог привезти что-то по её просьбе. Ладно, разберёмся.

– Большое спасибо тебе, Джон, – кивнула Катерина. – Понимаешь, я-то не слишком хорошо представляю, что обо мне болтают. Если о том, что я мертва – ну так посмотри хорошенько, вот она я, можешь потрогать, – взять его за руку и подержать, – а то ещё и у Робби спроси, он тут ночевал вчера, вряд ли живое с мёртвым перепутал, – и фыркнуть ещё для убедительности.

– Миледи носит крест! Разве мёртвая нечисть может носить крест? – с воодушевлением спросила Грейс.

– Да, смотри, – Катерина вытащила из-под рубахи и показала крест на цепочке.

– Это весомый довод, – согласился Джон, – если что – я буду говорить об этом. Тогда рассказывай, как ты очутилась на скале, и что там произошло. И что случилось потом.

– А вот тут загвоздка, понимаешь ли. Я не помню. Я не помню всю свою прежнюю жизнь – до того мига, как пришла в себя в домике госпожи Мэгвин. Я узнала Робби, Грейс, тебя, остальных – но не более того. Поэтому я не знаю, что случилось на той скале, и была я там одна или с кем-то. И не знаю, кто оставил синяки у меня на руках и ногах, и ещё кое-где, и на лице, говорят, тоже был. Грейс, откуда у меня синяки? Неужели я не говорила?

– Нет, миледи, – покачала головой Грейс, и выражение лица её было горестным. – Вы только плакали и повторяли, что мне этого знать не нужно. Отчего же вы не помните-то?

– Я слышал, что такое бывает после сильных потрясений, – кивнул Джон. – Меня не было в Телфорд-Касле три недели – я как уехал к себе перед Рождеством, так и вернулся только позавчера. И вчера пришлось ехать в Скай и разбираться – кто там кому на между заступил. Вообще это мог сделать и Робби – ему рано или поздно быть лордом этих земель.

Катерина не имела представления, что такое Скай, пришлось спросить. Оказалось – деревушка в паре часов хорошего конного пути, часть местных владений. Ну да, раз так, то Роберту неплохо бы знать, что происходит, какие есть вопросы и как их вообще решают.

– Грейс, что было в тот день с миледи? – Джон смотрел серьёзно, но – не как его отец, без злости и бешенства.

– В том и дело, милорд, что я не знаю. Утром после завтрака я понесла в стирку сорочки миледи, она здесь оставалась, вышивала, как всегда, вон вышивка так до сих пор и лежит. А как вернулась – так её уже в комнате-то и не было! Я искать – а никто не видел. И к ужину она не отыскалась. А потом пришёл милорд Роберт и сказал – что, мол, со скалы сорвалась, и они с милордом Роном отнесли миледи к колдунье Мэг, и она пока побудет там, потому что совсем плоха, а Мэг её непременно вылечит.

– А Мэг мы уже не расспросим, – вздохнул Джон. – Кэт, она совсем не говорила, вернётся ли когда-нибудь в наши края?

– Увы, – покачала головой Катерина. – Она была очень обижена на милорда Грегори.

– Да, у них никогда не было добрых отношений. Вы слышали легенду о том, что Мэг когда-то была супругой моего, и всех остальных, прапрадеда? Легендарного Уилла Телфорда, победителя врагов, долгожителя и вообще великого человека? Говорят, что тогда и зимы были мягче, и летом не было засухи. И даже моровые поветрия обходили земли Телфордов стороной.

– И так бывает? – не поверила Кэт.

– С детьми Старшего Народа бывает всё. Я б не отказался подружиться с кем-нибудь из них – потому что несомненная польза. Скажем, в трёх днях пути от нас на юго-запад живут Блэк-Роки, у них в родословной тоже отмечился Старший Народ, и они умеют договариваться

с лесными волками. На их землях нет ни разбойников, ни воров, ни заговоров – себе дороже. А дальше вдоль границы к западу, в паре дней от Торнхилла, – Сайленсы, у них заговорённые пастбища, все знают. Туда нет хода ни чужаку, ни волку. А у Роузвиллов, родичей леди нашей матери, есть дальняя родня Сквиксы – и у них на землях бьёт чудесный источник с исцеляющей водой, верным средством от всякой болезни. Может быть, кстати, как будет потеплее, свозить тебя туда, да ты и вспомнишь, что было?

Катерина только вздохнула – ведь они и вправду в это верят! Болтовня служанок – одно, а когда человек, подобный Джону, по местным меркам образованный и весьма рассудительный, серьёзно о таком говорит – неужели и правда это не сказки?

С другой стороны, её магия – это совсем не сказки. Свет-то горит! И вода греется!

– Посмотрим ближе к весне, – кивнула она.

Когда у них тут вообще весна?

И снова в дверь застучали.

– Миледи Кэт, вас требует миледи Маргарет! – раздалось из коридора.

Вот только ещё не хватало, подумала Катерина.

– Не пугайся, Кэт, всё будет хорошо, – Джон ободряюще взял её за руку. – Пойдём, я сопровожу тебя.

Он вежливо предложил ей руку и придержал тяжёлую дверь, а Грейс выскользнула за ними.

23. Леди Маргарет

Джон проводил Катерину на третий этаж – к покоям его матери, постучал, заглянул и спросил:

– В порядке ли леди моя мать?

– Милорд, мы очень рады вас видеть, – двойные двери распахнулись, и на пороге появилась неизвестная Катерине служанка. – Проходите же!

– Я загляну ненадолго, – кивнул Джон. – Со мной леди Кэтрин.

Внутри Джон хорошо знал дорогу – из небольшой комнаты с лавками и столом, за которым три девушки что-то шили. При их появлении они прямо подскочили из-за стола. Дальше была анфилада – три комнаты одна за другой, в каждой что-то делали женщины и девушки, и в четвёртой в резном деревянном кресле с подушечками восседала леди Маргарет.

– Джон, милый, как я рада тебя видеть, мальчик мой, – зашебетала она, не обращая внимания на Катерину.

Джон подошёл и поцеловал матери руку, Катерина поклонилась и села на лавку у стены, Грейс примостилась рядом. И пока леди Маргарет расспрашивала Джона о поездке домой и в другие места, – рассматривала устройство и убранство комнаты.

В окне были прозрачные стёкла – как и в Катериной комнате. На стенах – гобелены, там какие-то девы странных пропорций ходили по саду, а на деревьях в том саду висели огромные яблоки. Или не яблоки – кто их знает-то? Вдоль стен – лавки, на одной из них сидела Нэн и мотала какие-то нитки в клубок, и недобро поглядывала на Катерину – мол, чего расселась? Но очевидно, что при госпоже и при Джоне права раскрывать рот ей не давали, и то хорошо.

В открытой двери была видна спальня – кровать с резными деревянными столбиками по углам, на ней – много, судя по всему, тёплых одеял. И вообще оттуда распространялось тепло – в этой-то комнате не было ни печки, ни камина, как и в комнатах Катерины.

Тем временем Джон рассказал матери о своей поездке – без деталей, где был, да и всё, и передал привет от своей супруги Анны, пребывающей в Солтвике.

– И что это Анна нас не навестит? – поинтересовалась скрипучим голосом леди Маргарет. – Слишком гордая?

– Кто же за хозяйством присмотрит, если ещё и она будет по гостям ездить? – усмехнулся Джон, но Катерина поняла – всё-то он видит.

Понимает, что здесь ему пришлось бы постоянно защищать жену от шпилек и нападок, а то и от чего похуже, если вспомнить двух предыдущих жён Роберта. И поэтому она в Солтвике – и всё спокойно. Надо обсудить с ним этот вопрос – вдруг чего посоветует?

Джон откланялся, подмигнул Катерине и стремительно отправился куда-то по делам – очевидно, дел у него было больше, чем у любого другого в здешнем замке. А Катерина осталась под прицелом.

– Явилась, не запылилась? – хмуро спросила свекровь. – Вели своей девке пойти на кухню и принести мне хлеба да соли.

– Охотно, миледи. Но только если Нэн составит ей компанию.

– У Нэн нога болит, нечего ей по лестницам скакать. Ушиблась она.

– Так тогда ногу нужно выпрямить и привязать к ней лёд. Чего на низком сундуке сидеть? Чтобы ещё сильнее нагрузить больное место? А лучше и вовсе лечь, – пожалала плечами Катерина.

– Слышала, что моя высокоумная невестка говорит? Что надо пойти и лежать. Может, и права? Пойди и ложись, – кивнула леди Маргарет своей горничной.

Та поклонилась и исчезла, и ни намёка ни на какую больную ногу.

– Иди, Грейс, подожди меня снаружи, – тихо сказала Катерина.

Грейс тоже вышла и прикрыла за собой дверь. Впрочем, у свекрови мог кто-нибудь сидеть в спальне – чтобы потом подтвердить, что гадкая невестка говорила без уважения, или что-нибудь того хуже.

– Ну что, все углы проверила? – хмыкнула свекровь. – И что нашла?

– Дел мне других нет, только углы проверять, – отвечала Катерина.

– Совсем страх потеряла? Чего язык распускаешь, где не следует? Какие скатерти тебе не по душе пришлись? Можно подумать, у себя дома ела на золоте?

– Отчего же на золоте? Но чистое столовое бельё и чистая посуда ещё не повредили никому. Даже самым богатым и знаменитым. Как и отсутствие паутины на кухне. Или вам нравится есть хлеб с пауками?

– Какой, спаси господи, хлеб с пауками? – леди Маргарет вытаращилась на Катерину, будто та на неё пистолет наставила.

– Такой, обычный. Когда весь потолок над котлами заплели пауки – то непременно кто-нибудь из них в те котлы свалился, неужели непонятно? Так, наверное, и мыши тоже есть? Правда, я пока не видела, но – это же не значит, что их нет? Кошек не видела тоже. Наверное, надо спросить? Я не хочу, чтобы ко мне ночью скреблись мыши.

И вдруг отчётливо поняла – мыши есть, свекровь их боится, и не зря – они приходят каждую ночь, потому что у неё тут еда – на столе стояли плошки с вареньем, фруктами в сахаре и пресловутыми грушами в меду. Мышам раздолье. Может, ей того, котёнка подарить? Или не надо, потому что она – вредная и злобная?

– Не твоё дело, ясно? Если доживёшь до того, что сама будешь хозяйкой – там и разберёшься, где пауки, а где мыши, и то – если научишься придерживать свой гадкий язык! А пока – и думать о том не смей, ясно? И по дому не броди, будто у тебя работы никакой нет, а то посажу простыни подрубать!

Простыни подрубать Катерина, конечно же, умела, дело нехитрое. И даже подрубила бы парочку, если бы это помогло хоть как-то улучшить отношения со свекровью – потому что от неё никуда не денешься. Но ведь не поможет никак.

Первая свекровь Катерины, Светлана Леонидовна, тоже была учительницей, и вообще – женщиной воспитанной и интеллигентной. Конечно, по первости она интересовалась, что у них с Василием в холодильнике, чистая ли постель и помыт ли туалет, но убедилась, что всё в порядке, и отстала. А тут нет нужды варить супы и мыть туалет, и даже рубашки мужу стирает... кто-то, надо, кстати, узнать, кто. И приглядеть, мало ли.

– Я вас услышала, – кивнула Катерина. – Могу я идти?

– Иди. И по замку бродить не смей, ясно? Нечего!

– Ясно, миледи, – Катерина поднялась и поклонилась – как-то, тонкости местных поклон она так и не усвоила – пока.

Пример-то брать не с кого!

А миледи поджала губы и схватилась за живот – видимо, наступил приступ.

– Позови... кого-нибудь!

Катерина выглянула в соседнюю комнату.

– Миледи плохо, кто её обычно лечит?

– Ой, миледи, обычно ей Нэн лекарство даёт, а она куда-то ушла, – сказала живая миниатюрная темноволосая девушка.

Так, понятно. Пришлось вернуться.

– Давно болит?

– Не твоё дело! Где Нэн?

– Ушла куда-то, нет её. Придётся мне. Где лекарство? Или что-то ещё?

– Чтобы ты меня отравила?

– Зачем мне вас травить? Мне проще вам помочь, – пожала плечами Катерина. – Вам говорили, что нельзя есть столько сладкого?

– Тебя не спросила, – буркнула свекровь.

– Где болит и как? – Катерина забыла, как она сейчас выглядит, и что все окружающие видят в ней восемнадцатилетнюю девчонку, а вовсе не изрядно пожившую женщину.

– Жжёт внутри – как поем, так и жжёт, и во рту кисло, и в животе, и между.

– Изжога, что ли? Вода есть? – эх, вот и живи без лекарств!

– Вот, миледи, – та самая тёмненькая девчонка принесла кувшин.

– Кружку дай, или бокал, или что тут.

Та притащила тяжёлый оловянный бокал, красиво украшенный – розы там, шипы, листья. Липкий и грязный.

– Помой. Или дай чистый.

– Но... – девчонка зависла.

А Катерина вспомнила, что она же умеет убирать грязь! Вздохнула, сосредоточилась... и свекровкин бокал аж засиял. Уф, получилось. Теперь налить воды и чуток погреть. Если изжога – снимет. Если что похуже – вреда не будет тоже.

– Это просто вода, выпейте, миледи, – Катерина без церемоний поднесла бокал к её рту и придержала голову.

Та подчинилась и глотнула.

– Вода? Просто вода? – нахмурилась та, отдышавшись.

Очевидно, ей стало полегче – потому что снова морщила нос.

– Именно, миледи. Просто вода из чистого бокала способна творить чудеса. Я пойду, с вашего позволения, – и поймала взглядом девчонку. – Как зовут?

– Милли.

– Так вот, Милли, останешься при миледи, пока Нэн не явится. Если ей снова станет хуже – дашь ещё воды. А Нэн скажешь, чтоб не давала жирного, острого и сладкого – хотя бы сегодня. А вообще вам бы специалиста позвать.

– Кого? – нахмурилась леди Маргарет.

– Этого... целителя.

Катерина поклонилась и наконец-то вышла. Подхватила под руку Грейс и двинулась наружу.

24. Что (и кого) можно встретить в коридорах замка

В коридоре было совсем темно, и Катерина засветила пару магических фонариков.

– Грейс, нам же направо, я точно помню?

– Да, миледи, – с готовностью отозвалась та, – налево тоже можно, но направо – короче всего.

Однако громкий плач донёсся откуда-то слева.

– Кто там? – не поняла Катерина.

– Не знаю, – замотала головой Грейс.

– Пошли, – Катерина решительно повернула налево.

Когда они спустились на второй этаж, то прямо возле лестницы увидели следующее: две девочки, одетые не как прислуга – в платья из ткани попримичнее и вышитые чепчики, – пытались отнять у Джеймса щенка. Тот же держал повизгивающего зверёныша на вытянутых руках над полом и явно наслаждался ситуацией.

– Джейми, отпусти его, ну пожалуйста! Это наш пёс, нам братец Джон его привёз только вчера! – просила та девочка, что была постарше.

– Джейми, ну пожалуйста! Ему больно и страшно, отдай! – плакала вторая.

Так, вот, кажется, ещё две части большого семейства. Фанни и Энни – она же правильно запомнила?

– Джеймс, немедленно отдай девочкам собаку, – сказала Катерина как можно более непреклонно.

Он даже уже вроде подчинился... но потом встряхнул головой.

– А ты иди своей дорогой, ясно?

– Не ясно, – Катерина отодвинула Грейс за спину, кивнула девочкам, чтоб шли туда же, и надвинулась на Джеймса – будто в ней снова были все её честных восемьдесят пять кило.

И впилась в него взглядом – кажется, такой приём работает. Как звери, честное слово – кто не отвёл глаз, тот и сильнее.

Джеймс плюнул и отпустил собаку. То есть – швырнул её на пол и ещё наподдал ногой. Щенок с визгом покатился под ноги маленьким хозяйкам.

– Джеймс, ты знаешь, как называется человек, который бьёт тех, кто слабее его?

– И как? – он отреагировал предсказуемо, с ожидаемой мерзкой ухмылкой.

– Трус, – сообщила Катерина, не сводя с него глаз. – Он же не сильного обижает, а того, кто не может дать сдачи.

– Ты говори, да не заговаривайся, отродье предателя! Что ты знаешь о трусах!

– Знаю то, что смелый и сильный не станет издеваться над щенками и детьми, да и всё.

– Тебе мало было, да? – он схватил Катерину за плечо, в точности, как днём его отец, и одним движением впечатал в стену.

Рука ушла в замах, и тут его самого дёрнули за плечо назад.

– Эй, малый, давай-ка поспокойнее. Это не твоя жена, понял?

Судя по всему, Рональд держал хорошо, потому что Джеймс и не пытался вырваться.

– Ну так пусть Роб объяснит ей, что к чему, – в таком положении он мог только сверкать глазами.

– Я думаю, он это делает, – кивнул Рональд. – А тебе лучше не приближаться к ней вовсе и не угрожать.

Он развернул Джеймса лицом от них всех и направил прочь по коридору. Тот пошёл, но, видимо, ему нужно было деть куда-то свою злость – потому что вскоре с той стороны донёсся звук пинка и чей-то визг.

Катерина выдохнула и зажмурилась на мгновение, потом открыла глаза. Нет, Рональд никуда не делся.

– Благодарю тебя, Рональд, – кивнула она. – Ты появился вовремя.

Повернулась к девочкам – те сидели на полу, ревели и гладили щенка. Катерина ничего не понимала в щенках, но надеялась, что зверёнышу не причинили слишком большого урона.

– Спасибо вам, сестрица Кэт, – заговорили они наперебой. – Если бы не вы – то братец Джейми убил бы нашего Снежка.

И впрямь, щенок был белый-белый.

– Ох, девочки, я надеюсь, что с ним всё в порядке, – Катерина согнулась, насколько ей позволял лиф платья, и тоже погладила пса.

Нос был мокрый – наверное, пёс пережил происшествие без осложнений.

– Сестрица Кэт, а раз вы вернулись, вы покажете нам, как вышивать розу? – спросила старшая девочка.

– И ещё вы обещали рассказать сказку, какой никто больше не знает, – выдохнула младшая.

– Я постараюсь – завтра, хорошо?

А то ведь уже скоро ужин!

– Хорошо, мы придём завтра!

– Не выходите из своих комнат одни, ясно вам? Рональд, у них есть какая-нибудь охрана? Почему вообще детей обижают? – Катерина была зла.

– Почему вообще кого-то в этой жизни обижают? – пожал плечами Рональд. – Таков закон. Кузины, давайте-ка мы проводим вас до комнат, – он помог подняться сначала одной девочке, потом второй. – Кузина Энни, вам разрешили держать собаку в комнатах?

– Да, кузен Рональд, – кивнула старшая девочка. – Братец Джон нам разрешил и обещал всё уладить с матушкой.

– Раз братец Джон – то всё в порядке, – ухмыльнулся тот.

Комнаты девочек были в двух шагах по коридору. Их там встретили охающие горничные – где они были-то, лентяйки? Неужели не слышали плача и визга?

А когда обе барышни были переданы на руки воспитательницам и двери за ними закрылись, Рональд взял Катерину под руку.

– Кэт, я провожу тебя, а то ведь ты снова найдёшь себе какое-нибудь приключение. Ты, я погляжу, теперь мастер находить что-нибудь такое.

– Да просто невозможно же!

– Что именно? – вкрадчиво спросил он.

– Смотреть, понимать, что можешь что-то сделать, и не делать.

– Лучше не делать – целее будешь.

– И кем потом себя чувствовать? Тем самым трусом? Пусть бьют слабых и маленьких? Меня тоже били – потому, что слабая и маленькая?

– Да никто тебя не бил, кому ты нужна? – нахмурился Рональд.

– Вот и мне интересно – кому? По идее – никому, кроме Роберта, но выходит, что всё иначе. Что ты об этом знаешь? – Катерина попробовала впиться в него взглядом и что-то о нём понять.

– Что это вы, миледи, под ручку с милордом Рональдом по дому ходите? – раздался вдруг сбоку противный голос камеристки Нэн.

Эта-то что тут делает?

Катерина глянула – та сидела на лестнице, по которой, не случись очередного происшествия, ей бы как раз пришлось спускаться.

– А ты тут что, ногу лечишь? Пока миледи Маргарет там желудком мучается? – спросила как бы невзначай.

– Как мучается? – подскочила, подхватила и была такова.

Но почему-то побежала не вверх, а к той лестнице, с которой спустились Катерина и Грейс. Что-то тут было не так.

– Позволь рассмотреть кое-что, – Катерина высвободилась из руки Рональда, добавила магических фонарей – ещё парочку к двум уже имевшимся, и стала внимательно рассматривать ступеньки. Потрогала пальцами – жир, как есть жир!

Что, первая загадка разгадана?

– Грейс, Рональд – посмотрите, что тут.

– Жир на ступенях? Чтобы кто-нибудь съехал? – не поверила Грейс.

– Как видишь.

Рональд же потрогал пальцами одну ступеньку, вторую, поднялся на три вверх, поскользнулся и грохнулся носом вниз – намазано было на совесть.

– Ну я ей задам, – мстительно произнёс он, поднимаясь.

– На сапогах тоже может остаться, – кивнула Катерина.

– Тьфу, сто чертей ей в задницу, – Рональд принялся снимать сапоги. – Эй, кто-нибудь!

Появился какой-то слуга, ему тотчас было велено звать милорда Джона.

Видимо, тот оказался поблизости – потому что поднялся снизу по той самой лестнице. И дальше оставалось только поручить всё ему – он тщательно осмотрел ступени сам, выслушал ругающегося Рона, причитающую Грейс и спокойную Катерину и обещал поговорить об этом вопиющем случае с миледи своей матерью прямо сейчас.

Но поднялся к ней, всё же, по другой лестнице, а эту велел кому-то вымыть. И ещё кому-то – нести милорду Рону другие сапоги.

А пока тот сидел босиком, можно было добежать уже до своих комнат и скрыться за тяжёлой дверью.

25. Сокровища Кэт

Катерина переглянулась с Грейс и перевела дух. Кажется, понятно, почему Кэт не высывала носа из своих комнат – да потому, что по этому гадюшнику, вот самому настоящему гадюшнику, даже передвигаться, и то невозможно без страха за свою целостность и жизнь!

– Грейс, скажи – так и было, да? Я просто ничего не помню и поэтому удивляюсь, да?

– Так и было, – кивнула девушка. – Не зря у милорда Роберта две жены не выжили.

– Одну-то, как я понимаю, просто плохо лечили, здесь, кажется, всех плохо лечат. А вот вторая – про неё теперь тоже всё понятно. Для чего миледи Маргарет изводит невесток? Или это гениальная идея Нэн – если леди Маргарет фырчит на невесток, то их непременно нужно истреблять? Или она видит женой Роберта кого-то, кто ему не достался? Ты не слышала никаких сплетен обо всём этом?

Грейс вздохнула.

– Я слышала только то, что леди Маргарет никто не нравится. Ни одна жена милорда Роберта ей не нравилась. И жена милорда Джона ей не нравится, хоть они и виделись только на свадьбе. И жених миледи Летиции ей не нравится тоже – потому что на помолвке он будто бы ей что-то не то сказал, или не теми словами, в общем – не угодил.

Катерина нахмурилась. Вообще, конечно, обычное дело, и расскажи ей какая-нибудь приятельница ещё месяц назад о том, как жених дочери ей что-то не то сказал, она бы без тени сомнения поверила приятельнице, что так и было, а никак не девушке, и тем более – не её жениху. А теперь, видя леди Маргарет – искренне полагала, что той просто нечем заняться и некуда себя деть, вот она сидит в своих комнатах и злится на весь мир. И что уже получила? Один сын женат в третий раз, и всё время стремится сбежать куда-нибудь из дома, в том числе – и от жены. Второй сын не хочет, чтобы мать общалась с его женой. Третий сын – мелкий гадёныш, и его будущей жене можно заранее посочувствовать, потому что – педагогическая запущенность налицо. Дочь собирается замуж, и её жених уже сразу в неугодных. Конечно, может быть, там кто-то вроде Джейми, но совсем, совсем не обязательно. Что-то тут не так!

Катерине не раз случалось видеть, как в классе одни ученики травили других. Она всегда старалась прекратить подобное в зародыше – потому что оно изрядно осложняло учебный процесс. Здесь совершенно так же травили тех, кто слаб, или попросту ещё мал, и не мог за себя постоять – но никто травлю не прекращал. По мнению Катерины, в такое время и в таких условиях семья должна быть монолитом – как иначе защищаться-то, если они воюют каждый год с соседями? Но глава семьи почему-то думал иначе. Катерина даже и вообразить не могла, о чём он думал – с такими-то детьми. Лично ей бы уже было стыдно – и за балбеса Роба, и за бессовестного Джейми, ничуть не меньше, чем за собственного пьяницу Валеру.

Ладно, живём дальше. Видимо, здесь так – день прожили, и хорошо, ночь прошла – и ура.

На столе лежала стопка книг, принесённых Джоном, и нужно было понять – что там такое, для чего Кэт просила всё это ей привезти. Катерина добавила магического света и открыла первую книгу.

Вообще, конечно, книга – восторг историка. Манускрипт, вручную нарисованные иллюстрации – красота невероятная. Но сможет ли она это прочитать? Кэт-то могла! Давай-ка, тело, смотри хорошенько, да посылай мозгу правильные импульсы!

Ух ты, а ведь читать получается! «Королева Изольда родилась на заре майского дня...» Что за королева Изольда? Любовный роман, что ли?

– Грейс, скажи, я читала это раньше?

– Конечно, миледи! Вы очень любили легенды о королеве Изольде, и мы с вами мечтали, что встретим своих верных рыцарей – вы сэра Брана, а я – сэра Меуриса!

– Только никто из них нам почему-то не попался, – вздохнула Катерина.
Эх, придётся ведь читать. Культурный слой, как-никак. А тело было образованным.

– А ещё вы вышивали цветы из этой книги! – сообщила Грейс.

– Цветы? – не поняла Катерина.

– Ну да! Вот, смотрите, – Грейс взяла книгу, перелистнула несколько страниц и раскрыла на развороте, который, судя по всему, раскрывали часто.

Обе страницы почти полностью занимала невероятной красоты иллюстрация – влюблённая парочка в окружении цветущих алых роз. А Грейс пододвинула Катерине вышивку – и там были как раз эти самые розы. Хорошо хоть, без парочки, а то мучайся тут с ними.

А между соседними страницами лежала засушенная роза. Кэт собирала гербарии? Или это подарок от значимого человека?

– А откуда я взяла эту розу? – Катерина осторожно подцепила цветок кончиками пальцев и понюхала.

Сухой цветок, казалось, сохранял свой прижизненный тонкий аромат.

– Это милорд Саймон привёз вам откуда-то с юга саженец, вы его посадили, он вырос и зацвёл, – вздохнула Грейс. – Ни у кого в округе не было таких чудесных роз!

Ох ты ж боже мой, не только вышивать, но ещё и выращивать. Розы Катерине главным образом дарили ученики и их родители, сама она никогда их не высаживала. Помидоры – да, огурцы – да, кабачки и тыквы, капусту. Лук и морковку. А из цветов – бархатцы, анютины глазки, алиссум, дельфиниум. Лето короткое, не до роз. А тут, выходит, розы. Она вложила цветок на место между страниц и закрыла книгу.

Дальше в стопке лежали ещё две книги. Одна из них оказалась жизнеописанием некоей королевы Старшего Народа по имени Гвиневер, тоже с чудесными иллюстрациями. Вторая – сборником сонетов. И Грейс сообщила, что многие экземпляры Кэт знала наизусть. Эх, бедная Кэт, выходит, знала множество образцов любовной лирики, да кому она тут нужна, та любовная лирика! Сама Катерина в юности тоже любила красивые стихи, и тетрабочка специальная у неё под них была, туда ещё вклеивали цветы, вырезанные из открыток. Да только где ж теперь та Катерина?

А вот, кстати, и тетрабочка. Что, неужели прямо дневник? А похоже. Записи явно сделаны одной рукой, и даты написаны, и рисунки встречаются – цветок, кошка, птичка, дерево, ещё цветок. Все цветы, конечно же, розы. Эх, нужно садиться и всё это читать.

– Грейс, у нас здесь есть письменные принадлежности?

– Как не быть-то, есть! В левом ящике стола. И перья, и ножик, и чернила.

Ох, вот ещё не хватало – вспоминать, как пишут чернилами. Но придётся.

Из принесённого Джоном оставалась шкатулка. Катерина взяла её в руки – маленькая, с пол-ладони всего, деревянная, резная. Рисунок на крышке – конечно же, розы, что ещё могло быть у этой особы? Крышка плотно прилегала к самой шкатулке – ни единого зазора, и отверстия для ключа нет.

– Грейс, а о шкатулке этой что скажешь?

– Вы и правда-правда не помните? Это же матушка ваша, леди Гвен, оставила вам с наказом – открыть, когда и если станет совсем плохо. Вы хотели открыть, когда пришёл лорд Телфорд с войском, но не успели, а потом вас ни на мгновение не оставляли одну. И вы надумали рискнуть уже здесь, и попросили милорда Джона привезти шкатулку сюда. И он привёз! – в глазах Грейс горел восторг.

– И я умела это открывать? – усомнилась Катерина.

– Вы говорили, что сможете, – а Грейс не сомневалась.

Вот ведь! Если Кэт могла, значит, тело может что-то помнить? Или не помнить?

Катерина взяла шкатулку обеими руками, зажмурилась, прислушалась. Мэгвин говорила, что спящие артефакты могут пробуждаться, если им дать силы, а некоторым – ещё и крови.

Шкатулка приняла силу, но – ничего не произошло. И второй заход тоже ничего не дал, дурацкая коробка просто поглощала всё, что ей давали, как пылесос мелкий мусор. Тогда Катерина решилась на крайние меры.

Булавка была – на серебряной застёжке, которой скреплялся лиф платья. Катерина вздохнула – и ткнула булавкой подушечку пальца. Показалась капля крови. И куда её теперь? Может быть, туда, где у нормальных шкатулок замочная скважина?

Она вытерла палец о то самое место и не успела ещё его отнять, как мелкая ерундовина засветилась. Тихий щелчок – и крышка отскочила.

В деревянном ящичке лежали: наполненный чем-то синим стеклянный флакон, кожаный мешочек, тоже полный, и свёрнутый в трубочку лист бумаги – судя по всему, тонкий и длинный.

Катерина встретилась взглядом с глазами Грейс – такими же удивлёнными, как у неё самой.

– И что это? – начала было она, но завершить, как водится, не дали.

Снова стук в дверь, разрешение войти, и – Рональд собственной персоной. Пока Грейс открывала, Катерина сунула шкатулку в поясную сумку, благо размеры позволяли.

– Кэт, я пришёл проводить тебя на ужин. Чтобы с тобой снова что-нибудь не случилось.

– Хорошо, Рональд. Но тебе придётся подождать – я возьму свои столовые приборы.

Одобрительный кивок Грейс показал, что она права. Камеристка тут же нырнула в один из сундуков и достала кожаный чехол, в котором лежали ювелирной работы ложка, вилка и столовый нож. Ручки у всех трёх предметов были костяные, резные – с мордами зверей, а вместо глаз – янтарные бусины. Вот так уже можно и за стол, и хищный взгляд, брошенный на вилки-ложки Рональдом, подсказал, что он оценил свалившееся на Катерину богатство.

И можно было отправляться.

26. Инструкции и применение

Вечер пролетел, как одно мгновение.

Свекровь к ужину не вышла, и демонстрация вилок-ложек была произведена главным образом для мужчин. Лорд Грегори сидел мрачный и не удостоил Катерину даже и взглядом, о чём она, впрочем, не жалела. И всё время разговаривал с Джоном о каких-то грядущих посевных работах. И казалось, что Джон понимает в тех работах больше отца – что для них есть, а чего не хватает. Рональд шептался с Джейми и поглядывал на тот нижний стол, где сидели служанки – прачки и кухарки. А Роб опоздал и с ходу принялся восторженно рассказывать о жеребце невероятной красоты, от которого родился жеребёнок, и что того жеребёнка нужно непременно купить.

Еда была по-прежнему вкусная. Впрочем, как может быть иначе, если хозяйка любит поесть? И Питерс, кажется, решил с Катериной дружить – принёс сметаны в мисочке, пусть миледи попробует – годится ли, и под занавес – тех самых груш в меду, которые так любит леди Маргарет. Сметана оказалась превосходной – густой и свежей, а груши, на вкус Катерины – слишком сладкими. Впрочем, она всё равно поблагодарила.

И как только закончила есть, то сразу же поднялась – пусть мужчины дальше сами, если что.

– Братец, проводи свою супругу до её покоев и приходи в мой кабинет, – сказал Джон.

– Будем пить? – разулыбался Роб.

– Будем разговаривать, – ответил тот без улыбки. – Пить и кроме нас есть кому, – и кивнул на Рональда с Джейми – те как раз требовали, чтобы им принесли чего покрепче.

– И какой масти тот жеребёнок? – спросила Катерина, когда они вышли из зала.

– Рыжей, Кэт, прямо живой огонь! Хочешь посмотреть?

О нет, Катерина не была уверена, что хочет. Но...

– Да, хочу, – кивнула она.

Раз здесь жить, то – нужно приучать себя к лошадям.

– Отлично, отлично! Завтра днём съездим, хорошо?

Опять же, хоть выбраться из замка да осмотреться!

– Да, хорошо. Ты придёшь сегодня?

– Я бы уже и остался, – подмигнул он, – но Джонни что-то захотел от меня.

– Наверное, по делу, – пожала плечами Катерина.

– Уж конечно, у него не бывает иначе! А лучше бы просто так, право слово! Но я приду, непременно приду! – он поцеловал Катерину и припустил по коридору обратно.

Что ж, у неё есть некоторое время, и это хорошо.

В гостиной Катерина включила много магического света, достала шкатулку и снова её открыла – теперь уже просто, без танцев с бубном. Шкатулка открылась.

Первым делом она взяла тот самый микроскопический свиток бумаги и развернула. Может быть, там инструкция?

Да, если и не инструкция, то что-то, очень похожее. «Для приготовления сонного напитка взять три кристалла небесного цвета и опустить их в стакан вина или воды, и проспипь до следующего восхода либо заката». Какая полезная вещь, невероятно. Так, а что там ещё?

Оказалось, что если хочешь спать недолго – то кристалл можно взять один. А если хочешь уснуть и проспать длительное время – то пять, или семь, но не более, потому что и так тебя могут принять за умершего. А если больше восьми – то, скорее всего, уже и не проснёшься.

Катерина посмотрела – да, флакон оказался полон мелких, как крупинки сахара, синих кристаллов. И вот этих – три штуки? Сложно не переборщить. Но кому легко, как говорили Володя и Наталья?

Ладно, что там дальше?

А дальше оказалось ещё лучше. Чёрный порошок в мешочке снимал боль – и тоже нужно было отсчитывать крупинки, потому что при передозировке можно утратить не только ощущение боли, но и чувствительность вообще, и никогда уже её не восстановить. Также можно присыпать этим порошком раны – и они должны были чудесным образом затягиваться. Полезная вещь, как ни погляди.

А почему – открыть в трудный час? Выпить и прикинуться мёртвой? Или – напоить кого-нибудь?

Хорошая идея, между прочим.

– Грейс, у нас есть вино?

– У нас – это в сундуках? Нет, – замотала та головой.

– А в замке?

– Наверное, есть. А вам зачем?

– Затем, что моему супругу не мешает хорошенько выспаться, – усмехнулась Катерина. – Рискнёшь достать?

– А рискну, – Грейс встала и гордо выпрямилась. – Я знаю, кого попросить. Сейчас будет, – она с воодушевлением на лице выскользнула в тёмный коридор.

Катерина запоздало подумала, что нужно было дать ей магический фонарь.

Пока Грейс добывала вино, она пересмотрела содержимое оставшихся от Кэт сундуков. Одежда – много одежды, это хорошо. Постельное и столовое бельё – замечательно, что хоть в этом она от здешних не зависит. Ткань – льняная и шерстяная, это тоже хорошо. Например, можно сшить какие-нибудь нижние штаны – в них и теплее, и с вопросами гигиены попроще. Ещё книги – и вроде все их она читать могла, значит – придётся садиться и читать, чтобы понять побольше и про мир, и про то, что они тут вообще знают и что у них в головах. И всякие красивые мелочи – два кубка, ничуть не хуже, чем у свекрови, блюдо, пара подсвечников, ещё две вилки – и плюс две ложки и два ножа. Пояс из серебряных звеньев, к нему прицеплены умопомрачительно красивые швейные принадлежности – ножницы, напёрсток, игольница с иголками. Флакон с чем-то вроде розового масла в форме яблока – местные духи, что ли? Шкатулка с украшениями – раза в три больше той, что с зельями, и вся полная – жемчужные бусы, какие-то цепи сложного плетения, оправленные камни, серьги, ещё раз жемчужные бусы, кольца. Да, Кэт была богатой невестой! Хорошо, пусть пока лежит, вдруг понадобится пустить кому-нибудь пыль в глаза?

Кроме зачарованной шкатулки, все остальные предметы, принадлежавшие Кэт, были совершенно обычными – в смысле, не магическими. Катерина чувствовала исходящий от шкатулки фон – как лёгкое покалывание, когда она брала её в руки. Все остальные принадлежащие ей теперь вещи так себя не вели, это были обычные вещи, и только.

Грейс вернулась с кувшином в руках и торжествующе продемонстрировала его Катерине.

– Вот, миледи! Вино! Не эль, не сидр, не пиво! Милорд Джон выписывал его издалека!

Чудесно, просто чудесно! Катерина понюхала – да, пахнет хорошо, и попробовала языком – и на вкус тоже неплохо. Интересно узнать, откуда Джон это вино выписывал.

Дальше уже было совсем просто – поставить на стол её красивые подсвечники, зажечь свечи вместо пугающих всех магических огней, бросить три крупинки в бокал, разлить вино. Она как раз успела – поставила кувшин на стол, и в дверь нетерпеливо застучали.

– Кэт, милая моя Кэт, как у тебя здесь хорошо! – Роберт ввалился в гостиную и плюхнулся на лавку. – Ты только представь, Джон сказал, что на тебя покушались!

– Он прав, – кивнула Катерина, – так и было. У меня был неплохой шанс упасть с лестницы и сломать шею. Мне очень повезло, что мы с Грейс пошли другой дорогой.

– Я выгоню эту дрянную Нэн, только завтра, хорошо? Или убью, – сообщил он как ни в чём не бывало. – Но потом. Не будем сейчас о плохом, ладно?

– Ладно, – кивнула Катерина. – Не будем.

И протянула ему бокал.

27. Утренние развлечения

Утро снова настало с приходом Грейс, но – почему-то она говорила шёпотом, Катерина не поняла, почему. Пока не проснулась совсем и не обнаружила рядом с собой спящего Роберта. Точно, она ж вчера попробовала на нём доставшееся от миледи Гвен, матушки Кэт, волшебное снадобье, и вышло отлично. У него даже и в мыслях не было к ней приставать! Правда, он засыпал на ходу – потому что весь день где-то носился и очевидно устал. Пришлось раздевать его в четыре руки – вместе с Грейс, и укладывавать, и он уснул, едва уложили. Что ж, польза в том была – с ним теплее. Он большой и неплохо греет. О таком моменте Катерина и не задумывалась, а могла бы, чай, не первый день на свете живёт, чтобы не сказать – не первую жизнь. Значит, и в нём таком вот есть какой-то смысл.

Она тихо поднялась и умылась. Вообще надо погреть воды и помыться всей, и голову тоже помыть. И супруга дорогого тоже загнать помыться, и рубаху ему бы кто надел свежую.

В теории можно было послать Грейс в его комнаты за той рубахой. Ладно, подумаем сейчас.

Грейс тем временем уже расставляла по столу завтрак.

– А что в кувшине? – спросила Катерина.

Кувшин был приятно горячим на ощупь.

– Так отвар шиповника же, ваш любимый.

Ого, любимый! Но прямо хотелось налить в чашку чего-нибудь горячего. И кофе, где же ты, кофе! Дома Катерина не очень-то его и любила, это дети всё время пили, Володя даже кофемашину дорогущую завёл, но ей не нравилось, она больше любила чай. Свежий, с мятой или листиком смородины с дачи или вовсе из тайги – милое же дело! Но эти дикие края не знают ни чая, ни кофе. Значит, будем пить отвар шиповника.

Правда, в отвар добавили мёда для сладости и ещё, может быть, какой-то травы, едва ли не той же мяты. И получилось хорошо!

Они с Грейс как раз заканчивали завтрак, когда в двери осторожно постучали. Тихонечко так – будто сомневались, а нужно ли вообще стучать, или пойти себе?

Оказалось – там вчерашние девочки, Энни и Фанни. Младшие сестрёнки Роберта и прочих. Обе они были светловолосы и худощавы, а у Фанни ещё и волосы неприбранные так и лезли из-под чепца.

– Сестрица Кэт, а мы к вам! – сообщила Энни. – Мы сказали Лизбет, что пойдём вышивать к вам, и она нас отпустила!

– Отлично, – кивнула Катерина, – значит, будем вышивать. Садимся поближе к окну, чтобы светлее было, и достаём – что у вас там есть.

Девочки беспрекословно полезли за стол, и Грейс ещё подсунула каждой по половинке последней оставшейся булочки – с маслом. Правильно, детей нужно кормить, а то матушка утробу набивает, а дочери – кожа да кости, куда годится! А им ещё расти!

Катерина крепко подозревала, что девочкам в этой семье не уделяли столько внимания, как мальчишкам. И вообще сомневалась, что леди Маргарет была внимательной матерью – иначе девочек бы одних никуда не отпускали, и лохматыми они бы не ходили.

– Так, красавицы. Первым делом давайте причёсываться, чтобы волосы в вышивку не лезли, а то ещё пришьёте куда-нибудь, – распорядилась Катерина. – Грейс, поможешь?

– Конечно, миледи, – закивала Грейс. – Правильно, благородным дамам не след ходить, как служанкам, нужно причесаться.

Косы девочек были переплетены, завязаны ленточками и подколоты шпильками из запасов Кэт. После чего уже можно было смотреть, что там за вышивки.

Оказалось, Энни вышивает себе сорочку – чёрными шёлковыми нитками. Манжеты, воротник и ещё что-то на рукавах. А Фанни – чепец. Вышивали они одним-единственным швом – вроде бы ничего хитрого, кладёшь строчку в одну сторону – делаешь половину, а потом на обратном ходе заполняешь вторую половину, вот и рисунок. Как-то такой шов даже называется, Катерина слышала, но сама никогда не делала. Значит, придётся учиться.

С трепетом развернула она то рукоделие, которое осталось от Кэт. Это тоже была сорочка, с теми самыми розами, из книжки. Всё практичное и утилитарное. Интересно, а просто вышивки в рамках у них здесь бывают? С другой стороны, вся ткань без рисунка, и если хочешь красоты – то бери и вышивай.

Катерина осторожно взялась за рукав – его сначала раскроили, потом обработали срезы ткани – петельным швом, а потом уже вышивали. Розочки, взятые из книги, были трёх видов – хорошо, не разнообразный розовый сад, это бы Катерина никогда в жизни не повторила. И образцы каждого вида уже встречались на том рукаве, значит – можно попробовать воспроизвести.

Разноцветные шёлковые нитки лежали моточками здесь же, в корзине, только выбирай. Впрочем, сначала можно завершить начатый мотив – два листика. Зелёные, с тёмными прожилками. Вроде несложно, да и глаза теперь молодые, всё отлично видно.

– Фанни, подними голову. Не нужно шить носом в ткань, ещё нос пришьёшь себе, что мы потом будем с тобой делать? Придётся так и ходить. Энни, выпрями спину. Красивая девушка должна быть с прямой спиной.

– А брат Джейми говорит, что мы некрасивые и глупые, – пожалала плечами Энни.

– А ты его больше слушай, – фыркнула Катерина. – Не хочешь, чтобы тебя считали глупой – не повторяй глупости за другими. Особенно за Джейми.

– А сказку, сестрица Кэт? – спросила Фанни тоненьким умильным голоском.

Почти как внучка Леночка, только она просила найти ей какую-нибудь сказку в интернете – кино посмотреть.

– Сказку, говоришь? – эх, о чём они там с Леночкой читали не так давно? – Давайте, я расскажу вам сказку о девочке Элли, её собачке Тотошке и их домике. И урагане. Вы знаете, что такое ураган?

– Сильный ветер, да? – подхватила Энни. – Когда осенью на море шторм, у нас сильный ветер. Он воеет страшно-страшно!

– Да, завывает прямо в восточной башне, такой страшный звук, что думаешь – это уже по твою душу пришли оборотни или возвращенцы! – сообщила Фанни.

– И кто-то видел этих оборотней или... возвращенцев? – надо же как-то добывать информацию, хоть бы и о местном фольклоре!

– Да вы что, миледи, – зачастила Грейс, – не помните хромого Ника? Из Эппл-Хилз? Который помер, а потом вернулся и всю свою семью с собой забрал!

– Нет, Грейс, не помню, – вздохнула Катерина.

– Да вы что, там какой ужас-то был! Ваш братец милорд Саймон рассказывал – как он с людьми в тот дом заходит, а там – пусто! И холодно, будто зимой, а май был на дворе!

Ужасы какие, подумала Катерина. Впрочем, если есть хорошие сверхъестественные силы, то почему бы не быть противоположным?

– Давайте лучше о хорошем, а то как-то неуютно, даром что день белый на дворе, – она потрясла головой, прогоняя наваждение.

– Давайте, – с готовностью закивали все трое. – Сказку про девочку Элли!

И начала Катерина рассказывать сказку про девочку Элли. Оказалось, что она неплохо помнит детали, а практически предоставленные самим себе руки потихоньку стали вспоминать, что они умели раньше, главное – не мешать и не смотреть на них слишком пристально,

тогда пальцы всё равно что сами толкали иглу в нужное место. И хорошо. А Грейс взяла что-то из сундука Кэт и тоже села шить и слушать.

Наверное, за этим благостным делом они бы провели всё время до обеда, но увы.

Дверь распахнулась без стука, и на пороге появилась леди Маргарет всей своей крупной персоной, за её спиной маячила Нэн и какие-то другие служанки.

– Сидит, значит, и ухом не ведёт. Напоила меня вчера какой-то дрянью, да так, что я в ночь чуть богу душу не отдала, и сидит, как ни в чём не бывало! – начала свекровь с места в карьер.

Вот тебе и здравствуйте, подумала Катерина, поднимаясь – скандалить лучше на своих двоих. Впрочем, девочки тоже выбрались из-за стола и поклонились – здравствуйте, мол, матушка. Что, эта мать-кукушка детям даже доброго дня не желает?

– Добрый день, миледи, – Катерина тоже изобразила поклон. – Будьте любезны, поясните, что вы имеете в виду.

– Как – что? Какую отраву ты налила в мой кубок?

Надо же, руки в боки, а жемчужные бусы на шее аж трясутся – так их хозяйка зла на беднягу Кэт.

– В ваш кубок я при множестве свидетелей налила воды – все ваши девушки видели. И откуда у меня кубок, и в каком виде мне его принесли. Как воду-то чистую нашли в вашем свинарнике, и то удивительно, – Катерина поджала губы.

– И как это от воды у меня внутри жечь почти перестало? – продолжала буянить Маргарет.

– Вам же лекарь говорил – не есть сладкого, жирного, острого и солёного, и посуду мыть хоть иногда! – про посуду она сама придумала, но невозможно же.

– Миледи, тут же с ними та девушка, что вы вчера за себя оставили, – зашептала сзади Грейс.

А ведь точно – как её там, Милли. Худая и лёгкая, в этом доме, видимо, кормят главным образом леди Маргарет.

– Милли, ты помнишь, что я наливала в бокал миледи Маргарет? – строго спросила Катерина. – Не смей говорить неправду!

– Так воду же, – выдохнула Милли из-за свекровкиной спины. – А потом, поздно вечером, миледи мёд из горшка ела, своей серебряной ложкой, к той ложке никто не смеет прикасаться! И она так в том горшке и осталась до утра, и утонула, и никто не взялся её из мёда пальцами доставать!

А никаких щипцов не водится, конечно же. Но главное не это.

– Миледи, да как вы вообще ещё на ногах-то стоите, – презрительно поджала губы Катерина.

Видимо, это оказалось последней каплей – миледи заорала, что как только её, Катерину, вообще земля носит, и дал же бог невестку, и жаль, что не померла, уже бы новую нашли, на этот раз – подходящую.

– Матушка, почему вы так орёте, будто вас резали, да не дорезали? – раздался вдруг со стороны спальни сонный голос Роберта. – Вас сюда вообще кто звал?

Драгоценный муж обладал, очевидно, чутьём на момент, когда следует появиться. Заспанный, помятый и в одной рубахе – не самой чистой, к слову.

– Робби, мальчик мой, что ты здесь делаешь? – Маргарет изумлённо смотрела на сына.

– Вообще-то Кэт моя жена, а я слышал, что венчанным супругам неплохо бы делить ложе, – усмехнулся Роберт. – Что тебя удивляет? Вот если бы ты встретила тут Джона или Рона, ещё можно было бы удивляться.

– Пришёл, сделал что надо, и ушёл! Нечего в её комнатах валяться! – снова завелась выдохнувшая Маргарет. – Достойный муж навещает жену время от времени, а достойная жена – ждёт и ведёт себя тихо!

– А ведь миледи вчера прогуливалась под ручку с милордом Рональдом, – сообщила из-за спины Маргарет прятая там Нэн.

– Это что ли та тётка, что лестницу жиром испоганила, из-за которой Рон вчера расшибся? – Роберт посмотрел на неё с интересом. – Я помню, что обещал её убить!

– Не смей! – завизжала леди Маргарет.

– Не трожь мою жену! – завопил в ответ Роберт.

А Нэн под шумок сбежала.

– Знать тебя не хочу! Ты мне больше не сын! У тебя больше нет матери! Даже и не приходи больше ко мне! И за стол я не выйду, пока не попросишь прощения! Я для чего тебя растила? Чтобы такое вот от тебя слушать? Чтобы ты за пришлую девку от меня прятался? – продолжала гнуть своё Маргарет. – А ты, дрянь, пошла вон, чтобы духу твоего в замке больше не было! – она хотела было схватить Милли за ухо, но та оказалась намного проворнее, вывернулась и юркнула в Катерину спальню.

– Матушка, угомонитесь уже, – брезгливо поморщился Роберт.

– Подлый предатель! – сообщила матушка, плюнула на порог, схватилась не то за сердце, не то за что пониже, была подхвачена своими ближними и уведена, наконец, прочь.

– Кэт, – выдохнул Роберт, – ну вот что это с ней, а? За что она меня так?

– Не знаю, – вздохнула Катерина.

Он, морщась, сел на лавку и принялся тереть глаза.

– Ох, малявки, только вас и не хватало, – кажется, он заметил сестёр. – Что это вы тут делаете?

– Вышиваем, – пролепетала Энни. – И сестрица Кэт нам сказку рассказывала, интересную. Какую никто не знает.

– Сестрица Кэт, может быть, и мне расскажет? – подмигнул он Катерине. – Всё, ступайте к себе, потом ещё придёте, – он только глянул на девочек, как те мигом подхватили своё рукоделье и были готовы бежать.

– Грейс, проводи детей, – попросила Катерина.

Нечего в этом доме детям по коридорам одним бродить.

– Да, миледи, – Грейс помогла девочкам собрать все нитки и иголки и отправилась с ними.

Катерина и Роберт остались одни.

28. Роберт

– Умываться? – спросила Катерина.

Нужно брать инициативу в свои руки. И чем-то его занимать, желательно – полезным.

– Надо, да? – он взглянул умильно, как Валера в детстве.

– Надо, – кивнула она и принесла из спальни тазик, кувшин с водой и мыло в красивом металлическом ящичке. – Я полью.

Если говорить так, будто и тени сомнения в том, что тебя послушают, нет, – то всё будет сделано, тебя послушают. Работало в школе, сработало и здесь. Роберт поднялся и даже стащил с себя рубаху – вот и отлично, сейчас отправим Грейс за свежей.

Из-под кровати в спальне была извлечена девочка Милли – она плакала и просила не выгонять её, Катерина и не стала. Ещё пара рук лишней не будет, вот никак. Можно вот прямо сейчас отправить её за завтраком для мужа.

Грейс вернулась, заохала, что она сама бы полила, но безропотно пошла в комнаты Роберта за свежей рубахой и зубной щёткой. Принесла, кроме названного, ещё свежий дублет со штанами, чулки и гребень. Гребень выдала прямо в руки Катерине – со словами, что камердинер Майк очень надеется на миледи. Ну да, милорд Роберт обычно ходит нечёсанный – будто как встал с кровати утром, так и пошёл. Наверное, так и есть.

Из рук Катерины он почистил зубы, помыл шею и согласился, что вечером можно и помыться. Когда она сказала, что хорошенько потрёт ему спину, оживился – он же не знает, что она имеет в виду только то, о чём говорит. Впрочем, с чистым с ним в постели, наверное, лучше, чем с обычным?

И ещё она лично завязала все шнурки и расправила все выступающие детали одежды. Хорошо, хоть уже представила, как этот конструктор собирать, ничуть не хуже, чем у неё самой. Как они только в этом всём живут и всё, что надо, делают, бедные!

Милли принесла завтрак для Роберта, а уже успевшая проголодаться Катерина подумала – и присоединилась. Тем более что милорду, зная о его привычках, подали тонко нарезанной ветчины, и яичницу на сале, и свежего хлеба ко всему этому, и сладких булочек с маслом. И эля, а для Катерины – шиповника.

– Кэт, я вроде помню, ты вчера говорила, что хочешь съездить посмотреть на жеребёнка?

Надо же, запомнил.

– Да, хочу. Я не помню ничего о том, что за пределами замка, и хотела бы вспомнить. Или узнать заново.

– Да ты раньше и не рвалась наружу, сидела тут у себя и носа не высывала, даже в коридор, тебя приходилось долго уговаривать выйти поесть!

Ну вот, всё-то она делает не так, как Кэт.

– Жизнь даётся нам только один раз, и нужно её жить, – вздохнула Катерина.

Или два, и нужно пользоваться возможностью.

– Ты права, – кивнул Робби. – Жизнь нужно жить. А не ждать, пока свыше пошлют что-то хорошее. Посылают-то чаще пинка.

– И ты прав, – Катерина даже улыбнулась, она не ожидала от супруга столь глубоких мыслей. – Отправляемся?

– Да, моя прекрасная Кэт, – он подскочил, поднял её и поцеловал – крепко и сильно.

В общем, с чувством поцеловал.

– Но мы ведь не успеем вернуться к обеду?

– Мы попросим, чтоб нам дали на кухне еды с собой. Питерс распорядится.

– И замечательно.

Катерину пугала необходимость забираться на коня, но Роберт просто поднял её и посадил – как и в прошлый раз. Уже было не так страшно, и можно было попытаться понять – как вообще сидят, где вес тела, как можно себя хорошо чувствовать в такой неудобной позе. Эх, была бы леди Маргарет более поворотливой, Катерина сговорила бы её на какие-нибудь прогулки. Но увы.

– Скажи, а твоя сестра Летти – она вернётся домой до свадьбы?

– Да ты не бойся, не будет она тебе больше ничего говорить, я ж обещал, – тут же отреагировал Роберт, уже сидевший верхом на своём вороном.

О как. Значит, бедняга Кэт и золовке успела не угодить? Старшей, потому что младшие сами пришли и радостно общались, и сказку слушали, и её разные замечания спокойно к сведению принимали. А что с Летицией?

Тем временем они выехали из замка – Роберт, она и ещё десяток парней. Наверное, так надо.

– Всё в порядке, я не боюсь. Мне любопытно.

– Мне кажется, она не хочет приезжать, они что-то не поделили с матушкой. Говорит, что её не отпускает её величество.

– Она придворная дама?

– Да, конечно. Отец и Джонни замолвили за неё словечко, чтобы её взяли ко двору.

Вот так, отец и Джонни, не Роберт.

– Джонни бывает при дворе?

– Да, должен же кто-то напоминать её величеству о Телфордах! Или он, или отец, но он – чаще.

– А почему не ты?

Роберт замаялся.

– Ну... что мне там делать? Я не придворный.

– Почему? – не поняла Катерина.

– Матушка всегда говорила, что я не смогу, и пусть я лучше дома. И впрямь, дома лучше. Я пару раз ездил, прошлой зимой и позапрошлой, и пока больше не хочу. Буду лордом Телфордом – так придётся, деваться некуда, а пока – ну их всех, здесь лучше.

Катерина уже хотела возразить – мол, твою матушку только и слушать, а потом осеклась. Сколько раз она говорила детям, чтобы не лезли туда, где, по её мнению, их не ждало ничего хорошего? Наталья не слушала никогда, жила своей головой, как сейчас понимала Катерина. Делала ошибки... или не делала. И никогда не жаловалась. Разве что только на здоровье. Володя – с переменным успехом, где-то она его весьма вовремя предостерегла, а где-то – нет, где-то он сам... Валера всегда, ну, или почти всегда её слушался. Как бы. Потому что всё равно тишком поступал по-своему... и пришёл туда, куда пришёл.

И вот Роберту-то как раз не мешало бы жить своей головой, наследник всё же! А то... вырос сыночка-корзиночка! Она терпеть не могла это выражение, им злоупотребляла Софья. А теперь что?

А теперь они ехали краем поля, и Роберт показывал ей, где тут что. Среди названий, в которых Катерина без карты тотчас же потерялась, промелькнуло знакомое слово «Скай».

– Это туда вчера ездил Джон? – спросила она.

– Да, там кто-то между с соседом делил, нужно было разобраться.

– А почему ему, а не тебе?

– Так я при деле был, кто бы лошадку-то посмотрел?

Занавес, как говорится. Лошадку бы кто посмотрел. Поел, поспал. И подрался во внутреннем дворе – наверное. А кто потом будет всё это решать, когда отца не станет? Снова Джон?

Деревня, мимо которой они проезжали, состояла из пары десятков домиков – каменных, небольших – в один этаж и с крышей, окна были закрыты ставнями, несмотря на день. На

единственной улице никого не было – наверное, все при делах. Ой, нет – мальчишки висят на заборе. Увидели всадников – бросились по улице с криками «Милорд Роберт едет!», после чего из домов стали показываться люди, преимущественно – женщины, и кланяться. Катерина понадеялась, что эти люди – арендаторы, а не какие-нибудь крепостные.

Впрочем, конечная точка их путешествия лежала как раз на дальнем краю деревни – дом побольше деревенских, с садом, сейчас заснеженным. И в воротах их уже поджидал мужчина – высокий, седой, с бородой и брюшком. Он снял шапку, поклонился, приветствовал Роберта и пригласил к себе.

Роберт радостно сообщил, что его леди очень заинтересовалась жеребёнком, и желает на него посмотреть, и он не стал ей отказывать. Вот как, не стал отказывать, значит.

С седла он снял Катерину сам. Интересно, это хорошее отношение к ней, это «положение обязывает» или просто все знатные дамы беспомощны? Или они поднимаются в седло по лестнице?

А дальше они отправились на конюшню – как поняла Катерина. Конюшня оказалась отдельно стоящим зданием, там располагался десяток коней, каждый в своей отдельной выгородке – «денник, Катя, это называется денник». А у дальней стены рядом с большой, очевидно, кобылой стоял маленький рыжий жеребёнок на тонких ножках – с белой звёздочкой во лбу. И Катерина должна была признать, что и он сам, и его мать – образцы грации и красоты, что уж, кони – животные красивые. Правда, скажи ей кто, что придётся на них ездить – засмеяла бы, а вон оно как вышло!

Кони получили угощение – припасённые из дому яблоки, а потом их хозяин, господин Джеральд, так его представили, стал зазывать милорда и миледи за стол. Милорд радостно согласился, и их накормили мясной похлёбкой и рыбным пирогом, а запивать пришлось элем – что поделать, они в гостях.

За столом говорили о лошадях, и Катерина поняла, что в этом вопросе Роберт разбирается. Хозяин дома, судя по всему, был заводчиком, и обсуждали они как раз – от какой кобылы с каким жеребцом будет наилучший приплод, какая кобыла ожеребится вскоре, и вот ещё бы жеребёночка от вашего, милорд, чёрного Змея – ух, красивый бы вышел. Ну хоть что-то знает и умеет, уже хорошо.

Пока хозяин кормил и развлекал разговором их с Робертом, остальных тоже где-то кормили – доносились взрывы смеха и девичье повизгивание. Семьи у хозяина как будто не было, Впрочем, об этом можно будет расспросить потом.

В обратный путь тронулись, чтобы успеть домой до заката. По дороге Роберт охотно рассказал, что супруга господина Джеральда давно отошла в лучший мир, другой он себе не взял, а сыновья служат у лорда Грегори.

Когда они вернулись в замок, то Катерина поняла, что необыкновенно устала – и от верховой прогулки, и от обилия свежего воздуха. Значит, нужно чаще гулять, подумала она.

– Робби, мы ведь ещё сможем съездить куда-нибудь? – спросила она, когда он снял её с седла и поставил на землю.

– Да конечно! Тебе и вправду хочется?

– Да, мне хочется. И погулять, и побольше быть с тобой, – нужно же как-то тебя приручать.

И, глядишь, никто другой не станет на неё голову заворачивать.

– Да я только рад! – сообщил Роберт и поцеловал её прямо посреди двора.

К ужину леди Маргарет не вышла – и это ощущалось, за столом было проще и свободнее, никто не бросал подозрительных взглядов. Кстати, Роберту Катерина предложила вилку, но он нахмурился – и отказался. Сказал, пойдёт за стол, как привык. И ладно, отстанем пока, дальше будет видно.

За ужином он громко и радостно болтал про лошадей господина Джеральда, и ещё про чьих-то, и они с лордом Грегори обсуждали необходимые приобретения – сколько к весне купить и каких. А после ужина он глянул на Катерину сияющими глазами и сказал, что скоро придёт.

– Хорошо, только сначала будем мыться, – кивнула Катерина.

Мылись здесь примитивным способом – тащили жестяную ванну в пустую комнату рядом с Катериниными, а в ту ванну – горячей воды. В процессе таскания вода успевала остыть, но с этой бедой Катерина справилась легко – подогрела, да и всё. Драгоценный муж был отмыт до скрипа, волосы высушены, чистая рубаха – выдана. Попутно она сама вся вымокла, но тут уж ничего не поделаешь. Пришлось быстро ополоснуться остатками воды и тоже поскорее влезать в чистую рубаху и бежать под одеяло.

Наблюдение о том, что вдвоём – теплее, оказалось замечательно точным. Правда, успевший заснуть Роберт проснулся, обрадовался её приходу и взялся её целовать, ну да пусть, ладно. Говорят же – у тела тоже есть потребности. У этого определённо были.

29. Три недели

В следующие три недели Катерина привыкала к жизни в Телфорд-Касле. Легко не было, но – ничего такого, что нельзя было бы решить, продавить или игнорировать. К счастью, вот прямо отбиваться почти не приходилось. К сожалению, сомнительные и неприятные ситуации возникали каждый божий день.

Ей по-прежнему не давали прохода Джейми и Рональд. Но – Джейми поутих после того, как однажды был-таки пойман Робертом и получил в глаз. Вот прямо получил и прямо в глаз, с напутствием – близко не подходить к Кэт и младшим сёстрам. Теперь он только говорил гадо-сти в спину – как обычный нормальный невоспитанный двоечник, которому учителя время от времени устраивают головомойку по поводу его четвертных оценок. То есть – ничего особенного, иди себе и не слушай, и на подначки не ведись.

Сложнее было с Рональдом. Он вёл себя безукоризненно, но был необыкновенно липуч и старался не подать ни малейшего повода к тому, чтобы обвинить его хоть в чём-то. «Сестрица, я всего лишь отставил твоё кресло, оно такое тяжёлое, а у тебя такие нежные маленькие ручки!», «Сестрица, я забыл, что ты у нас маг и можешь сама осветить себе путь в коридоре», «Кэт, позволь поддержать тебя, чтобы ты не упала». И всё в том же духе. Но его взгляды, которыми он раздевал Кэт прямо посреди обеденной залы, необыкновенно раздражали – иногда хотелось плюнуть в глаз, честное слово. Но пока Катерина держалась.

Бесценная свекровь вышла к столу уже на следующий день после ссоры – очевидно, не смогла дольше сидеть в своих комнатах, не держа руку на пульсе. Уж конечно, все новости и сплетни ей доносили, Катерина была уверена, но как же своими-то глазами не посмотреть? Пришла в залу как ни в чём не бывало воссела за стол и велела подавать обед. Только вместо Нэн при ней была другая служанка, Мэгги – тоже средних лет, чистая и аккуратная. Но эта, в отличие от предыдущей, занималась только хозяйкой, по сторонам не смотрела и язык не распускала. А Нэн, если верить слухам, не показывала носа из комнат миледи, там и ела, там и мылась.

А миледи, явившись к обеду, пристально осмотрела старшего сына, что-то на нём поправила, смахнула какие-то соринки, которых на нём всегда было предостаточно – где только находил. И уж конечно, ей сообщили, что сыночек ночевал не у себя, а у супруги. Бред какой – зачем жениться, если жить потом всё равно что не вместе?

На Катерину она разве что зыркнула-фыркнула, но промолчала. И то хорошо, хоть не скандалить при всём честном народе. Худой мир лучше доброй ссоры, уж хоть с какой стороны погляди. Конечно, при любой встрече Катерина могла получить словесную плюху – мол, и муж-то у неё опять бегаёт голодный, а сама-то поела, и рукава-то у него не так привязаны, и шнурок оторвавшийся на место не пришили... Но пока у неё хватало сил отвечать вежливо и непреклонно – не лезьте, миледи, сами разберёмся. И шнурки завяжем, и еду съедим. Становиться посмешищем для всех обитателей замка не хотелось, а на каждую их с леди Маргарет стычку мгновенно собирались зеваки. И разочарованно расходились – когда громкой ссоры не случалось.

А Роберту понравилось ночевать у Катерины. Он тоже отметил, что вместе теплее. Ещё принёс свой походный плащ – из толстого тёмно-зелёного сукна со льняной подкладкой, и меховым воротником, он был весомее плаща Катерины, потому что, по словам хозяина, в нём можно спать в лесу хоть зимой. Это точно, особенно – если не прямо на снегу, а веток накидать, то и ничего. Этот плащ они складывали поверх одеяла – и уже под ним спали. Было тепло и уютно.

Ещё Катерина свела знакомство с камердинером Роберта, Майком, его молочным братом, парнем тех же двадцати пяти лет. Был он добродушен и кругл, не умел и не любил сражаться, зато знал всё о тканях, портных, носке и хранении одежды, уборке комнат милорда и прочих хозяйственных делах. Майк был только рад вниманию Катерины к вещам его милорда – так и сказал, и вместе они пересмотрели всё, что-то подлатали, что-то Катерина почистила магическим способом, и Роберт в целом стал выглядеть поприличнее. Правда, он всё равно умудрялся найти то пыль, то грязь, то ржавый гвоздь, но что-то с этим сделать было решительно невозможно, только оставить как есть.

Но когда Катерина попробовала прощупать почву насчёт съехать из Телфорд-Касла – он её не понял. Зачем съезжать, и тут ведь хорошо. О да, нас и здесь неплохо кормят, а в любом другом месте придётся самому себя кормить. Хоть здесь это и не значит – вставать рано и ходить на работу.

Впрочем, что лорд Грегори, что Джон вставали рано – им дел хватало. Джон съездил в свой Солтвик и вернулся, привёз Катерине подарочек от его Анны – вышитый платок с кружевом по краю. Пришлось спешно что-то придумывать – и тоже отправлять подарок, пару льняных салфеток.

И даже Джейми и Рональд долго не залёживались, потому что у них тоже было дело – тренировки во внутреннем дворе, в наружном дворе, и ещё конные – на утоптанном снегу за воротами замка. К рассвету они уже обычно были готовы выбираться наружу – не глядя на то, тепло там сегодня или не очень. Правда, по меркам Катерины, на здешней улице ни разу ещё не было холодно, просто все они не умели одеваться и утеплять своё жилище. Но когда три дня мела метель, а море штормило – все сидели дома.

К слову об утеплении и одевании. Запасы льняной ткани позволяли, и Катерина разработала, а потом они с Грейс сшили пробную модель трусов. Да-да, обычных трусов, о которых тут и не слыхивали – якобы, о них рассказала Мэгвин, а кто тут так близко знал ту Мэгвин, что смог бы опровергнуть эти слова? А у Старшего Народа может быть всё что угодно, как теперь уже понимала Катерина. Крой Катерина себе представляла, а вместо резинки проделала верёвочку. И Грейс долго не могла понять, зачем они нужны – пока Катерину не настигло естественным путём регулярное кровотечение, при котором они оказались очень даже удобны. Грейс прониклась, долго говорила, что да, так лучше, чем просто подвязывать полоску ткани. А потом ещё оказалось, что Катерина может очистить ту самую запачканную ткань – это обрадовало невероятно. Но после магической очистки и трусы, и старые тряпочки всё равно отправили в прачечную, отпаривать. А Грейс и Милли, глядя на Катерину, сшили по паре таких же предметов туалета себе.

Да-да, у Катерины теперь было две ближних служанки. Обе оказались миролюбивы и не ссорились, ссор ещё и в своих покоях Катерина бы не вынесла. Девятнадцатилетняя Милли была обычной дворовой девчонкой, её отец помогал в кузнице, а мать работала на кухне. Также у неё были три брата и сестра – от пяти до семнадцати, и всего трое умерли, говорила она, и это хорошо, потому что у других умирают больше. Все они тоже приносили пользу в стенах Телфорд-Касла.

Милли безоговорочно признала авторитет и превосходство Грейс – как-никак, та была дочерью управляющего и грамотной особой. Когда Катерина слышала, что Милли неграмотна, то приказала ей брать книгу и учить буквы – мало ли где понадобится. Уж что, а научить читать Катерина умела, равно как и считать, и простейшим математическим действиям. Кое-что из этого было интересно Грейс, а что-то – Фанни и Энни. У них был учитель, господин Берк, и гувернантка Лизбет, но они при всяком удобном случае прибегали к Катерине – утверждали, что с ней интереснее. Лизбет только рада была, как понимала Катерина.

Сама Катерина прочитала те две книги, которые привёз Джон, а потом подобралась и к дневнику Кэт. Она не знала, была ли у Кэт привычка перечитывать записи или же нет, но на

всякий случай открывала дневник только ночами, при свете магического огня. И только в те ночи, когда Роберт спал под воздействием магического зелья.

С зельем вышло неплохо, но тратить все запасы, и без того небольшие, на охламона-мужа Катерина была не готова. Поэтому – по одной крупинке, изредка, раз в несколько дней. Робби спал сном младенца, а она при магическом свете читала заметки, написанные той, чью жизнь вынуждена жить.

Но – там была описана обычная, как поняла Катерина, жизнь девицы из благородного семейства. Книги, музыка, наряды, святочные и йольские гадания, радость от приездов старшего брата, забота отца, возможное замужество.

И вот с замужеством-то вышла загвоздка. К ней посватался Рональд, и сын герцога Морни, хоть бы и третий, представлял собой отличную партию. Но он нехорошо приставал, а как-то после ужина и вовсе попробовал зажать Кэт в тёмном углу – чтобы, как он говорил, стала сговорчивее. И если бы не вдруг пришедшая магическая сила, которая напугала не только её саму, но и Рональда – быть бы бедняге обесчещенной, и тогда впрямь не осталось бы другого выхода, кроме замужества за ним. Если б ещё взял, а не посмеялся бы, подумала Катерина.

Ещё был некий сын отцовского старого друга по имени Джонатан Майли, наследник приличного имения где-то на юге, но с ним Кэт даже не познакомилась – предполагали, что осенью поедут ко двору, и там всё решат, но в августе случилась война.

С магией у Кэт было туговато – иногда, в минуты сильного волнения или вот ещё опасности, она прорезывалась, но управляться с ней Кэт не умела. А когда на занятиях с господином Бервиком нужно было призывать силу и брать её под контроль – у неё ничего не выходило. Господин Бервик сетовал на недостаточное прилежание, недостаточное упорство и нежелание постичь собственную суть. И говорил, что магическая сила могла бы стать Кэт подмогой и подспорьем.

Но не вышло, судя по всему. Если бы Кэт научилась защищаться – то ей бы нечего было делать на той скале.

А Рональд всё никак не унимался. Он смотрел, делал всякие знаки глазами и пальцами, пытался что-то говорить, проходя мимо – но Катерина не слушала. Пока однажды не встретилась с ним в коридоре – одна, без своих девушек, так уж вышло.

– Кэт, прекращай ломаться. Можно подумать, недотрога! Скажешь ещё, что у нас с тобой ничего не было?

– Скажу Робу, что ты меня грязно домогаешься, потому что я выбрала его, а не тебя, – отмахнулась Катерина.

– И что твой Роб? Что он сделает? Ни-че-го. Потому что ему нет разницы, понимаешь? А тебя достанет и на него, и на меня.

– Тьфу на тебя, Рон, пойду я, отойди, – Катерина уже было собралась подвинуть его и пойти, но он прижал её к стене и прошептал:

– Тогда я расскажу дяде, кто отдал старухе Мэг её кольцо. И твоему Робу не поздоровится, поняла?

– Рассказывай, – пожала плечами Катерина. – Ты ведь там тоже был, без тебя не обошлось. Так может, это ты взял кольцо?

– Мне дядя никогда не говорил, где его искать. А Робу и Джону – говорил. Но Джона в тот момент в замке не было, а Роб – был. Дядя обо всём узнает, и тогда вы оба пожалеете, что родились на свет, ясно?

Только ещё не хватало! Катерина знала единственный способ борьбы с шантажистами – не вестись. Но что выйдет здесь?

– Никто тебе не поверит, ясно? Роб – старший сын, а ты – только племянник. Милорд добр к тебе до тех пор, пока ты не переходишь ему дорогу. А кто из вас взял кольцо – о том, кроме вас же, никому неизвестно. И это мог быть и ты так же, как и Роб – судя по тому, как

ты мне уже все углы пометил, и всякая собака знает, что ты за мной безуспешно таскаешься. Так что ещё большой вопрос – кому поверят. Дай пройти.

Невежливо толкнула Рона плечом, отёрла с дороги и убежала к себе в комнату.

30. Перебежчик

Катерина не поверила, что Рональд станет доносить на Роба – потому что искренне не понимала, что тот получит в результате. Её? Нет, не выйдет. И с большой вероятностью – рассорится с Робом. Злость-месть? Ну да, такие люди бывают, но это ж минус ему в её глазах, неужели не понимает?

Но на всякий случай она вечером сказала Робу:

– Сегодня Рональд угрожал мне, что расскажет лорду Грегори, кто взял у него кольцо.

– Что? – нахмурился тот, не понимая. – Какое кольцо?

– Кольцо Мэгвин. Которое таким образом к ней вернулось, и она смогла освободиться и уйти.

– А, точно! – вспомнил, называется. – Да отец уже забыл, наверное!

– Куда там, забыл, когда он узнал, что Мэгвин ушла, то так орал, что едва крыша не обрушилась, – поморщилась Катерина, вспоминая.

– Так-то он говорил, конечно, что это кольцо – великое сокровище нашего рода, но я, если правду сказать, не понимаю до сих пор – был с него какой-то толк или нет. Конечно, оно хорошо, когда рядом живёт лекарка – ты, если что, или сам к ней пойдёшь, или в замок позовёшь. Но старуха Мэг ведь не последняя лекарка в этом мире, правда?

– А Джон говорит, что когда она была женой вашего предка, то даже климат был мягче, – заметила Катерина.

– Климат? Это вообще что?

– Погода. Зимы, он сказал, были теплее, а лето – без засухи.

– Может, оно, конечно, и так, но это когда было, во-первых, а во-вторых – может, и вовсе не было, а просто сказки рассказывают. Ты вот веришь, что Старший Народ живёт дольше нас? Мэг-то была старая-старая!

Катерина вздохнула.

– Это у неё кольца не было, вот и состарилась, – сказала тихо. – А потом надела его и снова стала молодая и красивая.

– Да ну? – не поверил Роберт.

– Я видела. И поверила всему, что она говорила – сразу. Потому что, ну, человек так не сделает. Даже если он что-то умеет из магии.

– Ты же умеешь, – глянул на неё муж.

– Умею. Но как она – нет, и вообще не представляю, как это.

– А я не представляю, зачем то кольцо отцу. Они никогда не расходились добром, ни разу. У неё всегда находились для него слова, и никогда – хорошие. Она его терпеть не могла. Да и он её – тоже.

– Мне она говорила, что везде всё должно быть по любви. Лорд должен любить свою землю, тогда и земля будет его любить.

– Куда там, любить! Да люди только и смотрят, как бы не доплатить аренду, как бы не дать оговорённую долю урожая, как бы отсидеться и не пойти бить скоттов, когда те снова привалят! И что, этих вот – любить? Глупости она говорила, и ты за ней повторяешь!

Катерина вздохнула – и не стала спорить. Потому что зачем – всё одно не переубедить. По крайней мере, в лоб.

...Шум и крики в зале стали слышны задолго до обеденного времени – даже Катерина в своих комнатах услышала. И забеспокоилась. Потому что весь её опыт говорил – такое вот никогда не приводит к добру.

И верно – вскоре в двери застучали и завопили – мол, милорд требует миледи в зал немедленно. Открыла Грейс и спросила:

– Что там, Нэд? Чего орут?

– Так лазутчика поймали, с той стороны границы! И говорят, что он на самом деле из ваших, торнхилльских! – и кивнул на Катерину.

– Ерунды-то не говори, миледи и близко к тем делам не стояла, – отмахнулась Грейс.

– Стояла или нет – про то мне неизвестно, но милорд велел тотчас спускаться!

Катерина переглянулась с Грейс и Милли, расправила юбку и двинулась наружу. Девушки поспешили за ней.

В большой зал набилось столько народу, сколько Катерина за месяц жизни здесь разом и не видела – мужчины, женщины, одетые получше и похуже, всякие. Столы разобрали – столешницы приставили к стенам, а верхний стол, за которым они все обычно сидели, просто отодвинули в сторону. Лорд Грегори стоял на своём помосте, а вокруг него – все три сына и Рональд. А на полу перед ним корчился и завывал человек.

Катерина глянула – обычный, здесь такой каждый второй. Вместо обуви что-то к ногам привязано, штаны и куртка серо-коричневые, домотканые, рубаха заношенная, шапка свалилась. И судя по заплывающему глазу и ободранной скуле, его уже били.

Кэт подошла к мужу, её увидели – и затихли. Ой нет, не затихли – замолчали и уставились. Будто она сейчас им что-то скажет.

– Ты знаешь этого человека? – спросил лорд Грегори, мрачно глядя на неё.

– Нет. Но я могла забыть, – пожала плечами Катерина как можно спокойнее.

– А он говорит, что ты – его леди, – сообщил Джейми.

– Может, и так, да только ты лучше других знаешь, что я не помню никого из прежней жизни. И почему не помню – ты тоже знаешь, – и не спускать гадёнышу ничего!

А лорд Грегори велел подтащить лежащего поближе и поставить на ноги.

– Ну, Николас, вот твоя леди. Говорит – не знает тебя. Что скажешь?

– Скажу, что миледи берёт большой грех на душу, – сказал, как плюнул.

– Роб, в чём вина этого человека? – спросила Катерина мужа.

– При нём нашли письмо от графа Сэнд-Рока, с той стороны. О том, что он придёт вскоре и отобьёт у нас владения Торнхиллов, нас повесит, а на тебе женится, – сообщил Роб.

Только не хватало!

– Не знаю никакого Сэнд-Рока и знать не желаю, – сообщила Катерина.

– А если хорошо подумать? – вкрадчиво спросил над ухом Рональд.

– Вот и подумай, – огрызнулась она. – Если я с ним связана, то где он был в августе прошлого года, когда жгли Торнхилл? Отчего же он не прилетел на крыльях любви и не спас ни отца, ни брата? А может быть, он просто нашёл хороший предлог, чтобы сеять смуту на здешних землях? Недовольных-то хватает!

Их и впрямь хватало, даже Катерина слышала.

– Сестрица Кэт говорит разумно, – согласился Джон. – Если бы Сэнд-Рок присоединился к Торнхиллам прошлым летом, это была бы серьёзная сила, нам без союзников не удалось бы их одолеть.

– А чего тогда он к ней пишет? – спросил Джейми.

– Очевидно, нашёл подходящий предлог, – Катерина поджала губы. – Меня что, кто-то видел с этим человеком? Кто-то может доказать, что я как-то связана с графом Сэнд-Роком? – не перепутать бы и не обозвать, как не надо, думала она.

Наступила тишина.

– Телфордовская шлюха, – сплюнул под ноги пленник.

Катерина посмотрела на него – старше Роба, но младше любого из её сыновей. Сам впутался в сомнительное дело? Или кто заставил? Может, у него там семья в заложниках? Или

нет никакой семьи? Но судя по тому, что она читала в дневнике Кэт – реальная миледи Кэтрин не имела никаких дел с лазутчиками скоттов. И знать не знала никакого графа с той стороны. А если и знала – то совершенно о нём не задумывалась.

– Ты сам пришёл сюда? Или тебя заставили? – спросила она, глядя прямо в глаза.

– Никто меня не заставлял, и не заставит, никогда! – и добавил ещё словечек про лорда Грегори и весь его род – подлых предателей, бьющих в спину.

Ещё один Джейми, короче. Только старше. Значит, как будет – так и будет.

– Повесить, – бросил лорд Грегори.

И это его решение было восторженно принято всеми в зале.

Дальше Катерина понадеялась, что её отпустят, но напрасно. Роб крепко держал её за руку, и она шла вместе с остальными родственниками наверх – как оказалось, одна из комнат второго этажа, расположенная аккуратно над главным входом, открыта всем ветрам. Летом, наверное, это терраса, а сейчас – холодный балкон. В наружной стене была проделана стрельчатая арка, и под ней-то как раз и встали все братцы-Телфорды, их отец и Рональд. За спинами маячили немногочисленные ближние люди.

Катерина не нашла в себе сил смотреть на казнь – не та у неё психика, да и у Кэт, она полагала, тоже была не та. Кэт бы ещё и рыдать начала, очень уж впечатлительная была девочка, судя по всему. А она просто зажмурила глаза.

Вопли обозначили момент, когда всё свершилось. Роберт обхватил Катерину за плечи. Правильно, напомни им всем, что это – твоё, другого-то языка здесь не понимают.

– Что-то наш Роб от своей жены совсем разум потерял, околдовала она его, не иначе, – громко сказал в тишине Рональд.

– Ладно тебе, околдовала, – пробурчал Роб. – Женишься – поймёшь.

– И понимать не хочу, – продолжал тот. – Хочу оставаться в уме.

– Хватит, Рон, – оборвал его лорд Грегори. – Как баба уже, честное слово! Только и горазд языком трепать!

Так его, нечего!

– Почему же языком трепать? Я обещал рассказать, куда делось кольцо колдуньи Мэг, и я расскажу, – вкрадчиво произнёс тот. – Это Кэт так задурела голову бедняге Робу, что он взял то кольцо и отдал его колдунье.

31. Прошлое и будущее

Лорд Грегори обвёл стоящих вокруг мрачным взглядом, задержался на Рональде.

– А ты откуда знаешь? Вместе ходили?

– Нет, – тот глядел мрачно. – Я потащил вот её к колдунье, а Роб пошёл в замок, потому сказал, будто знает, что дать старухе Мэг в уплату, потому что иначе она для Телфордов пальцем не шевельнёт. Я и не знал ни про какое кольцо, пока он его старой ведьме не дал. И вспомнил только потом, когда того кольца хватились.

– И отчего же сразу не сказал, подлая рожа? – лорд Грегори надвинулся на племянника.

– Так повода не было, – усмехнулся тот и нагло сверкнул синими глазами.

– Так и проваливай, мерзкое южное отродье! Повода ему, значит, не было! Вон из моего дома, и знать о тебе ничего больше не хочу! Не был бы сыном сестры – пришиб бы на месте, а так, – никто не успел ничего понять, а тяжёлая рука лорда Грегори уже припечатала Рональдову щёку.

Тот дёрнулся.

– За что, дядя?

– За то, что или уж сразу доноси, или до конца века своего молчи, бестолочь, – изволил пояснить тот. – А козни строить в этих стенах нечего, у меня для того вон баб дурных полный дом. Хотел воевать? Так и надо было воевать, а не за бабами волочиться и не склочничать. Так и скажи своему отцу – выгнали с позором, возвращаться не велели. Потому что доверия тебе больше нет, и за спиной я тебя больше не оставлю.

И не сводил с Рональда взгляда, пока тот бочком, держась за щёку, не убрался в дверь, забирая с собой своих людей.

А лорд Грегори повернулся к Роберту и Катерине. Роберт так и держал её за плечи, ей было страшно, но любопытно – как долго тот продержится против отца и лорда.

– Слушаю тебя, сын и наследник. Что скажешь? – спросил обманчиво мягко.

Тот прямо съёжился сразу – кажется, никак не ожидал, что с него вот прямо спросят.

– Ну, взял. Ну, отдал Мэг. А чего?

Да-да, а что такого, так говорили дети в школе.

И Валера так же говорил.

– Я-то думал, у меня сын. А у меня – не пойми что, – лорд всё ещё не сводил с Роба тяжёлого взгляда.

– А кто бы ещё спас Кэт? – пробурчал Роб. – Все только жрать горазды! И с обрыва толкать! Кому она мешает?

– Да кому нужна твоя баба! Одной больше, одной меньше, делов-то. А ты, значит, решил, что эта вот твоя жена стоит семейного сокровища.

– Да какое там сокровище-то! Ну, видел я его, в руках держал! Обычная побрякушка, только старая, толку-то от неё! Разве что ведьму привязать, но пользы-то с той ведьмы! Она нам что, земли защитит? Клинки вражьи отведёт? От заговоров избавит? Перед королевой слово замолвит? Да ничего подобного! Только вылечит, и то – если согласится! Поэтому – невелика плата за то, что вернула мне жену!

– А было ли, откуда возвращать? – лорд так злобно глянул на Катерину, что та чуть было снова не зажмурилась.

Удержалась.

– А я не помню, милорд, – сказала, так же сощурившись. – Вам же дела нет до того, кто из вашей родни как развлекается.

– Моя родня – это моё дело, тебя не касается, – отрезал Грегори. – Говори, о чём спрашено!

– Пока не бьют – и не касается. А вы зря думаете, что вам дела нет. Вам не вечно быть сильным и здоровым! Будете старым и больным, и кто защитит вас от вашего же сына? Для него нет ничего святого, кроме права сильного, и сейчас вы сильнее, а когда не сможете с постели подняться – тут он вас и подстережёт! Как дикий зверь, который перегрызает горло вожаку, если вожак уже не может никого убить! А у вас ещё и племянник такой, подумаешь, сейчас прогнали, а потом передумаете – и заползёт обратно!

Уж это Катерина знала хорошо. Пока была завучем – кланялись, и здоровались, и говорили вежливо. А как только оказалась в последний свой год в школе просто учителем, так и выяснилось, что очень уж многим она за годы перешла дорожку. Но тут-то – родная кровь!

– Мой сын – не то дурак совсем, не то одержим, – мрачно сказал Грегори. – И не тебе его порочить – он из-за тебя всем рискнул.

– Так у вас три сына. И если два – люди, то третий, как и племянник – зверёныши.

– Закрой свой грязный рот! – завопил каким-то чудом молчавший до того Джеймс.

– А ты вообще иди вон, – рявкнул на него Роберт.

– Молчать! – Грегори пнул стоящую у стены лавку, лавка с грохотом упала.

– Что-то вы слишком раскричались сегодня, дети мои, – с этими словами на сцену вступило новое лицо.

Священника отца Мэтью Катерина уже, конечно, видела – и на воскресных службах в замковой часовне, и время от времени в обеденной зале. Вроде бы он постоянно проживал в замке, но фактически всё время находился в разъездах – крестил, венчал, отпевал, утешал, что-то ещё делал. Выглядел он всегда по-деловому, просто так по замку не болтался и с досужими разговорами ни к кому не приставал. Катерина и дома-то не очень знала, как разговаривать с такими людьми, потому что выросла закоренелой атеисткой и даже во взрослом возрасте уверовать не смогла, а здесь и вовсе – только память тела и выручала. Тело, завидев чёрную рясу, опускало голову и кланялось, получало благословение и шло дальше. Острый момент возник однажды, когда отец Мэтью решил не ограничиваться благословением, а побеседовать, но Катерина опасалась, что незнание правил поведения и вообще того, как общалась с ним Кэт, немедленно её выдаст, и свернулась в мысленный клубок, повторяя про себя – ничего не помню, ничего не знаю. Что ей тогда помогло – она не поняла, не то внушила что-то, не то и впрямь очень вовремя кто-то возник и позвал священника вниз, но – он улыбнулся и не стал настаивать.

А теперь пришёл и вмешался.

– Что натворил Рональд? – поинтересовался отец Мэтью у лорда Грегори – как ни в чём не бывало.

– Что надо, то и натворил, – буркнул лорд. – Мерзкий интриган, как и его мать. Гадкий щенок.

– Ты, можно подумать, этого раньше не знал, – усмехнулся священник. – А ты, Джеймс? Снова кого-то побил?

– Кого надо, того и побил, – ошетинился Джейми.

– Не смей лгать, – отец Мэтью, сухой и невысокий человек средних лет, казалось, стал выше Джейми на голову.

Катерина подумала – и присоединилась к вопросу отца Мэтью. Невербально и с большой силой. Джеймс набычился, вздохнул... и заговорил.

– Да снова стали выяснять про неё вот, а что, она из поганой семьи, и сама такая, и я бил её, раз Роб не бьёт, потому что нечего ей по земле ходить! Надо было по кругу пустить да с башни сбросить потом, а Роб, видите ли, в дом её привёл, да не просто так, а ещё и обвенчался! Так что, много ли тебе, братец, с того прибытку? Ещё, того и гляди, наследничка тебе родит

– такого же дрянного предателя, как весь их род! Даже за своего перебежчика не заступилась, только чтобы свою шкуру сберечь! Правильно Рон про неё говорит! А ты, Роб, уверен, что у них ничего не было? Я вот – нет, и я лучше Рону поверю, чем этой вот!

Ничего ж себе, сколько слов, и всё про неё! Катерина давненько уже такой откровенной грязи в свой адрес не слышала. Ладно, часть про неё, остальное – про беднягу Кэт, которая, как сейчас было совершенно понятно, дурного слова в этом доме никому не сказала и глаз лишний раз ни на кого не подняла. И вот, оказывается, откуда взялась по крайней мере часть синяков на упавшем со скалы теле. От кого.

– А ты, Джеймс, не иначе как свечку держал? – ласково спросил отец Мэтью. – Или, наоборот, злишься, что тебе ничего не досталось? Так будешь таким злым – и никогда не достанется, на тебя ни одна девушка по доброй воле не поглядит, и так ты и не узнаешь – каково это, быть любимым.

– Да больно мне это надо!

– Всем надо. А не понимаешь пока – значит, мал ещё, значит, учить тебя надо. Зайдешь ко мне позже, я скажу, что тебе следует сделать. Сейчас же ступай.

Джейми разинул рот, потом закрыл его... Грегори молча показал ему на дверь. Тот злобно зыркнул на Катерину и вышел.

– А теперь мы остались, я полагаю, тесным кругом разумных взрослых людей, – отец Мэтью обвёл взглядом лорда Грегори, Джона, до того молчавшего, и Роба с Катериной. – И вы расскажете мне, из-за чего сыр-бор.

– Из-за того, что я этого выродка тоже знать больше не хочу, – кивнул лорд Грегори на Роба. – Не был бы сыном – повесил бы на воротах уже сейчас. И бабу его дурную рядом. Это же он украл кольцо и отдал его ведьме Мэг! За то, что вылечила его жену распрекрасную.

– Что выросло, то выросло, – покачал головой священник. – Ты радоваться должен, что у Роберта в сердце ещё есть что-то человеческое, не как у Джеймса, или Рональда, или у тебя самого. Нам свыше заповедано любить супругов наших, а если муж не будет защищать жену свою – то какой он после того муж и вообще мужчина? Роберт поступил правильно. Отца положено чтить, но родители – это наше прошлое. А жена принесёт ему детей, это – его будущее. И будущее всего вашего рода, о нём заботился Роберт, когда спасал свою жену. И если ради будущего Телфордов было нужно, чтобы кольцо вернулось к язычнице Мэгвин – значит, так было суждено свыше.

– Что же теперь, женился – так отца можно и не слушать? – усмехнулся Грегори.

– Слушать нужно, а жить – уже своей головой. И своим домом, как Джон. Жил бы ты, Роберт, сам, не было бы всей этой грязи вокруг тебя и твоей жены.

– Так и пусть проваливает с глаз моих, – проговорил Грегори.

Неужели свершилось? Сердце Катерины забило сильно-сильно.

– В Прайорсли? – негромко спросила она.

– Ещё чего, – ответил Грегори, как отхлестал. – Обойдешься без Прайорсли. Оба обойдетесь. Хотите свободы? Извольте. Убирайтесь в Торнхилл! Ты, Роберт, больше не лорд Прайорсли, ты теперь – лорд Торнхилла. Я сказал.

Повернулся и вышел, хлопнув дверью.

Роберт изумлённо смотрел на Катерину, едва ли не открыв рот.

– Ты справишься, сын мой, – улыбнулся ему отец Мэтью.

Часть вторая. Порядок против хаоса

1. В путь

Вот так и вышло, что в конце зимы Катерина с мужем и тремя десятками его людей двинулась из Телфорд-Касла в Торнхилл.

Сначала она опасалась, что лорд Грегори выставит их двоих на мороз в тот же день – в том, в чём есть, и с собой разрешит взять то, что они смогут унести в руках. Но, к счастью, лорд понимал, что с пустыми руками в том Торнхилле делать нечего – наверное. Или поостыл. Катерина его не спрашивала, и Роберт – тоже.

Военный совет собрали в тот же день в покоях Катерины – потому что Роберт мог только махать руками и издавать нечленораздельные звуки. Тогда она обхватила его за плечи и сказала – пошли, господин мой и супруг, будем думать. И ты, Джон, и вы, святой отец. И если вы знаете ещё кого-нибудь разумного – то прихватите по дороге, а если вам встретится обед – так и вовсе замечательно.

В итоге Грейс, Милли и камердинер Майк накрыли обед в гостиной Катерины, и ещё туда осторожно, боком проник Фил Чёрный Палец – капитан Робова отряда. Катерина сначала подумала, что там с пальцем – гангрена или ещё какая зараза, но оказалось, что он просто всё время носил на среднем пальце левой руки что-то вроде кастета из воронёного металла, за то и получил прозвание. Войдя, он поклонился Катерине и тихо сел в углу, хищно поглядывая на Милли и Грейс.

– Отправимся через Солтвик, – говорил Джон, – а там дальше видно будет. Если придёт оттепель, то дороги развезёт уже через неделю. Конечно, тебе, Робби, неплохо бы уже быть к тому времени на месте, но – как повезёт. Кэт, останешься пока в Солтвике, с Анной. И ей повеселей, и тебе попроще.

– Почему останусь? – не поняла Катерина. – Это же вроде как моё имущество?

– Да, но – оно не подходит для того, чтобы там жить благородной даме.

– Это надо ещё посмотреть, – сказала она. – Насколько велики разрушения, сколько нужно вложить в починку, и что там вообще есть.

– Кэт? – Роберт смотрел на неё не мигая. – Ты что, вправду собралась в этот твой Торнхилл?

– Конечно, – снова не поняла Катерина. – А почему нет? Нас в кои веки никто не станет удерживать. И ты уже будешь хозяином, а не мальчиком на побегушках. Честно, ты не станешь хуже от того, что сам будешь управлять замком и окрестностями. Джон, есть ли там рядом деревня? Жители?

– Домик управляющего цел, – вдруг откликнулся Чёрный Палец. – Мы там ночевали перед Рождеством, когда патрулировали те края.

– А сам господин Айви? – спросила Грейс. – Он жив?

– Был жив, – кивнул парень, – и жена его, и дети – двое, кажется.

– Он будет рад принять миледи с супругом, – не усомнилась Грейс ни на минуту.

А Джон только качал головой.

Он потом предпринял ещё одну попытку образумить Катерину, уже наедине.

– Кэт, зачем тебе ехать в грязь и разруху? Подожди до лета, Роб устроит хоть какое-нибудь жильё для вас, потом приедешь.

– Ты о чём, Джон? Роб-то устроит, конечно. Ты сам-то в это веришь?

– Может, ты и права, но – неужели ты готова сама заняться делами разорённого поместья?

– Джон, если ты помнишь, это моё поместье. И случись что с Робом, мне больше деваться некуда. Поэтому я хочу, чтобы там можно было жить – ему, мне и не только мне.

Ну вот ещё, дачу же строили, и потом ещё после пожара восстанавливали, значит – и здесь прорвёмся!

– Ты не знаешь, о чём говоришь, Кэт, – качал головой Джон.

– Если не попробую – то и не узнаю. И конечно, мне понадобится помощь и советы. Я думаю, Робби справится с конюшней и псарней, и с охраной границ. А вот об остальном, как мне кажется, придётся думать мне.

– Да ты как будто рада, – Джон смотрел на неё с изумлением.

– Не как будто, – вздохнула Катерина и опустила взгляд на колени. – Просто хочу уже быть хозяйкой, а не комнатной собачкой.

– Хорошо, разберёмся, – улыбнулся он и отправился по своим делам.

Конечно, не обошлось без леди Маргарет. Когда она узнала о решении своего супруга, то от её крика едва не обрушились перекрытия второго этажа – во всяком случае, Катерине казалось, что стены дрожат, как при землетрясении, которые в её родных краях нет-нет, да случались. Сиятельная леди известила весь замок о том, что её супруг – чудовище (с чем Катерина была отчасти согласна), её невестка – ведьма, отродье ведьмы и шлюха (с чем она согласиться уже не могла никак), а любимый старший сын – несчастная жертва подлых интриг (сыночка-корзиночка, да). Роб услышал, плюнул и спасся бегством, то есть – укрылся в спальне Катерины, там мать не стала его искать. Но ей удалось изловить Майка, и бедный парень был вынужден слушать – какие вещи брать с собой, чем кормить милорда и как за ним ухаживать. И тот потом потихоньку плевался – можно, говорит, подумать, миледи хоть раз собирала милорда Роба в поход, что так говорит. Правда, Катерина подозревала, что о сборах в поход леди Маргарет никто не сообщал, во всяком случае, она на месте Роба не сообщала бы.

Эй, стой, вдруг одёрнула она себя. Давно ли ты обижалась на Наталью, что та не говорит – куда поедет в отпуск, где там будет жить и когда вернётся? И что едет в такие места, где не ловит сотовая связь, и не звонит по вечерам? Но, глядя на леди Маргарет, Катерина понимала, что тут и сотовая связь не помогла бы. Эх, где ты, сотовая связь, водопровод, электричество, центральное отопление и всё прочее, что казалось даже иногда излишним, а на самом деле – нужное и полезное?

Собираться оказалось не так уж и долго. Вещи Катерины легко вернулись в сундуки, вещи Роба тоже были запакованы. С собой на всякий случай взяли посуду – котлы и сковородки, и припасов – Катерина пошла с Джоном и управляющим Гаррисом в кладовые, и прямо сама лично отобрала и муку, и мёд, и копчёности, и солонину, и рыбу – копчёную и солёную, и сыр. Джон заверил, что молоко и прочее подобное достанем на месте, не в пустыню же едем. Вот и Катерина думала – не могли же убить там вот прямо всех, и где-то же эти люди живут, и что-то едят. Значит, задача должна иметь решение.

Лорд Грегори не возражал, более того – вообще покинул замок, отправившись с большим отрядом куда-то на границу. Наверное, ловить ещё каких-нибудь перебежчиков. И когда четыре телеги с вещами и четыре десятка всадников покидали Телфорд-Касл, никто особо и не обратил на это внимания, кроме отца Мэтью, который тоже отправлялся в путь, только в другую сторону. Он благословил отряд и пожелал удачи. Леди Маргарет страдала очередной немощью и не вышла их провожать, Джеймс попрощался разве что с братьями и обещал по возможности заехать и посмотреть, как там и что, и только Энни и Фанни горевали оттого, что уезжает Катерина. Они горько плакали – обе, и немного успокоились только после того, как Джон обещал летом свозить их в гости. И дороги будут посуше, и в самом поместье уже какой-никакой порядок наведут.

Видимо, что наведут, никто уже не сомневался.

До Солтвика добрались в два дня – к счастью, погода стояла солнечная и безветренная. На ночлег остановились у одного из людей лорда Телфорда, вроде того господина Джеральда, который разводит лошадей. У этого была пасека, и его мёд, говорят, слыл лучшим в округе. Но после груш в меду от леди Маргарет Катерина уже не могла спокойно слышать про мёд и его производные, хоть и понимала, что лучше с ним, чем без него. А к вечеру следующего дня отряд обогнул холм – и увидел Солтвик.

Четыре башни – не такие мощные, как в Телфорде, этажа на два с половиной, и двухэтажные строения между ними. Меньше Телфорда раза в два, и больше похоже на жилой дом, чем на военный лагерь.

Джона встретила его супруга Анна – а потом подошла обнять Катерину. Она оказалась глубоко беременной миловидной блондинкой – вот так, а Джон-то прав, что не привозит её в родительский дом, здесь ей и вправду лучше и спокойнее. Анна с искренней радостью распорядилась размещать гостей, и подавать ужин, и греть воду, чтобы всем помыться с дороги.

– Вы ведь задержитесь у нас, дорогая сестра? – спросила она после ужина у Катерины. – Пока мужчины поедут в Торнхилл, мы с вами прекрасно проведём время здесь.

– Не могу обещать, – вздохнула Катерина.

Она уже слышала, что дорога отсюда в Торнхилл – это от рассвета до заката, если хорошей рысью. Но какая же ей хорошая рысь? Разве только – надеть штаны под юбку и сесть в седло по-мужски? Ладно, что-нибудь придумаем.

В комнате, куда поселили их с Робертом, было тепло – её весь день прогревали жаровней, которую убрали только перед тем, как им лечь спать. Можно даже немного высунуться из-под одеяла, и не укрываться тяжёлым плащом. Придвинуться мужу под бок и уснуть.

2. Слушать и слышать

Наутро оказалось, что Роб вовсе не горит желанием куда-то ехать из Солтвика. По крайней мере, пока его не припёрло. И пока его никто не погнал дальше. В Солтвике было тепло и сыто, а на что похож Торнхилл, он представлял себе слишком хорошо – так и сказал.

– Кэт, ты не знаешь, о чём говоришь. Ты там когда была в последний раз? Три года назад, летом? Вот. Я тоже – летом, в прошлом августе. И то под конец было неуютно. А сейчас, зимой, думаю – и вовсе. Давай подождём весны, потом поедем.

– К весне хорошо бы уже понимать, что нам нужно и где это берут, – покачала головой Катерина. – Что там придётся перестраивать, что можно оставить так, что там растёт, что едят, какие есть люди и на кого мы можем рассчитывать.

– Кэт, как всё это в твою голову помещается? В мою и то не лезет, а ты говоришь – понимать, что нам нужно. Не понимаю я, и всё тут.

– Но само-то оно не сделается, – вздохнула Катерина.

– Да и ладно, – подмигнул Роберт. – Иди сюда, не будем торопиться, – и он притянул её к себе и усадил на колени.

О том, что Роб, оказавшись вне приказов отца и контроля матери, вовсе не захочет никуда бежать, а наоборот, притянется к тщедушному телу Кэт – об этом Катерина как-то не подумала совсем. А могла бы. Значит, это в Телфорд-Касле он мотался по внутренним замковым дворам и ближним и дальним окрестностям потому, что не хотел встречаться с матушкой – и выполняя задания отца. А теперь или ему кто-то должен давать задания, или... или что-то ещё. Сам, по доброй воле он с места не сдвинется.

– Погоди немного, пить хочу. Есть вода во фляжке? Дай сюда, будь добр. Спасибо.

Да, Роберт лучше Рональда или Джеймса. И в гостях хорошо. Но дома, как известно, лучше. А дома-то у них пока и нет. И если рассчитывать только на Роба – то и не будет.

На улице было так тепло, как на родине Катерины – в конце марта, а то и в апреле. Но здесь лежал снег, мокрый и мягкий, и благодаря близнему морю не было больших холодов. Наверное, с виднеющихся в окно невысоких горок что-то течёт, а весной – течёт много и активно. Значит, и вправду скоро везде будет стоять и бежать вода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.